

61.
PĒTERA STUČKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. ПЕТРА СТУЧКИ

**ZINĀTNISKIE RAKSTI
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

LXI SĒJUMS * ТОМ LXI

RĪGA 1965. РИГА

PĒTERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. ПЕТРА СТУЧКИ

ZINĀTNISKIE RAKSTI
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

LXI SĒJUMS * TOM LXI

IZDEVNIECĪBA «ZVAIGZNE»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗВАЙГЗНЕ»
RĪGA 1965 РИГА

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. ПЕТРА СТУЧКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВЫПУСК 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗВАЙГЗНЕ»
РИГА 1965

REDAKCIJAS KOLĒGIJA

vēstures zinātņu doktors, profesors M. Stepermanis,
vēstures zinātņu kandidāte, docente V. Kanāle,
vēstures zinātņu kandidāts I. Greitjānis.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

доктор исторических наук, профессор М. К. Сте-
перманис, кандидат исторических наук, доцент
В. Я. Канале, кандидат исторических наук
И. Р. Грейтъянис.

А. Д. РОЛОВА

кандидат исторических наук, доцент

СТРУКТУРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ ФЛОРЕНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI — НАЧАЛА XVII в.

Экономика Италии XVI—XVII вв. до сих пор изучена мало, источники по экономической истории того времени почти неизвестны¹. Между тем, только решив вопросы экономического характера, можно понять те сдвиги, которые происходили в области социально-политических отношений и культурной жизни. Это, в первую очередь, относится к Флоренции, которая в XIII—XV веках была одним из наиболее развитых экономических центров Италии, одной из ее наиболее могущественных городских республик, колыбелью итальянского Возрождения. Но к XVII веку Флоренция превратилась в малозначительную столицу Тосканского великого герцогства, ничем не отличавшуюся от многих других городов Италии.

Изучение отдельных сторон экономической жизни Флоренции XVI—XVII вв. представляется вполне возможным. Тридцатидвотомное издание законов Тосканского великого герцогства, опубликованное Кантини², содержит многочисленные решения и уставы цехов, в частности, документы ведущих цехов шерстяников (*Arte della Lana*) и шелковщиков³ (*Arte di Por Santa Maria*). Эти документы опубликованы более 150 лет тому назад, но до сих пор не подверглись детальному анализу⁴.

¹ Об этом срв. G. L u z z a t t o. *Per una storia economica d'Italia*. Bari, 1957.

² L. C a n t i n i. *Legislazione toscana*. Vol. I-XXXI. Firenze, 1800—1808. (Дальше: Cantini).

³ Мы переводим термин «setaiuoli» словом «шелковщик» (Срв. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Спб., 1882, т. IV, стр. 646), так как употребляемый для XIV в. термин «шелкоткач» никак не применим для XVI в., когда setaiuoli ничего общего с ткачами не имели.

⁴ Единственным исключением является характеризуемая ниже работа Фанфани, в которой они использованы далеко не исчерпывающим образом.

Между тем они проливают свет на такие вопросы, как уровень развития промышленности и ее организация, формы эксплуатации трудящихся, классовая борьба и др. На основании этих документов мы и попытаемся выяснить характер промышленного производства того времени¹.

Наличие в XIV—XV вв. капиталистических форм промышленного производства в сукноделии и шелкоделии в виде смешанных мануфактур доказано², но не ясно, что стало с этими мануфактурами позже; сохранились ли они в последующих веках или же капиталистические отношения возникли в XVIII веке заново. В исторической литературе нет специальных исследований по этому вопросу, если не считать небольших работ Эдлер и де Рувера³, а также беглых замечаний в книгах и статьях Дорена, Дорини, Романо, Баттара⁴. В обширном исследовании по истории труда в Италии XVI—XVII веков Фанфани уделил много внимания характеристике промышленности Флоренции, но интересующая нас проблема затронута им лишь вскользь; кроме того, многие его утверждения по меньшей мере спорны⁵.

Одним из основных недостатков вышеупомянутых трудов буржуазных ученых является статичный подход к изучаемым явлениям. Рассматривая период с конца XV в. до середины XVIII в. как единое целое (Фанфани) или же оперируя данными XVI века для характеристики XIV и XV вв. и наоборот (де Рувер), эти историки, естественно, искажают подлинный характер исторического развития. Ничем неоправданная модернизация и расплывчатость терминологии снижают научную ценность этих работ.

Данная статья не претендует на окончательное решение поставленной задачи. Односторонний характер источников,

¹ Кроме издания Кантини, нами были использованы подлинники законодательных актов Тосканского великого герцогства, напечатанных типографским способом и хранящихся в библиотеке Ленинградского отделения института истории АН СССР (49 томов) под названиями «*Editti fiorentini*», «*Leggi, bandi fiorentini*» и т. д. Они существенным образом дополняют неполное собрание Кантини.

² В. И. Рутенбург. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. М.—Л., 1951. Его же. Народные движения в городах Италии XIV — начало XV века. М.—Л., 1958.

³ F. Edler. Glossary of medieval business terms. Cambridge (Mass.), 1934. R. de Roover. A Florentine firm of cloth manufacturers. — «*Speculum*», v. XVI, 1941, N I.

⁴ A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie vom XIV bis zum XVI Jahrh. Stuttgart, 1901. U. Dorini. L'arte della seta in Toscana. Firenze, 1928. R. Romano. A Florence au XVII siècle. — «*Annales*», 1952, N 4. P. Battara. Botteghe e pignoni nella Firenze del' 500. — «*Archivio storico italiano*», 1937, disp. 3.

⁵ A. Fanfani. Storia del lavoro in Italia dalla fine del sec. XV agli inizi del XVIII. Milano, 1943.

дополненных лишь немногочисленными материалами иного типа, вроде бухгалтерских книг компании Медичи¹, трактата о шелке² и других, позволяет высказать по многим вопросам лишь предположительные суждения. Все же основные черты структуры промышленного производства проявляются в доступном нам материале достаточно отчетливо, и сравнение с предыдущими веками вполне возможно.

Ведущими отраслями промышленности Флоренции в XVI и XVII веках были сукноделие и шелководение. Поэтому характеристика этих отраслей промышленности дает нам ключ к пониманию характера промышленного производства Флоренции того времени в целом. Данные по другим отраслям производства могут лишь дополнить картину.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Процесс производства шелковых и шерстяных тканей уже в XIV—XV веках был очень сложным и требовал значительного разделения труда, больших капиталовложений и много рабочих рук. Купец, занимавшийся закупкой сырья и сбытом готовой продукции, рано стал организатором производства, владельцем сырья и части орудий производства, эксплуататором рабочих и зависимых от него ремесленников. Процесс производства происходил частично в центральной мастерской купца-предпринимателя, частично в мастерских и домах зависимых от него ремесленников. В этом отношении XVI и XVII вв. никаких сколько-нибудь значительных изменений не принесли.

В. И. Ленин писал: «Развитие и углубление разделения труда происходит весьма медленно, так что мануфактура целыми десятилетиями (и даже веками) сохраняет раз принятую форму»³.

Для окончательного завершения работ по изготовлению куска сукна в XV в. последний должен был пройти через 20—30 рук⁴. То же самое имело место в XVI—XVII вв.⁵. Источники свидетельствуют о следующих основных этапах про-

¹ F. Edler. Glossary..., Appendices I-IX.

² G. Gargioli. L'arte della Seta in Firenze. Trattato del sec. XV. Firenze, 1868. (Дальше: L'arte della seta).

³ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. III, стр. 374.

⁴ A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 43.

⁵ Срв. А. Citolini. La Tipocosmia. Venetia, 1561, p. 431—433. T. Garzoni. La piazza universale di tutte le professioni del mondo. Venetia, 1617, f. 317—319.

изводства сукон: сортировка и взвешивание шерсти, промывание, трепание для удаления узелков, битье, смачивание маслом, расчесывание кардой и гребнем, прикрепление чесаной шерсти на прялку, прядение, снование, ткачество, выщипывание узелков и ворсинок, очистка, ворсование, валяние, стрижка, растяжка сукон, починка, проверка, сучение каймы, окраска шерсти или сукон, упаковка готовой продукции¹.

Наиболее тонкие сукна (*gascè*) подвергались, кроме того, прессовке на специальных прессах (*strettoi*). Она придавала ткани особый блеск. Неизвестно, когда была введена прессовка, но не подлежит сомнению, что в середине XVI в. она окончательно утвердилась во Флоренции, как и в других городах Италии².

На основании бухгалтерских книг компании Медичи XVI века де Рувер насчитал 26 различных этапов производства сукон³. По данным источника XVII века, относящегося к городу Комо, изготовлением одного куска сукна было занято в течение одного месяца 25 человек⁴.

Отдельные производственные операции выполнялись в разных местах. Прядильщицы и ткачи работали на дому⁵, а промывальщицы, красильщицы, стригальщицы, сукновалы, чистильщицы и ворсовальщицы, а также мастера по растяжке и починке сукон в своих мастерских⁶.

Сортировали шерсть в центральной мастерской шерстяника⁷. Там же, видимо, работали мастера по выщипыванию

---

¹ На этих работах были заняты: сортировщики (*sceglitori*), шерстобиты (*battilani*), трепальщики (*divittini*), мастера по прикреплению шерсти на прялки (*arpenecchini*), прядильщицы (*filatrici*), сновальщицы (*orditrici*), ткачи (*tessitori*), красильщики мареной (*tintori d'arte maggiore*) и красильщики вайдой (*tintori di guado*), промывальщицы шерсти (*lavatori*), сукновалы (*gualchierai*), чистильщики сукон (*purgatori*) и ворсовальщики (*cardatori*), мастера по растяжке сукон (*liratoiai*), стригальщики (*cimatori*), мастера по выщипыванию ворсинок и узелков (*riveditori*), починщики (*rimendatori, rimediatori*), а также различные рабочие, посредники, надзиратели и др.

² Cantini, v. IV, p. 83.

³ R. de Roover. *A Florentine firm...*, p. 11.

⁴ E. Verga. *Le leggi suntuarie e la decadenza dell'industria in Milano (1565—1750)*. — *Archivio Storico Lombardo*. Ser. III, v. XIII, an. 27, Mil., 1900, p. 89.

⁵ Cantini, v. IV, p. 80, v. XV, p. 58 и др.

⁶ *Ibidem*, v. IV, p. 386, v. VII, p. 230—231, v. XII, p. 345, 356, 360 и др. В списке лавок и мастерских Флоренции 1561 г. упомянуты 23 мастерские стригальщиков, 16 мастерских по очистке сукон, 2 по починке сукон, 34 мастерские красильщиков. (P. Battara. *Botteghe e pigioni...*, p. 14—17).

⁷ F. Edler. *Glossary...*, p. 411.

ворсинок и узелков¹. Сновальщицы работали, по мнению Эдлер, как в центральных мастерских, так и на дому². Что касается трепальщиков, шерстобитов, чесальщиков, которые в XIV в. трудились в центральных мастерских шерстяников³, то, по предположению Эдлер, в XVI в. они работали на дому. В данном случае она ссылается на то, что в бухгалтерских книгах Медичи нет никаких указаний о подобной работе в центральных мастерских⁴. С этим предположением нельзя, однако, согласиться.

Писатель Грацини в одной из своих новелл говорит о шерстобитах и трепальщиках шерсти, работающих в мастерской шерстяника⁵. В XVIII в. они также работали в центральных мастерских⁶. Косвенным доказательством того, что трепальщики, шерстобиты и чесальщики работали в центральных мастерских, является то, что карды, гребни, масло, необходимые им, принадлежали шерстяникам⁷. Наконец, следует принять во внимание и то, что цеховые решения, уделявшие очень много внимания лицам, которые трудились в своих мастерских, ничего или почти ничего не говорят о шерстобитах, трепальщиках, чесальщиках, т. е. именно о тех, которые в предыдущие века были заняты в центральных мастерских. Не приходится сомневаться в том, что в XVI веке они работали там же.

Большинство упомянутых производственных операций выполнялось во Флоренции и лишь промывание, валяние, прядение — во флорентийском контадо⁸.

Из всего вышесказанного вытекает, что в суконной промышленности Флоренции XVI и первой половины XVII в. сохранилось такое же разделение труда и такая же организация работы, как и в предыдущие века; работа в центральной мастерской сочетается с работой в мастерской и на дому у мелкого мастера.

Процесс производства шелковых тканей во Флоренции

---

¹ Флорентийский писатель середины XVI в. Грацини рассказывает о двух братьях, которые жили в контадо и ежедневно отправлялись во Флоренцию, где они работали в качестве *riveditori* (A. Fr. Grazzini. *Le cene ed altre prose*. Firenze, 1857, v. I, p. 173). В таком случае они могли работать только в центральной мастерской.

² F. Edler. *Glossary...*, p. 419.

³ В. И. Рутенбург. Очерк из истории раннего капитализма в Италии, стр. 137.

⁴ F. Edler. *Glossary...*, p. 411.

⁵ A. Fr. Grazzini. *Le cene...*, v. I, p. 23.

⁶ L. dal Pane. *Storia del lavoro in Italia dagli inizi del secolo XVIII al 1815*. Milano, 1944, p. 27.

⁷ F. Edler. *Glossary...*, p. 363.

⁸ Cantini, v. VII, p. 230—231, v. XV, p. 58. R. de Roover. *A Florentine firm...*, p. 17.

менее известен, хотя источники дают возможность выяснить его отдельные этапы. «Трактат о шелке», относящийся к XV веку¹, может быть взят за исходную точку и для XVI века, так как сохранившиеся списки того времени² свидетельствуют о том, что им продолжали пользоваться. Кроме того, его данные подтверждаются другими источниками³.

Производство шелковых тканей было длительным и сложным. В одном венецианском источнике XVI в. говорится о 16 производственных операциях⁴.

Первый этап, так называемое кокономотание, сводится к размягчению коконов в специальных чанах с горячей водой для обесклеивания, затем к размотке коконовой нити и к совместному наматыванию 2—3 нитей на мотовило⁵.

В предыдущие века во флорентийском шелкоделии, как и повсюду в Италии, почти не занимались кокономотанием. Купцы привозили иностранный, уже смотанный шелк-сырец. Только в XV веке, когда тутовые деревья стали разводиться во Флорентийском государстве, нашел применение местный шелк. Тогда во Флоренции появилось кокономотание⁶. Оно получило более широкое развитие лишь в XVI в.

Кокономотанием занимались так называемые мастера по сматыванию коконовой нити (*li maestri e maestre che traggono sete dalle caldaie; i maestri delle caldaie*), работавшие в своих мастерских⁷. В цеховых решениях XV в. речь идет только о мастерах, работавших во Флоренции⁸, однако в XVI веке многие мастера работали в деревнях всего Тосканского государства⁹.

¹ Вряд ли можно согласиться с мнением издателя Гарджоли, будто трактат сочинен в XIV веке (*L'arte della seta*, p. X), так как: 1) там упомянут местный шелк-сырец, который приобрел промышленное значение лишь в XV в. и 2) необходимость в таком трактате могла появиться лишь в период расцвета шелкоделия, т. е. в XV в. Первый сохранившийся опус относится к 1453 году (p. VIII).

² *Ibidem*, p. IX.

³ A. Citolini. *La Tipocosmia*, p. 438—440. T. Garzoni. *La piazza universale...*, f. 391—393.

⁴ R. Broglio D'Ajano. *Die venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgang des Mittelalters*. Stuttg., 1893, S. 23.

⁵ H. Silbermann. *Die Seide, ihre Geschichte*. Dresden, 1897, Bd. I, S. 355—362. R. Broglio d'Ajano. *Die venetianische Seidenindustrie...*, S. 21.

⁶ В 1441 г. во Флоренцию впервые пригласили мастеров по сматыванию коконовой нити (*Statuti dell'Arte di Por Santa Maria del tempo della repubblica*. A cura di U. Dorini. Firenze, 1934, p. 552. (Дальше: *Statuti*).

⁷ Cantini v. X, p. 81, v. XII, p. 286. Срв. также: v. X, p. 80, v. XV, p. 45, v. XVI, p. 48. *Bandi e decreti fiorentini*. Библиотека Института Истории АН СССР в Ленинграде, к. 8702, v. X, f. 156, 157. (Дальше: *Bandi*, ЛОИИ к 8702), *Bandi e leggi antiche*, ЛОИИ к 7566, v. XI, p. 335, 338.

⁸ *Statuti*, p. 552, 612, 629, 642 и др.

⁹ Cantini, v. I, p. 284—287, v. III, p. 234—235, v. IV, p. 139—140 и др.

Следующий этап производства — шелкокручение — состоит, в свою очередь, из целого ряда отдельных операций.

Сначала мотальщицы (*maestre d'incappage*), работавшие на дому, перематывали шелк-сырец с мотка на катушку (*incappage*). При этом нить подвергалась чистке, освобождению от узелков и недоброкачественных частей. Затем шелковщик отдавал перемотанный шелк крутильщику (*filotoiaio*), который работал в своей мастерской (*filatoio*). Здесь шелк-сырец, предназначенный для основы, подвергался кручению (*filare*) на крутильных мельницах. Затем мотки шелковой нити отправлялись обратно в центральную мастерскую для связывания и взвешивания. В красильне мотки подвергались обработке паром (*istufare*). В центральной мастерской их вновь взвешивали, проверяли, разделяли большие мотки на более мелкие (*strafusolare*). После этого тростильщики, (*addoppiatori*), работавшие на дому, соединяли несколько нитей на одной катушке. Наконец, шелковая пряжа вновь попадала в крутильню, где так называемые *torcitori* подвергали нити повторному кручению.

Шелк, предназначенный для утка, проходил этот этап производства несколько иначе. Нить подвергалась сперва трощению, а затем кручению (*torcere*)¹.

В XV веке шелкокрутильни находились в самой Флоренции², но в XVI веке они стали появляться и в деревне, где по специальному разрешению цеха строились крутильные мастерские. Устав 1580 года закрепил эту практику³. В связи с этим, начиная с 1546 года, правительство периодически возобновляло разрешение шелковщикам вывозить из Флоренции сырье для соответствующей обработки⁴.

Следующим этапом производства шелковой пряжи была варка. Этим занимались в красильне так называемые *suocitori*⁵. Затем мотки шелка вновь поступали в центральную мастерскую шелковщика, где они взвешивались, разбирались, вновь очищались. Это была уже завершающая очистка готовой шелковой пряжи⁶.

¹ О шелкокручении срв. *L'arte della seta*, ч. 5—7, 10—11, 118, 120, 121. Е. А. Цейтлин. Очерки истории текстильной техники. М.—Л., 1940, стр. 74—75, 141—142. Н. Silbermann. *Die Seide*, Bd. I, S. 438—439. 471—472.

² В цеховых документах того времени говорится только о крутильщиках Флоренции (*Statuti*, р. 488, 491, 566, 611 и др. *L'arte della seta*, р. 118, 120—121).

³ «E perchè insino al presente dalli Signori Conservadori si è alcune volte data licenza di rizzare fuori della Città predetta, nel suo Dominio, edifizii atti a filare e torcere Sete e Doppii...» (*Cantini*, v. X, p. 77).

⁴ *Ibidem*, v. VII, p. 215.

⁵ *L'arte della seta*, p. 12—16, 117.

⁶ *Ibidem*, p. 22—23.

После этого следовала окраска, производимая в мастерской красильщика. Здесь шелковая пряжа подвергалась также отбелке (*l'inzolfare*), если в этом была необходимость¹.

Специальные мотальщицы вареного шелка (*maestre della seta cotta*), работавшие на дому, перематывали окрашенную шелковую пряжу на катушки². После возвращения ими пряжи в центральную мастерскую, она предоставлялась в распоряжение сновальщиц. Затем заправщик (*rimettitore*) вставлял основу в ткацкий станок, а проборщик (*dipintore, levatore d'orege*) по специальному рисунку пропускал отдельные пучки нитей основы через особые глазки, соединявшиеся с рамными веревками с тем, чтобы ткач мог выткать узорчатую ткань³.

В XV веке сновальщицы работали на дому⁴. Возможно, что в XVI—XVII вв. они стали работать в центральной мастерской⁵. Относительно места работы заправщиков и проборщиков у нас нет данных.

Далее наступала очередь ткача, обычно работавшего на дому. Если ему приходилось ткать узорчатую ткань, то ему помогал дергальщик (*licciaguolo*), который поднимал и опускал рамные веревки⁶.

Готовую шелковую ткань ткач относил в центральную мастерскую. Наиболее тонкие ткани, так называемые *ermesine*, посылались затем в мастерскую мойщика (*acquaiauolo, acquaquolo*). Мойщики могли быть и ткачами, но не каждый ткач мог быть мойщиком. Ежегодно цех специально утверждал флорентийских мойщиков⁷.

Эта специальность была новой; источники XV века не упоминают мойщиков. По-видимому, тогда ткачи сами обрабатывали ткани водой, но в XVI веке, в связи с внедрением в производство тонких тканей типа *ermesine* потребовалась специализация и в этой области.

Последним этапом обработки шелковых тканей было катание. Катальщики (*manganatori*) в своих мастерских подвергали их обработке на специальных катках (*mangani*). Эта

---

¹ *L'arte della seta*, p. 30—70, 116.

² *Ibidem*, p. 70, 119—121.

³ *Ibidem*, p. 70, 74—75. G. Gargioli. *Dialogo* I, III, IV in: *L'arte della seta*, p. 140, 164—166, 172—174, 222—223. Cantini, v. I, p. 272, 303, v. XIV, p. 295. R. Broglio d'Ajano. *Die venetianische Seidenindustrie...*, S. 23.

⁴ *L'arte della seta*, p. 70.

⁵ «... siano tenuti (т. е. шелковщики — A. P.) dare in nota... le tele ordite in bottega con il numero...» (Cantini, v. XV, p. 230).

⁶ R. Broglio d'Ajano. *Die venetianische Seidenindustrie...*, S. 23.

⁷ Cantini, v. VII, p. 176—179, v. X, p. 48—49, 87—89, v. XIV, p. 293—294 и др.

специальность также является новой; ни в «Трактате о шелке», ни в документах цеха Пор Санта Мария ранее XVI века она не упоминается. Только в 1588 г. катальщики, точно так же как и мойщики, были приняты в цех¹.

На этом процесс производства шелковых тканей заканчивался. В центральной мастерской их упаковывали и отсылали к месту назначения.

Во флорентийском шелкоделии занимались также обработкой отходов шелка-сырца, собранных при кокономотании, шелкокручении и шелкоткачестве, а также второсортного сырца, полученного из поврежденных коконов, двойных коконов и т. п. Из этой пряжи изготавливались дешевые ткани, декоративные ткани, ленты, кушаки². В процессе производства сырье подвергалось очистке, чесанию, прядению, кручению. Этим занимались чесальщики (*pettinatori di stracci, stracciauoli*), прядильщики (*filatori*) и др. Чесальщики шелка работали в своих мастерских³, о прядильщиках же у нас нет никаких данных.

Ознакомление с отдельными этапами производства шелка и шелковых тканей позволяет нам прийти к следующим выводам:

1) В шелкоделии, точно так же как и в сукноделии, существовало очень дробное разделение труда: в производственном процессе участвовали лица, имевшие узкую специальность.

2) Система раздачи работы сочеталась с работой в центральной мастерской. Притом основные производственные операции происходили на дому и в мастерских мелких мастеров, в то время как в центральной мастерской занимались, главным образом, второстепенными работами, вроде взвешивания, проверки, очистки, обработки мотков, выдачи и приема продукции, продажи шелка и шелковых тканей⁴.

---

¹ Cantini, v. XII, p. 286.

² Ibidem, v. X, p. 75, 114, 116 и др.

³ Ibidem, v. IV, p. 358, v. X, p. 65. В 1561 г. во Флоренции было 7 мастерских чесальщиков (P. Battara. Botteghe e pigioni..., p. 17).

⁴ «Ne l'Arte de' Mercante è esso mercante, la bottega, le caviglie, è le forbici sue; è poi il far l'arte de la seta, rimondaria, far le masse, darla a la maestra o a' filatoio, o a tignere, o a tessere; e poi vender i panni» (A. Citolini. La Tipocosmia, p. 439). Поэтому нам представляется ошибочным утверждение Баттары, будто в шелкоделии весь цикл производства происходил в центральной мастерской, которая приближалась к современному типу промышленного предприятия (P. Battara. Botteghe e pigioni..., p. 18, 26).

3) В XVI в., по сравнению с предыдущим веком, в шелкоделии произошло гораздо больше изменений, нежели в сукноделии. Во-первых, более широкое развитие получила выработка шелковой пряжи, во-вторых, была усовершенствована выделка шелковых тканей, что повлекло за собой появление новых специальностей, в-третьих, произошло частичное перемещение отдельных производственных процессов в деревню. Последнее наблюдается также в шелкоделии Милана и Генуи¹. Оно объясняется, видимо, стремлением приблизить производство к источникам сырья и использовать более дешевую деревенскую рабочую силу.

Наконец, следует отметить, что и в технике шелковой промышленности появились усовершенствования, которые в сукноделии не наблюдаются². Известно, что в XVI в. в Италии стали широко применять сложные шелкокрутильные машины, которые приводились в действие силой воды³. Трудно предположить, что Флоренция не знала передовой техники своего времени, тем более, что цех Пор Санта Мария поощрял введение новых способов работы⁴. В 1582 г. Монтэнь, посетив Флоренцию во время своего путешествия по Италии, обратил внимание на то, что в мастерских крутильщиков шелка одна женщина работала у машины, которая вращала одновременно 500 шпулек⁵. Вне всякого сомнения, шелкокрутильные заведения, которые создавались в деревне, были оснащены такой же техникой.

Сукноделие и шелкоделие не были единственными отраслями производства Флоренции, в которых существовало разделение труда. В изготовлении льняных тканей, например, принимали участие ткачи, красильщики, катальщики белильщики (*sigandai*) и ворсовальщики, которые работали на дому или в своих мастерских, получали работу от предпринимателя (*linaiuolo*) и возвращали ему готовую продукцию⁶. Не приходится сомневаться в том, что разделение труда характерно также для типографского дела, для производства бумаги, для горнодобывающей промышленности, судостроения и других отраслей промышленного производства, которые в XVI веке обычно организовывались по типу мануфактур.

¹ E. Verga. *Le leggi suntuarie...*, p. 93. H. Sieveking. *Die genueser Seidenindustrie im 15. und 16. Jh.* — «Schmollers Jahrbücher», Bd. XXI, 1897, S. 125.

² Вплоть до XVIII в. во всей Европе техника сукноделия оставалась без изменений.

³ E. A. Цейтлин. *Очерки...*, стр. 141—142.

⁴ Cantini, v. X, p. 117.

⁵ M. Montaigne. *Journal de voyage en Italie*. Paris, 1946, p. 347.

⁶ Cantini, v. IX, p. 98.

Наличие дробного разделения труда свойственно мануфактурному типу производства, но само по себе еще не определяет его характера. Важно выяснить место и роль организатора производства, а также экономическое и социальное лицо непосредственного производителя.

ОРГАНИЗАТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА. КОМПАНИИ

Организаторами производства сукон и шелковых тканей были шерстяники (*lanaiuoli*) и шелковщики (*setaiuoli*), которые сами в процессе производства не участвовали. Они были владельцами мастерских¹, сырья и готовой продукции², а также хозяевами рабочей силы, участвовавшей в процессе производства³. Они являлись не только организаторами производства, но и закупали сырье, торговали готовой продукцией, а зачастую торговали также изделиями чужого производства⁴. Поэтому иногда в источниках их называют купцами (*mercanti*)⁵. Встречаются также выражения «*lanaiuoli e mercanti*», «*setaiuoli e mercanti*»⁶. Однако, судя по контексту, купец не отделим от предпринимателя⁷.

В. И. Ленин писал, что «самая тесная и неразрывная связь между торговым и промышленным капиталом есть одна из наиболее характерных особенностей мануфактуры»⁸.

¹ «...lanaiuoli maestri di bottega» (Cantini, v. IV, p. 389).

² «...il Setaiuolo Padrone del Rasc» (Ibidem, v. XVI, p. 75, v. XIV, p. 348 (A. d. Lana).

³ «...fraudi... che fanno li manifattori in preiudicio de padroni lor Signorie» (Ibidem, v. IV, p. 354 (A. d. Por Santa Maria); v. XIII, p. 307 (A. d. Lana).

⁴ Florentine merchants in the age of the Medici. Ed. G. R. Br. Richards. Cambridge (Mass.), 1923, p. 78.

⁵ Cantini, v. XIII, p. 305 (A. d. Lana); v. X, p. 87 (A. d. P. S. M.). В XIV в. термин «mercante» обозначал шелковщика, занимавшегося как торговлей, так и промышленностью. (Statuti, p. 121).

⁶ Cantini, v. XVI, p. 144 (A. d. Lana); v. IV, p. 359, v. X, p. 90. Bandi. ЛОИИ к 7566, v. XV, p. 251 (A. d. P. S. M.).

⁷ Наличие купцов, непосредственно не связанных с производством и зачастую ставивших в зависимость от себя предпринимателей, является обычным явлением в текстильной промышленности Англии, Франции, Нидерландов (E. Lipson. A short history of wool and its manufacture. Cambridge (Mass.), 1953, p. 79. J. Godart. L'ouvrier en soie. Monographie du tisseur lyonnais. P. I, Lyon—Paris, 1899, p. 89—91, 181—195. E. Coornaert. Un centre industriel d'autrefois. La draperie-sayetterie d'Hondschoote (XV—XVIII siècles). Paris. 1930, p. 269—283).

⁸ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. III, стр. 385.

Поскольку в данной работе шерстяники и шелковщики интересуют нас только с точки зрения их роли в промышленном производстве, мы считаем себя вправе именовать их предпринимателями.

В шелковой промышленности ведущая роль принадлежала крупным шелковщикам (*setaiuoli grossi*). У них было монопольное право на выработку всевозможных шелковых и парчевых тканей и ведение оптовой и розничной торговли¹. Они входили в высший разряд цеха (*per la maggione*), а цеховой устав учитывал в первую очередь их нужды².

Наряду с ними существовали так называемые мелкие шелковщики (*setaiuoli minuti*), принадлежавшие к низшему разряду цеха (*per la minore*)³. В XV веке они имели право на розничную продажу шелковых тканей, но не могли изготовлять их⁴. Впоследствии права мелких шелковщиков были ограничены: они могли продавать только шелковые изделия, а не сами ткани⁵. Надо полагать, что это было сделано в период больших экономических затруднений для того, чтобы оградить крупных шелковщиков от конкуренции. В 1577 г. цех вновь дал разрешение мелким шелковщикам торговать флорентийскими шелковыми тканями⁶. По новому цеховому уставу 1580 г. они наряду с галантерейщиками (*merciai*) и мастерами по изготовлению вуалей впервые получили право выработки шелковой пряжи, более грубых шелковых тканей из второсортного сырья (*tele di filaticci e tamburlane di filaticci*), а также шелковых кушаков (*becche*) шириной в $\frac{1}{4}$ локтя. В этом случае они должны были записаться в высший разряд цеха и, кроме того, платить ежегодные взносы⁷. Это, конечно, было доступно наиболее зажиточным мелким шелковщикам.

---

¹ «...alli quali Setaiuoli grossi sia lecito condurre Drappi, e fare lavorage, e condurre Sete, e vendere, e comprare, mercantare, barattare, o in altro modo trafficare . . . Drappi, Sete, Doppi, Filaticci . . .» (Cantini, v. X, p. 74). Только по специальному разрешению другие члены высшего разряда цеха могли заниматься выработкой шелковых тканей для своих личных нужд (*Ibidem*, v. X, p. 74—75). По данным Кантини, для которых нам не удалось найти подтверждения в источниках, крупные шелковщики были обязаны вкладывать в свое предприятие капитал в сумме не менее 12 тысяч скуди (*Ibidem*, v. I, p. 178).

² Цех имел специальных должностных лиц для защиты интересов крупных шелковщиков против их дебиторов — ткачей, крутильщиков и других (*Ibidem*, v. IV, p. 359—360).

³ Cantini, v. X, p. 65. По данным Кантини размер капитала мелких шелковщиков цехом не регламентировался (*Ibidem*, v. I, p. 178).

⁴ Statuti, p. 391—392

⁵ Editti fiorentini, ЮИИ к 8691, v. III, N 44.

⁶ *Ibidem*.

⁷ Cantini, v. X, p. 73, 75.

Подобное расширение прав мелких шелковщиков могло иметь место только в период процветания шелкоделия, в период, когда оно было прибыльным делом, и пополнение рядов предпринимателей не наносило ущерба интересам крупных шелковщиков.

Такой переход ранее скромных лавочников в ряды предпринимателей не является исключением во Флоренции того времени. Черты предпринимательства отчетливо наблюдаются среди ремесленников. Об этом говорит тот факт, что один мастер мог содержать столько мастерских, сколько хотел¹, что портные и старьевщики прибегали к помощи служащих². В цеховых документах неоднократно говорится о лицах, которые организовывают производство, но сами, видимо, в нем не участвуют³. Матрасники зависели от мастера, дававшего им работу⁴. Старьевщики продавали на улицах и площадях различные товары, которые принадлежали не им, а другому владельцу, платившему за их работу определенную сумму⁵. Сапожники эксплуатировали не только рабочих, но и других сапожников⁶.

Появление черт предпринимательства среди ремесленников и связанная с этим усиление дифференциации последних говорит о проникновении элементов капиталистических отношений и в сферу ремесленного производства.

Организаторами производства были не отдельные лица, а компании (*compagnia di negozio*). В XIV—XV вв. такие компании были известны в сукноделии и шелкоделии⁷. В XVI веке их создавали предприниматели не только этих ведущих отраслей промышленности, но и все остальные, а также самостоятельные мелкие ремесленники и лавочники. Кожевники и меховщики, скорняки, сапожники, матрасники, портные, старьевщики, извозчики, содержатели постоянных дворов

---

¹ C a n t i n i, v. XI, p. 53 (A. d. Qoiai e Vaiai).

² Ibidem, p. 47

³ «... fanno, o fanno fare... bottega residente di Vaiaio o Pelliciaio» (Ibidem); «... che ... eserciterà, o farà esercitare l'arte della concia» (Bandi, ЛОИИ к 7566, v. IV, p. 165); «... che fanno o fanno fare fornace» (C a n t i n i, v. VIII, p. 183) и др.

⁴ «... e nessuno Artefice la possa far fare in altro modo sotto pena così al artefice che la facessi fare come al materassaio che lo farà...» C a n t i n i, v. IX, p. 104. Срв. v. X, p. 108.

⁵ Ibidem, v. IX, p. 111—112.

⁶ Ibidem, v. XI, p. 55.

⁷ В. И. Рутенбург. Очерк из истории раннего капитализма в Италии.

и почталыоны образовывали компании¹. Мелкие мастера суконной и шелковой промышленности, как будет видно далее, не обладали экономической самостоятельностью или обладали ею лишь в незначительной степени (промывальщики, стригальщики, починщики, ткачи и красильщики), но даже они объединялись в компании².

Компания создавалась обычно на определенный срок, по истечении которого она могла быть возобновлена или же полностью ликвидирована, а члены прежней компании могли создать новую с новыми компаньонами³. Количество компаньонов могло быть различным⁴. Существовали компании, все члены которой вносили капитал, участвовали в деле и по истечении срока делили между собой прибыль соответственно капиталу, вложенному каждым из них. Но чаще всего цеховые документы говорят об условиях акомандиты⁵, т. е. о компании, часть членов которой занималась ведением дел, часть же давала только капитал и сама в деле не участвовала⁶. Поэтому в источниках говорится о лицах, которые имеют свое имя в компании, о лицах, имеющих какой-либо интерес в компании или же о лицах, которые занимаются делом под именем других или через других⁷. При распределении при-

¹ Cantini, v. X, p. 68 (A. d. P. S. M.); v. XI, p. 8, 13, 31, 46, 47, 88 и др. (A. d. Q. e V.); p. 388—389 (A. d. Medici e Speciali); v. XV, p. 59 (A. d. Lana); v. VIII, p. 171—172. Bandi, ЛОИИ к 1766, v. XVI, p. 320 (A. d. Por San Piero, т. е. цех булочников, мясников и др.); Bandi, ЛОИИ к 7566, v. V, p. 322 (A. d. Lanaiuoli) и др.

² Cantini, v. XII, p. 356, 360, v. XV, p. 94. F. Edler. Glossary... p. 381. Крутильщики и красильщики шелка и в XV в. объединялись в компании (L'arte della seta, p. 116—118).

³ Cantini, v. IX, p. 93 (A. d. Lanaiuoli), v. XI, p. 88 (A. d. Q. e V.). F. Edler. Glossary..., p. 336.

⁴ Cantini, v. IX, p. 67 (A. d. Lanaiuoli). Компания Рафаэле ди Франческо Медичи, созданная в 1531 году, состояла из 3 человек (R. de Roover. A. Florentine firm..., p. 5).

⁵ «...o per via di accomandita, o in altro modo che riguardi compagnia...» (Cantini, v. XI, p. 46 (A. d. Q. e V.). Срв. v. IX, p. 67 (A. d. Lanaiuoli); v. X, p. 116 (A. d. P. S. M.).

⁶ «E se nella bottega... fussero stati più compagni, de' quali vi fusse chi esercitasse corporalmente l'Arte, et chi v'havessi su denari...» (Ibidem, v. XI, p. 88 (A. d. Q. e V.).

⁷ «...maestri, compagni o ministri o vero haranno il nome nella compagnia» (Bandi, ЛОИИ к 7566, v. V, p. 472). Срв. Cantini, v. X, p. 60 (A. d. P. S. M.). «...e tutti gl'altri Lanaiuoli... che facessero Arte di Lana sotto nome loro, o d'altri, o in esse haranno in qual si voglia modo interesse...» (Ibidem, v. XV, p. 57). «Possa ciascuna persona fare esercitare per mezzo d'altri, o per se stesso l'esercizio del Setaiuolo grosso...» (Ibidem, v. X, p. 74). Цех врачей и аптекарей обязался записывать в особую тайную книгу лиц, не желавших, чтобы знали об их участии в компании (Ibidem, v. XI, p. 389). Срв. также: М. Сарттопа. Sull' economia Toscana del Cinquecento e del Seicento. — «Archivio Storico Italiano», 1962, N I, p. 39—40.

были труд, вложенный в дело, оценивался в деньгах, согласно первоначальной договоренности¹. Такими были компании Медичи (их структуру подробно охарактеризовали в своих работах Эдлер и де Рувей)², а также компания, которую в 1515 году создал медник Вартоломео Мази с двумя сыновьями³.

Один из компаньонов, обычно тот, кто внес наибольший капитал, давал имя всей компании⁴. Он считался главой мастерской и лавки (*capo della bottega*), он же отвечал за деятельность остальных компаньонов, служащих и рабочих⁵. Если компания прекращала свое существование, то помещение, занятое ею, оставалось за главой компании⁶.

Такого рода компании были обычным явлением в деловой жизни Италии, а также других стран Европы. Однако, именно в Италии они достигли наиболее совершенных форм и были юридически вполне узаконены⁷.

Деятельность компании протекала под наблюдением цеха. Все члены компании, независимо от того, работали они или нет, должны были быть имматрикулированы в цехе. Договор, заключенный между компаньонами, необходимо было зарегистрировать в цехе. Тот, кто желал порвать связи с компанией, должен был сообщить об этом через цех⁸. В целом цеховые уставы уделяют много внимания компаниям, уточняя их взаимоотношения, их отношения к рабочим, их права и обязанности⁹. Устав цеха Пор Санта Мария посвящает этому вопросу специальную главу. Но по сравнению с соответствующими разделами устава цеха 1335 года содержа-

¹ F. E d l e r. Glossary..., p. 346—347.

² Ibidem, p. 335—347. R. de Roover. A Florentine firm..., p. 5—9. Ничем не оправданной модернизацией является приравнение таких компаний к современным акционерным обществам (Ibidem).

³ Текст договора опубликован: A. F a n f a n i. Storia del lavoro..., p. 129—130.

⁴ B a n d i, ЛОИИ к 7566, v. V, p. 322 (A. d. Linaiuoli). R. de Roover. A. Florentine firm..., p. 5—6.

⁵ C a n t i n i, v. XII, p. 324 (A. d. Lana); v. XV, p. 93 (A. d. P. S. M.); B a n d i, ЛОИИ к 7566, v. V, p. 322 (A. d. Linaiuoli). Есть, однако, и другие указания цехов о том, что каждый компаньон отвечает за другого (B a n d i, ЛОИИ к 7566, v. V, p. 472 (A. d. P. S. M.); C a n t i n i, v. IX, p. 114 (A. d. Linaiuoli)).

⁶ C a n t i n i, v. IX, p. 93—94 (A. d. Linaiuoli).

⁷ C l. B a u e r. Unternehmung und Unternehmungsformen im Spätmittelalter und in der beginnenden Neuzeit. Jena, 1936, S. 171.

⁸ C a n t i n i, v. X, p. 65, 69; B a n d i, ЛОИИ к 8702, v. II, f. 384 (A. d. P. S. M.). C a n t i n i, v. XI, p. 47, 54 (A. d. Q. e. V.); v. IX, p. 60 (A. d. Linaiuoli).

⁹ Наиболее детальную регламентацию организации компаний дают уставы цехов меховщиков и кожевников, а также и Линаюоли (C a n t i n i, v. XI, p. 8, 13, 31, 46, 88 и др.; v. IX, p. 29, 67, 93—94, 112 и др.

ние его не изменилось¹. Однако цеховой контроль вряд ли мог в какой бы то ни было степени ставить преграды деловой активности компаний.

Об управленческом аппарате компании источники дают мало сведений. Руководящая роль принадлежала обычно управляющему (*maruffino, ministro principale*), несшему ответственность за процесс производства². Иногда сам предприниматель мог выполнить функции управляющего³, но это, видимо, имело место в небольших предприятиях. Далее упоминаются служащие (*ministri*), кассиры (*cassieri*), а также агенты и рабочие (*fattori, garzoni, lavoranti*). Они выдавали заработную плату, сырье для обработки, выступали в качестве продавцов, поддерживали связь с цехом⁴.

Управляющий обязательно должен был быть членом цеха⁵. Относительно остальных служащих в уставе цеха Пор-Санта-Мария имеются противоречивые указания⁶. Видимо, принадлежность к цеху обуславливалась той ролью, которую соответствующий служащий играл в предприятии. Предприниматель отвечал за действия своих служащих, следил, чтобы они не нарушали предписаний цеха⁷.

Служащие получали годовую заработную плату⁸. Их труд высоко оплачивался. Известно, например, что в 1556—1558 гг. управляющий компании Медичи получал 40 флоринов в год⁹. Обычно эти должности занимались лицами из среды самих предпринимателей¹⁰.

РАБОЧАЯ СИЛА

В. И. Ленин писал, что «в мануфактуре... зависимость работника от капиталиста приобретает массу форм и оттенков, начиная от работы по найму в чужой мастерской, про-

¹ *Cantini*, v. X, p. 68—69; *Statuti*, p. 64—65.

² «...*maruffini speciali, che havessino il governo et administratione della Ragione...*» (*Cantini*, v. IV, p. 389 (A. d. Lana). Срв. v. XIV, p. 295 (A. d. P. S. M.) и др.). Иногда термин «*ministro principale*» обозначает главу компании (*Bandi*, ЛОИИ к7566, v. V, p. 322 (A. d. Linaiuoli).

³ *Cantini*, v. I, p. 294 (A. d. Lana).

⁴ *Ibidem*, v. X, p. 112; v. XV, p. 92 (A. d. P. S. M.); v. XII, p. 323, 324 (A. d. Lana).

⁵ *Ibidem*, v. XI, p. 46—47 (A. d. Q. e V.) и др.

⁶ *Ibidem*, v. X, p. 60, 64.

⁷ *Ibidem*, v. XII, p. 324 (A. d. Lana); v. XV, p. 93 (A. d. P. S. M.).

⁸ *Ibidem*, v. X, p. 64—65. R. de Roover. *A Florentine firm...*, p. 23.

⁹ F. E d l e r. *Glossary...*, p. 172.

¹⁰ «...nella quale (мастерская шерстяника — А. П.) s'impiegavano in quei tempi le persone civili, e ben nate» (*Cronica della città di Firenze dall'anno 1548 al 1642*. In: *Storia dei municipi italiani illustrate con documenti inediti da C. M o r b i o*. Milano, 1838, vol. IV, p. 30).

долгая домашней работой на «хозяина», кончая зависимостью по закупке сырья или сбыту продукта. Рядом с массой зависимых рабочих продолжает всегда держаться при мануфактуре более или менее значительное число quasi — самостоятельных производителей. Но вся эта пестрота форм зависимости только прикрывает ту основную черту мануфактуры, что здесь уже раскол между представителями труда и капитала проявляется во всей силе»¹. Эти слова В. И. Ленина в полной мере характеризуют положение во флорентийской промышленности.

Лица, работавшие в суконной и шелковой промышленности были очень разнородны по своему экономическому, социальному и правовому положению. Цеховые документы отличают две основные категории: так называемых «manifattori» и так называемых «lavoranti, garzoni, fattori».

Термином «manifattori» цеховые документы обозначают мастеров, занятых в производственном процессе одной определенной операцией. Эти «manifattori» получали сдельную оплату за свой труд. Их работа обозначалась термином «manifattura», а заработная плата — «prezzo di manifattura» или просто «prezzo»². Они работали в своих мастерских, на дому или же в центральной мастерской предпринимателя. «Manifattori» могли работать одни, а также при помощи наемных рабочих на одного или на разных предпринимателей. «Lavoranti, garzoni, fattori» были, как мы дальше увидим, наемными рабочими, которые работали на одного предпринимателя за повременную заработную плату³.

Термин «manifattore» отсутствует в цеховой терминологии предыдущих веков. В решениях цеха Пор Санта Мария он встречается впервые в 1438 году⁴, но вплоть до 1530 года повторяется лишь 3 раза⁵. Цеховые документы того времени вообще не знают четкого термина для обозначения этой категории. Иногда их называют подчиненными (sottoposti),

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. III, стр. 381.

² Cantini, v. I, p. 290, v. IV, p. 82, v. XII, p. 323 (A. d. Lana); v. XV, p. 92 (A. d. P. S. M.); v. XI, p. 47, 48 (A. d. Q. e V.) и др. Иногда встречаются выражения; «pagamento di manifatture» (v. X, p. 114), «mercedi di manifatture» (v. XII, p. 323, v. XV, p. 93). Лишь изредка употребляется «mercede» или «mercede e prezzi» (v. IV, p. 383, v. XII, p. 345, v. XIV, p. 349).

³ Устав цеха кожевников и меховщиков особенно четко отличает рабочих («...quelli che stanno a salario et che lavorano... a un maestro solo». Cantini, v. XI, p. 51) от так наз. «manifattori». Ср. также p. 50, III—II² и др.

⁴ Statuti, p. 539. В уставе цеха Лана XIV в. этот термин отсутствует (Statuto dell'arte della lana di Firenze. A cura di A. M. E. Agnoletti. Firenze, 1940).

⁵ Statuti, p. 629, 660, 689.

иногда рабочими (*operantes, lavoranti*)¹, но чаще всего не дают им определенного объединяющего названия.

В документах же второй половины XVI века категория «*manifattori*» выделяется очень четко. Устав 1580 г. содержит специальный раздел под названием «*Delli Manifattori sottoposti alla dett'Arte e loro Lavoranti, Fattori e Garzoni*».² В документах цеха Лана изредка встречается термин «*artefice*» (ремесленник) наряду с термином «*manifattore*»³. В уставе цеха меховщиков и кожевников употребляется и термин «*lavorante*» (рабочий) с пояснением: «который работает как «*manifattore*»⁴.

В сукноделии, шелкоделии и в производстве льняных тканей наряду с мужчинами в качестве «*manifattori*» трудились и женщины. Женщины бывали прядильщицами, ткачихами, сновальщицами, мотальщицами, мастерицами по сматыванию коконовой нити, заправщицами, волочилицами золота, золотобитами⁵. Они наряду с мужчинами состояли членами цеха; цеховая регламентация распространялась на них равно как и на мужчин.

Таким образом, в XVI в., в отличие от предыдущих веков, появляется объединяющее название для целой группы трудящихся, которая, как мы дальше увидим, была очень разнородной по своему экономическому положению, по степени зависимости от предпринимателя, по отношению к цеху. Большинство из них — потомки некогда самостоятельных ремесленников, которые уже в XIV в. попали в зависимость от предпринимателей. Некоторые ничем не отличались от наемных рабочих в полном смысле этого слова.

Мастера, трудившиеся в своих мастерских или на дому.

Наиболее ответственные производственные операции как в сукноделии, так и в шелкоделии осуществлялись мастерами (*maestri, capi di bottega*), которые работали в своих мас-

¹ Statuti, p. 409, 497, 540. 560.

² Cantini, v. X, p. 108—114.

³ Ibidem, v. XIII, p. 305, v. XV, p. 92.

⁴ «... li lavoranti li quali come manifattori foderano a prezzo alli Maestri, che fanno bottega residente...» (Ibidem, v. XI, p. 47). Термин «*sottoposti*» который в предыдущие века обозначал всех зависимых от хозяев предприятий лиц (В. И. Рутенбург. Народные движения... стр. 38—39), в рассматриваемое нами время в таком смысле не применялся. Цеховые документы обозначают этим термином всех членов цеха, как хозяев, так и зависимых от них мастеров и рабочих (Cantini, v. X, p. 112, 114, v. XV, p. 93, 94 (A. d. P. S. M.); Bandi, ЛОИИ k 7566, v. V, p. 323, 326, 327 (A. d. Linaiuoli); Bandi, ЛОИИ k 1766, v. XVI, p. 320 (A. d. P. S. P.).

⁵ Cantini, v. X, p. 112, v. XIV, p. 256, v. XV, p. 225 и др. Наряду с женщинами в качестве ткачей и заправщиков работали и дети — мальчики и девочки (Ibidem, v. XIV, p. 295, v. XV, p. 225).

терских или же на дому, зачастую используя при этом наемную рабочую силу. Впредь мы будем именовать их мастерами. Это были ткачи, красильщики, промывальщики, сукновалы, мастера по растяжке сукон, крутильщики, катальщики и др. Они могли образовать компании, в отдельных случаях имели даже служащих¹. Они не зависели от определенного предпринимателя, но могли получать работу от любого². Но в то же время шерстяники и шелковщики считались их хозяевами (*padroni*)³.

Мастерские и все оборудование, находившееся в них, чаще всего было собственностью мастеров, которые работали там. Красильни и сукновальные мельницы, а также мастерские по растяжке и очистке сукон были очень дорого стоящими заведениями⁴. Красильщики платили за помещения наиболее высокую арендную плату во всей Флоренции⁵. Поэтому не случайно цеху Лана принадлежало 4 заведения по растяжке сукон и одна красильня, которые сдавались в аренду⁶, точно так же как и в XV в.⁷ Сукновальные мельницы в деревне тоже были собственностью цеха. Компания Медичи договаривалась насчет работы непосредственно с ним⁸. В XV в. часть этих заведений принадлежала самим предпринимателям или же монастырям и другим духовным учреждениям⁹. Вполне возможно, что так оно и было в XVI веке. Известно, что компания Медичи выступала в качестве компаньона красильщиков и мыловаров¹⁰. Значит, Медичи были по меньшей мере совладельцами этих заведений, если не собственниками в полном смысле этого слова. И в XIV в. предприниматели являлись компаньонами отдельных мастеров суконной промышленности¹¹. В XIV—XV вв. цех Лана неоднократно вступал в компанию с красильщиками, причем львиную долю капитала давал тогда цех. Сами же красильщики могли предложить только свой труд или же незначительную сумму¹².

¹ Cantini, v. XII, p. 356 (A. d. Lana).

² Ibidem, v. VIII, p. 17 (A. d. P. S. M.). F. E d l e r. Glossary..., p. 421. R. de Roover. A Florentine firm..., p. 12, 16, 18.

³ Cantini, v. XII, p. 275 (A. d. Lana).

⁴ A. D o r e n. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 520, 552—553, 558 и др.

⁵ P. B a t t a r a. Botteghe e pigioni..., p. 11.

⁶ Cantini, v. XII, p. 345, 356.

⁷ A. D o r e n. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 544, 549, 562, 564.

⁸ R. de Roover. A Florentine firm..., p. 17.

⁹ A. D o r e n. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 561, 564, 570.

A. S a p o r i. Studi di storia economica (secoli XIII—XIV—XV), vol. I. Firenze, 1955, p. 571.

¹⁰ F. E d l e r. Glossary..., p. 345.

¹¹ A. D o r e n. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 289.

¹² Ibidem, S. 537—538, 542, 543, 551, 554, 555 и др.

Тогда же красильщики зачастую получали необходимые для начала работы денежные средства в виде займа от цеха; обычно красильщик не был в состоянии их вернуть, попадал в долговую кабалу и разорялся¹. Надо полагать, что в XVI веке положение не изменилось. Таким образом, если собственником этих заведений не был цех или монастырь, то им мог быть предприниматель или же компания, состоящая из предпринимателя и красильщиков. Конечно, мелкие заведения могли принадлежать и самим красильщикам, однако, ниже приводимые факты заставляют думать, что вряд ли их было много.

В 1427 году в одном красильном заведении работали в среднем 2—3 человека². Отдаленное представление о количестве людей, занятых в красильнях XVI века дает следующее сопоставление. В 1588 году в одной процессии красильщиков участвовало 200 человек³. Количество красилен в 1561 году было 42⁴. Исходя из этих цифр, можно было бы заключить, что в среднем в одной красильне было занято 4—5 человек. В действительности, их было больше, так как в 80-х годах объем производства сукон уже начал сокращаться и, следовательно, в процессе окраски участвовало меньше людей, чем в 60-х годах. Фреска на стене кабинета великого герцога Франческо во Дворце Синьории, изображающая работу в красильне, показывает 17—18 человек за различными этапами работы⁵. В городе Комо, в начале XVII века, в каждой красильне работало в среднем 12 человек⁶. Таким образом, неоспоримым является факт, что в XVI—XVII веках красильни Флоренции были в среднем более крупными заведениями, нежели в XV веке, и поэтому вряд ли могли принадлежать самим мастерам.

Следовательно, красильщики, точно так же как и мастера по растяжке сукон и сукновалы, были в большинстве случаев арендаторами или же компаньонами предпринимателей, а не собственниками этих заведений.

Наиболее призрачным было право собственности ткачей по шерсти на ткацкие станки. В 1545 и 1546 гг. цех Лана за-

¹ Ibidem, S. 532—533, 536, 543, 561, 564. Такого же рода займы получали мастера по растяжке сукон, мыловары и др. (Ibidem, S. 549, 550, 563, 565).

² Ibidem, S. 310.

³ *Historie fiorentine*. Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва). Отдел рукописей, ф. 256. Ин. № 180, f. 612.

⁴ Из них 34 красильни цеха Лана и 8 красильни цеха Пор Санта Мария (P. V a t t a r a. *Botteghe e pigioni* . . . , p. 17).

⁵ *A History of technology*. Vol. III. From the Renaissance to the Industrial Revolution. By Ch. Singer, E. J. Holmyard. Oxford, 1957, Pl. 31.

⁶ A. Fanfani. *Storia del lavoro* . . . , p. 132.

претил шерстяникам покупать у ткачей станки (вследствие большой задолженности ткачей) с тем, чтобы их затем одалживать тем же ткачам¹. Другими словами, цех требовал, чтобы ткачи работали на своих собственных станках. Вскоре, однако, пришлось убедиться, что при таких условиях шерстяникам стало нехватать ткачей². Это значит, что в то время во Флоренции не было достаточного количества ткачей, обладавших собственными станками. Цех Лана был вынужден отменить прежний запрет и предоставить шерстяникам полную свободу действия³. Теперь они могли по своему усмотрению давать станки ткачам, отбирать их и передавать другим⁴. Право ткачей на возвращение взятых в займы станков⁵ вряд ли имело практическое значение, если учитывать их большую задолженность (об этом речь будет ниже). Шерстяники получили также право продавать станки ткачам⁶, но это не делало ткача более самостоятельным, так как последний был обязан в таком случае отработать стоимость станка. Такого рода формы передачи станков, принадлежащих шерстяникам, были известны и в предыдущие века⁷.

Видимо, большая часть ткачей работала на ткацких станках, принадлежащих шерстяникам. Иначе цеху не приходилось бы каждый раз, когда ткач собирался продать станок, проверять — его ли эта собственность⁸.

Шерстянику принадлежали не только ткацкие станки, но и другие инструменты, необходимые для работы ткача⁹. В этих условиях право ткачей работать на любого предпринимателя неизбежно стало фикцией.

Аналогичным было, видимо, положение и в шелкоделии. В герцогском рескрипте 1621 года речь идет о предпринимателях, которые держат ткацкие станки¹⁰. Этому отнюдь не противоречит тот факт, что у ткачей могло быть несколько станков, на которых работали разные лица (*diverse persone*)¹¹:

¹ C a n t i n i, v. I, p. 310—311.

² Ibidem, v. IV, p. 78.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem, p. 79—80.

⁵ Ibidem, p. 80.

⁶ Ibidem, p. 79—80.

⁷ A. D o r e n. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 265—269.

⁸ C a n t i n i, vol. IV, p. 138—139. Основываясь на данных торговых книг Медичи, Ричардс утверждает, что станки не принадлежали ткачам (*Florentine merchants...*, p. 42).

⁹ C a n t i n i, v. II, p. 162.

¹⁰ «Che chi pagherà denaro non possa, nè deva dismettere per un anno alcun telaio di quelli che avesse in lavoro...» «... e si accertino bene delle Telata, che ciascheduna bottega... fa lavorare...» (Ibidem, v. XV, p. 194, 195).

¹¹ Ibidem, v. X, p. 116.

члены семьи ткача или его рабочие. Учитывая крайнюю бедность ткачей и их большую задолженность, о чем говорится в источниках¹, тем более трудно предположить, что все ткацкие станки были их собственностью. Наконец, надо учесть и следующее обстоятельство. Если в цеховом решении 1429 года говорится о том, что шелковщики не имеют права владеть ткацкими станками, на которых трудились бы их рабочие, а обязаны давать работу ткачам², то в XVI—XVII вв. никаких подобных указаний нет³.

Основное сырье — шерсть и шелк — было всегда собственностью предпринимателя, и цехи строго следили за тем, чтобы мастера не могли распоряжаться им⁴.

Остальное сырье, необходимое в процессе производства, такое как красители, мыло, масло, квасцы, могло принадлежать и мастерам, и предпринимателю. Промывальщики, например, употребляли собственные квасцы, но мыло они получали от шерстяников вместе с шерстью для промывания⁵. Масло, необходимое сукновалам, могло принадлежать им самим или же шерстяникам⁶, квасцы и вайда — красильщикам или заказчикам⁷. Марену же, употребляемую для окраски в красный цвет, красильщики обязаны были получать от шерстяников⁸. Компания Медичи закупала красители и раздавала их красильщикам⁹.

Итак, мастера, трудившиеся в своих мастерских на разных предпринимателей, владели средствами производства лишь в очень незначительной степени, а зачастую были вовсе лишены их. Последнее относится, в первую очередь, к ткачам, которые с этой точки зрения больше всего приближались к положению наемных рабочих, будучи по существу просто продавцами своей рабочей силы. К ним можно с полным правом относить слова К. Маркса, что «он (купец — А. Р.) покупает их труд и лишает их собственности сперва на продукт, а вскоре и на орудия труда, или оставляет их им как

¹ Срв. стр. 33—34.

² Statuti, p. 487.

³ В Венеции ткачам принадлежали все орудия производства (R. Voglio d'Ajano. Die venetianische Seidenindustrie..., S. 33).

⁴ Срв. ниже стр. 27.

⁵ F. Edler. Glossary..., p. 381. Cantini, v. IV, p. 387.

⁶ Сведения относятся к 1508 году (A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 516).

⁷ Цех покупал их оптом и продавал красильщикам и шерстяникам (Cantini, v. XII, p. 336—339, 343).

⁸ Ibidem, v. XIV, p. 349.

⁹ F. Edler. Glossary..., p. 363, 371. R. de Roover. A Florentine firm..., p. 18. И в XIV—XV вв. красители и квасцы могли принадлежать как красильщикам, так и шерстяникам (A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 507, 511, 569).

призрачную собственность с тем, чтобы сократить свои собственные издержки производства»¹.

Отсутствие собственности на средства производства или крайняя призрачность этой собственности объясняет нам экономическую зависимость мастеров, которая получила яркое отражение в цеховом законодательстве².

В уставе и в решениях цеха Пор Санта Мария неоднократно повторяется строгий запрет мастерам работать на кого-либо, кроме крупных и мелких шелковщиков, галантейщиков и мастеров по производству вуалей, которые имели свою мастерскую (*bottega residente*)³. Мастера были обязаны исправно возвращать готовую продукцию и отчитываться за все, что им было дано для работы⁴. Они не имели права продавать, дарить, одалживать шелк или шелковые изделия и как-либо распорядиться ими. Точно также никто не имел права покупать у них или получать от них эти изделия. Мастерам было запрещено самостоятельно изготовлять шелк и шелковые изделия, участвовать в предприятиях, которые занимались этим⁵.

Аналогичные постановления встречаются и в документах других цехов. Запреты мастерам самим продавать готовые изделия, обязанность отчитываться за полученное сырье, а также неустанная проверка качества работы со стороны должностных лиц цеха⁶, являются тому доказательством.

В документах цеха Лана XVI—XVII вв., имеющих в нашем распоряжении, отсутствует четко выраженное требование, чтобы мастера работали на одних шерстянников. Но общий характер их экономических позиций все же свидетельствует о том, что на деле они ни на кого другого работать не могли. Исключение составляли красильщики, которые по цеховым правилам могли красить для любого заказчика⁷.

¹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 48.

² По сравнению с другими цехами цех Пор Санта Мария уделял этому вопросу наибольшее внимание. Успешное развитие шелководства ставило перед цехом задачу урегулировать положение мастеров в интересах шелковщиков (Cantini, v. X, p. 109). В суконной промышленности остались в силе старые правила и поэтому положение мастеров XVI—XVII веков менее отчетливо отражено в законодательстве цеха Лана.

³ Cantini, v. IV, p. 358—359, v. X, p. 73, 113—114, 115—116, v. XIV, p. 404, 406—407 и др. В XV в. подобный запрет был издан всего один раз в 1411 г. (Statuti, p. 407).

⁴ Cantini, v. XII, p. 275.

⁵ Ibidem, v. IV, p. 359, v. X, p. 73, 76, 112, 113, 116—117; Bandi, LOIII k 7566, v. V, p. 472, 475.

⁶ Cantini, v. I, p. 291, 293, v. IV, p. 386, v. XIII, p. 305 и др.

⁷ Ibidem, v. II, p. 165, v. IV, p. 387, v. XVI, p. 375. Так было и в XV в. (A. Degen. Die florentiner Wollentuchindustrie, S. 514, 515).

Наибольшим ограничениям подвергался труд ткачей. В суконной промышленности ткачи не имели права начать новую работу, не закончив старой, не могли держать дома больше двух основ для одного ткацкого станка. Они должны были ткать так, как этого потребует шерстяник¹. Ткачи по шелку не имели права ткать шелковые ткани даже для себя и своих семей². Тяжелые штрафы ожидали ткача, нарушившего какое-либо из множества правил, которые регламентировали его работу³.

Итак, ни о какой экономической самостоятельности этих мастеров не может быть и речи. Ткачи почти полностью лишены средств производства, находились в наибольшей экономической зависимости. В то же время красильщики, частично владевшие средствами производства, пользовались относительно большей свободой⁴.

Сравнение с документами цехов Лана и Пор Санта Мариа предыдущих веков позволяет считать, что в XVI в. зависимость этих мастеров была больше, нежели прежде. Во всяком случае она более четко отражена в цеховых документах XVI в. Любопытно отметить, что в таких крупных центрах шелковой промышленности, как Венеция, Генуя, Милан и Лукка, ткачи по шелку имели право работать самостоятельно⁵. Это заставляет предположить, что процесс превращения некогда самостоятельных ремесленников в наемных рабочих зашел во Флоренции значительно дальше, чем в других центрах Италии.

Некоторым исключением в этом отношении являются мастера по смотыванию коконовой нити. Это были обычно женщины⁶, которым принадлежали необходимые для работы котлы⁷. Они получали коконы от владельца (*padrone*) и воз-

¹ Cantini, v. IV, p. 78, 80.

² Ibidem, v. X, p. 115.

³ Ibidem, v. X, p. 86, 87, v. XV, p. 221—223, 225—226 и др.

⁴ Мы не можем согласиться с мнением де Рувера, будто красильщики, сукновалы и мастера по растяжке сукон были совершенно самостоятельными мастерами (*A Florentine firm...*, p. 22). Отсутствие полной собственности на средства производства сделало невозможной такую самостоятельность. Но вместе с тем нельзя также согласиться с Дореном, который утверждает, будто со временем красильщики стали на уровень наемных рабочих. (*Die florentiner Wollentuchindustrie...*, S. 311).

⁵ R. Broglio d'Ajano. *Die venetianische Seidenindustrie...*, S. 34, 52. H. Sieveking. *Die genueser Seidenindustrie...*, S. 114—115, 129. E. Verga. *Le corporazioni delle industrie tessili in Milano.* — «Arch. Stor. Lombardo», v. XIX, an. 30, Mil., 1903, p. 72, 75—76.

⁶ «Et perchè per lo più quelli che attendano a tal esercizio di trarre la Seta sono donne...» (Bandi, ЛОИИ k 8702, v. IX, f. 135).

⁷ Решения цеха говорят о мастерах, работающих со своими котлами (*loro caldaie*) (Bandi, ЛОИИ k 8702, v. X, p. 157 и др.).

вращали ему смотанную шелковую нить¹. Владельцами коконов были не всегда шелковщики. Ими могли быть землевладельцы, которые выращивали на своих землях тутовые деревья², а также сами мастера по сматыванию шелковой нити³. В источниках говорится и о том, что эти мастера могли самостоятельно покупать коконы, обрабатывать их и затем продавать готовую продукцию⁴, а также получать коконы для обработки из-за пределов Флорентийского государства⁵. Между тем в тех же источниках идет речь о том, что данные мастера наряду с другими мастерами шелковой промышленности могут работать только на шелковщиков, т. е. на всех тех, которые по уставу цеха имели право выработать шелк⁶. Эти сведения можно считать непротиворечивыми только в том случае, если предположить, что мастера по сматыванию шелка могли продавать свою продукцию одним лишь шелковщикам⁷.

Впрочем, это требование на деле соблюдалось, видимо, не очень точно. Впервые оно встречается в 1460 г.⁸, а затем повторяется только в уставе цеха от 1580 года. Цеховое решение 1562 года, перечисляющее лиц, обязанных работать исключительно на шелковщиков, не упоминает мастеров по сматыванию шелковой нити⁹. Относительная самостоятельность этих мастеров подтверждается и тем, что они могли свободно распоряжаться остатками от кокономотания (используемыми для изготовления второсортного шелка¹⁰). Другими словами, мастерам по сматыванию шелковой нити с коконов принадлежали не только орудия производства, но частично и сырье.

---

¹ Cantini, v. I, p. 286, v. X, p. 80. Bandi, ЛОИИ к 8702, v. X, f. 156. и др.

² Об этом свидетельствуют имена лиц, от которых мастера по сматыванию шелка получали сырье для обработки (Malteo di Giovanni dal Montalle, Simone di Domenico da Stignano и др.), а также небольшое количество коконов, входивших в каждую партию (Bandi, ЛОИИ к 8702, v. X, f. 119).

³ «...li bozzoli... che havessino fatti da per loro, subito che li hanno levati dalla frasca» (Bandi, ЛОИИ к 7566, v. XI, p. 335; срв. Cantini, v. X, p. 80—81).

⁴ Bandi, ЛОИИ к 8702, v. X, f. 157. Cantini, v. X, p. 80 и др. Шелк-сырец свободно покупали и продавали во всем Тосканском государстве (Cantini, v. X, p. 81—82).

⁵ Bandi, ЛОИИ к 7566, v. XI, p. 338. Cantini, v. X, p. 81.

⁶ Cantini, v. X, p. 73.

⁷ Это предположение подтверждается, если верить словам Кантини, что мастера сами не назначали цену на свой шелк; это делалось цехом (Cantini, v. I, p. 178).

⁸ Statuti, p. 612.

⁹ Cantini, v. IV, p. 354—366.

¹⁰ Bandi, ЛОИИ к 8702, v. IX, p. 133—135 и др.

Они, таким образом, были мелкими ремесленниками, находившимися в незначительной зависимости от предпринимателей. Такое положение сохранилось вплоть до XVIII века¹.

Самостоятельность мастеров по сматыванию коконовой нити объясняется, видимо, следующим. Во-первых, эта специальность была относительно новой во Флоренции; во-вторых, флорентийские шелковщики только частично пользовались местным сырьем и, следовательно, были менее заинтересованы в полном подчинении этих мастеров; в-третьих, безраздельному господству флорентийских шелковщиков труднее было подчинить жителей всего государства. Этим, по всей вероятности, и объясняется то, почему цех поощрял деятельность мастеров по сматыванию коконовой нити, живших во Флоренции².

Отсутствие или частичное отсутствие собственности на средства производства определяло формы и способ оплаты труда.

Обычно заработная плата выдавалась мастерам по окончании работы³, но были и исключения. По решению цеха Лана от 1546 года ткач должен был получить $\frac{1}{2}$ причитающейся ему суммы после окончания половины работы, а вторую часть — после завершения всей работы⁴. Однако, при работе над отдельными, наиболее дорогими сортами сукна, ткач должен был получить задаток, затем часть суммы каждую неделю, а остаток по окончании работы⁵. На деле эти правила не всегда соблюдались. Ввиду большой бедности и задолженности ткачей, шерстяники зачастую платили им за работу вперед (в частности так действовала компания Медичи)⁶. Все это говорит о том, что форма оплаты ткачей, хотя и оставалась сдельной, на деле приближалась к повременной оплате, вроде той, которую получали наемные рабочие.

Размеры заработной платы устанавливались обычно предпринимателем и мастером по обоюдной договоренности. В 1546 году цех Лана ввел тарифную оплату ткачей. Однако, при этом цех отнюдь не заботился об их благе. В постановлении неоднократно подчеркивалось, что ни в коем случае нельзя платить больше, но нигде не говорится о том, что

¹ L. d a l P a n e. Storia del lavoro in Italia . . . , p. 66.

² В соответствующем решении цеха говорится, что эти мастера работают лучше, чем мастера — жители деревни и что поэтому надо поощрять их деятельность (C a n t i n i, v. XII, p. 286).

³ Ibidem, v. XIV, p. 349 (A. d. Lana) и др.

⁴ Ibidem, v. I, p. 290.

⁵ Ibidem, p. 291.

⁶ Ibidem, v. IV, p. 138—139. R. de R o o v e r. A Florentine firm . . . , p. 16.

нельзя платить меньше¹. Шерстяники платили, видимо, так плохо, что впоследствии вынужден был вмешаться цех. Согласно постановлению 1586 года заработная плата должна была быть депонирована в цехе до выплаты ее ткачам². Но характерно, что не прошло и нескольких лет, как это постановление было отменено³.

В предыдущие века цех неоднократно назначал тарифы для оплаты красильщиков⁴, но в источниках XVI века, имеющих в нашем распоряжении, нет указаний на какие-либо обязательные тарифы для них⁵. Только в 1589 г. цех издал тарифы для красильщиков вайдой и мастеров по растяжке сукон, арендовавших соответствующие заведения цеха⁶. В 1608 году цех Лана ввел твердые расценки за окраску определенных сортов тканей красильщиками мареной⁷. Видимо, речь шла о минимуме оплаты, хотя специально об этом ничего не сказано. В виду больших затруднений, переживаемых сукноделием в то время, цех хотел таким путем поощрить деятельность красильщиков и добиться улучшения качества работы. В интересах предпринимателей цех пользовался любым способом, чтобы снизить оплату мастеров. Построив свою красильню, цех стал там красить по более дешевой цене, заставив тем самым красильщиков снизить свои расценки⁸. За дефекты, обнаруженные в работе ткачей, отсчитывали определенную часть с причитающейся им заработной платы. За крупные дефекты цех назначал особый денежный штраф⁹. Другими словами, нормы, введенные цехом для оплаты ряда мастеров, отнюдь не показательны для их реального заработка, который на деле зачастую был на много меньше.

В шелковой промышленности XVI века не существовало каких-либо норм оплаты мастеров. Правда, по решению цеха 1429 г. была введена тарифная оплата ткачей, красильщиков и крутильщиков и запрещалось уплачивать меньше нормы¹⁰.

---

¹ Cantini, v. I, p. 289—290. Впоследствии эти расценки были подтверждены (Ibidem, v. II, p. 162, v. IV, p. 80). По данным Эдлер, компания Медичи обычно соблюдала эти нормы (F. E d l e r. Glossary . . . , p. 422).

² Cantini, v. XII, p. 323.

³ Ibidem.

⁴ A. D o r e n. Die florentiner Wollentuchindustrie . . . , S. 506—515.

⁵ В 1508 г. цех установил нормы оплаты сукновалов (Ibidem, S. 516), но в документах последующего времени ничего не говорится об этом.

⁶ Cantini, v. XII, p. 346, 358.

⁷ Ibidem, v. XIV, p. 349.

⁸ Ibidem, v. XII, p. 345—346.

⁹ Ibidem, v. II, p. 163, v. IV, p. 386.

¹⁰ Statuti, p. 488—491.

Но со временем оно потеряло свое значение. Только в 1621 г. цех Пор Санта Мария вновь ввел минимум оплаты ткачей. Правда, это относилось только к работе над наиболее ценными тканями, для остальных оставался в силе старый обычай платить по обоюдной договоренности¹. В 1691 г. были введены обязательные тарифы для труда мотальщиц и крутильщиков². В то время шелководение переживало уже упадок.

Наконец, следует учесть и то, что предприниматели платили мастерам часто натурой: продуктами и промышленными товарами. В XV в. и еще в начале XVI в. такая практика допускалась цехом Лана для оплаты красильщиков³, но в XVI—XVII вв. цех очень энергично боролся с этим явлением. Однако частые повторения этих запретов свидетельствуют о том, что они на деле не соблюдались⁴. На самом деле компания Медичи оплачивала труд целого ряда мастеров частично деньгами, частично натурой⁵.

В шелковой промышленности оплата труда натурой была фактически узаконена. В XV в. цех боролся против оплаты изделиями шелковой промышленности, но допускал оплату продуктами⁶. В новом цеховом уставе 1580 г. говорится лишь о том, что нельзя оплачивать мастеров товарами без специального разрешения консулов, которые в таком случае сами должны были производить перерасчет с денег на товары: красильщикам можно было по-прежнему платить товарами⁷. Ни в одном постановлении цеха второй половины XVI в. не высказано требование платить только деньгами. Впервые такое указание встречается в 1618 году⁸.

Перевод денежной суммы оплаты на продукты или промышленные товары давал предпринимателям большие возможности обсчитывать мастеров. Но и при оплате наличными деньгами они могли наживаться за счет эксплуатируемых ими мастеров. Дело в том, что предприниматели платили неполноценной монетой, в то время как сами выручали за продажу тканей полноценную золотую или серебряную монету. Это было обычным явлением в Италии того времени⁹. Цех Лана боролся с этой практикой не менее энергично, чем

¹ Cantini, v. XV, p. 229.

² U. Dorini. L'arte della seta..., p. 48.

³ A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 514—515.

⁴ Cantini, v. I, p. 369, v. III, p. 217, v. IV, p. 80, 382—383, v. VI, p. 299, v. XIV, p. 349, v. XV, p. 92—93 и др.

⁵ R. de Roover. A Florentine firm..., p. 17.

⁶ Statuti, p. 497, 540, 613.

⁷ Cantini, v. X, p. 114.

⁸ Ibidem, v. XV, p. 92.

⁹ C. M. Cipolla. Mouvements Monétaires dans l'Etat de Milan (1580—1700). Paris, 1952, p. 24—26.

с оплатой натурой¹, но результаты были одинаковыми. В постановлениях цеха Пор Санта Мария вплоть до 1618 г. такого рода запреты отсутствуют.

Предприниматели пользовались любым другим способом, чтобы обсчитать и вместе с тем закабалить мастеров. Компания Медичи имела обыкновение продавать сукна ткачам, красильщикам, промывальщикам, заставляя их платить деньгами в рассрочку, а также отрабатывать стоимость этих сукон².

В случае разногласий по поводу заработной платы решающее слово принадлежало консулам цеха³, а сами они, как известно, избирались обычно из среды предпринимателей.

Итак, способ и формы оплаты труда мастеров, работавших в своих мастерских или на дому, свидетельствуют о том, что они не только полностью зависели от произвола предпринимателей, но и зачастую мало чем отличались от наемных рабочих, продающих свою рабочую силу предпринимателям на условиях, полностью зависимых от последних. В первую очередь это относится к ткачам.

Учитывая то обстоятельство, что шелковщики меньше шерстяников были связаны обязательными тарифами и могли без ограничений оплачивать труд своих мастеров натурой и неполноценной монетой, можно заключить, что мастера шелковой промышленности были в большей степени подчинены произволу предпринимателей, нежели мастера сукноделия⁴.

Не удивительно, что в этих условиях мастера флорентийской текстильной промышленности находились в постоянном долгу у предпринимателей. Об этом неоднократно говорится в постановлениях цеха Пор Санта Мария⁵. Задолженность красильщиков, ткачей, мойщиков и других была в 1578 г. столь велика, что цех даже объявил: никто не имеет права преследовать их за частные и публичные долги без разрешения цеховых должностных лиц⁶. В 1546 г. цех Лана запретил шерстяникам давать ткачам займы деньги или товары⁷. Но на деле запрет не соблюдался, и через несколько лет цеху пришлось отменить это постановление⁸. Небольшая

¹ Срв. сноску 4, стр. 32.

² F. Edler. Glossary..., p. 405.

³ Santini, v. X, p. 114 (A. d. P. S. M.).

⁴ Это подтверждается, кроме того, тем, что в документах цеха Пор Санта Мария говорится значительно меньше о вопросах заработной платы.

⁵ Santini, v. IV, p. 359—360, v. IX, p. 9—10, v. XII, p. 285.

⁶ Ibidem, v. IX, p. 9—10.

⁷ Ibidem, v. I, p. 292. Запрет был повторен в 1546 г. (Ibidem, v. I, p. 311).

⁸ Ibidem, v. IV, p. 78.

оговорка, что сведения о подобных долгах должны быть сообщены цеху¹, вряд ли могла оградить ткачей от произвола предпринимателей. Обычай платить за работу вперед, до того, как она сделана, является ничем иным, как замаскированной формой дачи в долг.

Задолженность ткачей стала обычным явлением. В 1562 г. правительство было вынуждено вмешаться, чтобы оградить ткачей от преследования кредиторов. Но льготы не касались тех долгов, которые ткачи имели у шерстяников². А в 1589 г. цех ликвидировал должность специального чиновника, обязанного следить за правильностью расчетов по долгам между предпринимателями и ткачами³.

В результате всего этого неизбежной была большая бедность среди мастеров текстильной промышленности Флоренции. Об этом часто говорят цеховые и правительственные постановления⁴. Чаще всего говорится о бедности ткачей⁵.

Наиболее обеспеченными были, видимо, красильщики: в 1560 году, когда правительство ввело разовое обложение для членов цехов, из всех мастеров текстильной промышленности были обложены одни красильщики⁶.

Прежде чем закончить характеристику этой группы лиц, занятых в промышленном производстве, следует сказать несколько слов об одной части мастеров, в прежние века не встречавшейся, а именно о мастерах, работавших у других мастеров. Устав цеха Пор Санта Мария предусматривает, что членами цеха должны быть не только мастера, которые работают самостоятельно, но и такие мастера, которые работают

¹ Cantini, v. IV, p. 79.

² Ibidem, p. 411.

³ Ibidem, v. XII, p. 325. Задолженность мастеров была характерной и для XV в. (A. Dögel. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 515, 532 и др.)

⁴ Cantini, v. X, p. 77, v. XII, p. 285, v. XV, p. 92 (A. d. P. S. M.), v. XIII, p. 305, v. XV, p. 92 (A. d. Lana) и др. Не иначе как бедностью мастеров можно объяснить хищение сырья, рабочего инструмента и тканей, о чем говорится в документах цехов. (Ibidem, v. IV, p. 388—389, v. XIII, p. 305, 307 (A. d. Lana), v. IV, p. 354, v. X, p. 112, v. XII, p. 275 (A. d. P. S. M.), v. IX, p. 102 (A. d. Linaiuoli), v. XI, p. 92 (A. d. Q. e V.).

⁵ Ibidem, v. IV, p. 411 (A. d. Lana), v. XII, p. 285 (A. d. P. S. M.). В 1621 г. ткачи по шелку, доведенные до отчаяния безработицей и нуждой, стали вести себя угрожающе, так что даже правительство было вынуждено встать на защиту шелковщиков. Оно предоставило предпринимателям ссуду в размере 40 000 скуди, чтобы те пустили в ход дополнительно 200 ткацких станков и этим дали бы возможность существовать 800 лицам, находившимся в то время в наибольшей нужде (Ibidem, v. XV, p. 194—195).

⁶ Ibidem, v. IV, p. 65, 66. Анализ материального положения и условий жизни трудящихся флорентийской промышленности выходит за рамки данной статьи и будет дан нами в другой связи.

на других¹. В другом месте говорится о мастерах или «как бы мастерах»². Речь идет о мастерах, которые не имели собственной мастерской и не были компаньонами главы мастерской, но работали в ней наряду с рабочими³. Такими, видимо, были и те, кого фламандский мастер по изготовлению гобеленов должен был содержать в своей мастерской наряду с рабочими⁴.

Хотя эти мастера и должны были быть членами цеха, они вероятнее всего, работали по найму. Однако у нас нет никаких более точных данных о форме их оплаты и об их взаимоотношениях с главой мастерской⁵.

Несмотря на это, сам факт существования таких зависимых мастеров говорит о глубоко развившемся процессе пролетаризации мастеров шелковой промышленности Флоренции XVI—XVII вв.

Итак, мастера текстильной промышленности, трудившиеся в своих мастерских или на дому, обладали средствами производства лишь частично или же были вовсе лишены их. Они экономически зависели от предпринимателей (это в первую очередь относится к ткачам, в меньшей степени к красильщикам) и лишь формально сохранили некоторые черты, свойственные ремесленникам (возможность эксплуатировать чужой труд, работать на разных заказчиков). Процесс пролетаризации бывших свободных ремесленников зашел, видимо, дальше по сравнению с предыдущими веками и был несколько более глубоким в шелковой промышленности, нежели в суконной.

Прядильщицы

Отдельно следует рассматривать место прядильщиц в производственном процессе суконной промышленности. В цеховых документах XVI—XVII вв. говорится только о женщинах, в то время как по уставу цеха Лана XIV в. этой специальностью могли заниматься как женщины, так и муж-

¹ «... le quali s'esercitano, o vero s'eserciteranno come maestri, per se stessi o per altri...» (Ibidem, v. X, p. 60).

² «E quanto a tutti gli altri che non saranno Maestri, o come Maestri, o compagni partecipanti...» (Ibidem, p. 64).

³ «... tutti li lavori, che si faranno nelle loro botteghe da loro, o da altri Maestri, o dalli loro compagni, lavoranti, o garzoni o da altri» (Cantini, v. X, p. 94).

⁴ M. Battistini. La confrérie de Sainte Barbe des Flamands à Florence. Bruxelles, 1931, p. 182.

⁵ Аналогичное явление отмечается в шелковой промышленности Лиона (I. Godart. L'ouvrier en soie, p. 181).

чины¹. Прядильщицы были жительницами флорентийского контадо². Они работали на дому, имели свои прялки и самопрялки³, получали сдельную оплату труда. Это сближало их с только что охарактеризованными мастерами. В то же время они никого не эксплуатировали, но в свою очередь подвергались эксплуатации как со стороны предпринимателей, так и со стороны особых посредников, так называемых стамаюоли (*stamaiuoli*) и ланини (*lanini*). От них прядильщицы получали шерсть, им возвращали готовую пряжу. От них прядильщицы получали и оплату за свой труд.

Посредники платили прядильщицам, видимо, натурой; цех это неоднократно запрещал⁴. Они оставляли себе львиную долю той суммы, которую шерстяник им выплачивал за труд прядильщиц⁵. Они обвешивали их, платили меньше нормы, обманывали чем только могли, так что цеху приходилось вмешиваться и регламентировать их отношения с прядильщицами; в частности, цех требовал, чтобы им не платили меньше нормы⁶. Это отнюдь не свидетельствует об особой заботе предпринимателей о прядильщицах, а объясняется скорее тем, что предприниматели, заинтересованные в хорошей работе прядильщиц, не хотели, чтобы посредники чересчур наживались за их счет. Но с другой стороны, цех явно больше заботился об интересах стамаюоли, нежели прядильщиц. Стамаюоли сами могли выбирать себе прядильщиц⁷, т. е. давать или отнимать у них работу по своему усмотрению. За плохую работу прядильщиц они имели право платить меньше нормы и даже вовсе не платить⁸. В 1560 г. отменяется закон, согласно которому они могли раздавать шерсть прядильщицам только на публичных рынках или же у себя дома⁹. Теперь становилось труднее контролировать

¹ Statuto dell'arte della lana, p. 26, 131 и др.

² Прядильщицы, жившие в радиусе 6 миль, а с 1618 г. — 8 миль вокруг Флоренции, были обязаны работать только на флорентийских шерстянников (*Cantini*, v. XV, p. 58).

³ По данным Ричардс стамаюоли снабжали их иногда прялками (*Florentine merchants*..., p. 42).

⁴ *Cantini*, v. III, p. 217, v. IV, p. 382—383, v. VI, p. 299, v. VIII, p. 175—176, v. XII, p. 323—324, v. XV, p. 93 и др.

⁵ *Ibidem*, v. II, p. 164.

⁶ *Ibidem* v. I, p. 366—369, v. II, p. 164, v. III, p. 215—217, v. VI, p. 299, v. VIII, p. 175—176.

⁷ F. Edler. *Glossary*..., p. 279—280.

⁸ *Cantini*, v. I, p. 368, 369, v. II, p. 164, v. III, p. 216, 217, v. VI, p. 299, 300.

⁹ *Ibidem*, v. IV, p. 81—82.

деятельность стамаюоли, а прядильщицы были предоставлены их полному произволу¹.

Цех особенно тщательно регламентировал работу прядильщиц. Их экономическое положение было, видимо, особенно тяжелым, так как цех неоднократно жаловался на хищение ими сырья и на нарушение цеховых норм технологического процесса во вред шерстяникам².

Итак, если не считать того, что прядильщицы работали на дому и обладали крайне простыми орудиями труда (это отчасти связывает их со средой ремесленников), все остальные показатели их экономического положения сближают их с наемными рабочими. Все же имеется одно обстоятельство, которое отличает прядильщиц не только от наемных рабочих, но и от остальных трудящихся суконной промышленности: прядение, видимо, не было их единственным источником существования. Цеховые документы ничего не говорят об этом прямо. Но по аналогии с предыдущими веками и с другими странами надо полагать, что они, как жители деревни, занимались еще и сельским хозяйством³.

Лица, работавшие в центральной мастерской шерстяника

Лица, занимавшиеся различными производственными операциями в центральных мастерских шерстяников, вроде шерстобитов и трепальщиков, причислялись обычно к категории *manifattori*⁴, но в действительности они полностью слились с наемными рабочими. Они не имели своих мастерских, не эксплуатировали рабочих и, видимо, у них не было даже орудий труда. Компания Медичи обычно сама давала гребни, карды, масло⁵. Однако эти лица были связаны с предпринимателем не непосредственно, а через так называемых факторов⁶.

¹ Все это опровергает высказанный Дореном взгляд, будто в XVI в. правительство (т. е. цех — А. Р.) энергично защищало интересы прядильщиц (*Die florentiner Wollentuchindustrie...*, S. 258).

² *Santini*, v. I, p. 367—368, v. III, p. 215—216, v. XIV, p. 127—128. Дорен совершенно правильно объясняет это явление, наблюдаемое им в XIV—XV веках, тем, что прядильщицы жили в деревне, где труднее было контролировать их деятельность (А. Дорен. *Die florentiner Wollentuchindustrie...*, S. 249—250). Следует также принять во внимание важность их труда для всего производства сукон.

³ В. И. Рутенбург. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV веков. (Сборник «Средние века», вып. VI, М., 1955, стр. 395). P. Lebrun. *L'industrie de la laine à Verviers pendant le XVIIIe et le debut du XIXe siècle*. Liège, 1948, p. 217.

⁴ *Santini*, v. XIII, p. 305, v. XIV, p. 349, v. XV, p. 93.

⁵ F. Edler. *Glossary...*, p. 363.

⁶ Срв. стр. 46—47.

Факторы сами нанимали их на работу, выплачивали им заработную плату и отвечали перед предпринимателями за всю работу¹. Шерстяники имели дело только с факторами. В бухгалтерских книгах Медичи упомянуты суммы, которые получали факторы, но нет ни слова о том, какие и сколько рабочих работало, сколько они получали. Труд факторов оплачивался сдельно, но возможно, что они платили своим рабочим не сдельно, а повременно, так как компания Медичи выплачивала факторам полагающиеся им суммы частями каждую неделю².

В цеховых документах нет никаких указаний на нормы оплаты этих рабочих и на форму их найма. Следовательно, они были полностью предоставлены произволу факторов. Правда, цех требовал, чтобы им платили наличными деньгами³, но частые повторения этих постановлений говорят об их несоблюдении. Кроме того, факторы могли обсчитывать шерстобитов и другим путем. По старинному обычаю, подтвержденному в 1589 г., они имели право держать в мастерской хлеб и вино с тем, чтобы продавать их шерстобитам, высчитывая стоимость из их заработной платы⁴. Согласно цеховому постановлению, это делалось для того, чтобы шерстобиты не покидали мастерскую во время работы. Цех, правда, предостерегал факторов о том, чтобы они при этом не прибегали к принуждению⁵, но на деле оно, видимо, неоднократно имело место.

В положении этой группы рабочих наблюдается некоторое отличие по сравнению с XIV—XV веками. В то время их нанимали на работу непосредственно предприниматели, а факторы были только надзирателями⁶. Это, однако, не значит, будто экономическое положение этих лиц подверглось каким-либо существенным изменениям. Во всяком случае не может быть и речи о каком-либо улучшении их экономического положения или роста их экономической самостоятельности. Скорее наоборот: они были теперь подчинены двойному гнету эксплуатации и вместе с тем приближались к тем наемным рабочим, которые эксплуатировались мастерами других специальностей. Любопытно, что в цеховых докумен-

---

¹ C a n t i n i, v. XII, p. 323—324, v. XV, p. 93. R. de Roover. A Florentine firm . . ., p. 13.

² F. E d l e r. Glossary . . ., p. 411.

³ C a n t i n i, v. XII, p. 323—324, v. XV, p. 92—93.

⁴ I b i d e m, v. XII, p. 324—325.

⁵ I b i d e m.

⁶ В. И. Рутенбург. Очерк из истории раннего капитализма в Италии, стр. 151—152. A. D o r e n. Die florentiner Wollentuchindustrie . . ., S. 219—245.

тах XVI—XVII вв. совершенно отсутствует упоминание о чesальщиках кардой.

В документах цеха Пор Санта Мария полностью отсутствует упоминание о лицах, трудившихся в центральных мастерских. Другими словами, их причисляли к наемным рабочим.

Рабочие

Вторую категорию трудящихся, занятых во флорентийской промышленности, источники обозначают терминами *lavoranti, fattori, garzoni*. У нас нет никаких прямых данных о том, какие специфические обязанности были у тех или других в процессе производства и какими были отличия каждого из них в общественном и правовом отношении. В предыдущие века слово *lavorante* означало рабочего¹. В таком же смысле оно употреблялось и в XVI—XVII веках. Термин *fattore* прежде означал подмастерье, но уже в XIV—XV веках он стал употребляться для обозначения надсмотрщиков в суконной промышленности². В документах цеха Лана XVI—XVII веков *fattore* не встречается вместе с терминами *lavorante* и *garzone*. Он применяется лишь для определения лица, возглавляющего группу рабочих, т. е., видимо, надсмотрщика³. Имели ли факторы функции надсмотрщиков и в других отраслях промышленности — трудно сказать. Единственное отличие между факторами и так называемыми *lavoranti* и *garzoni* в шелковой промышленности заключается в том, что первые работали постоянно, получая погодную заработную плату, в то время как *lavoranti* и *garzoni* могли работать как постоянно, так и временно, определенный срок⁴.

Термин *garzone* отсутствует в цеховых документах XIV—XV вв. Фанфани и Ричардс подразумевают под ним ученика⁵. В действительности в XVI в., точно так же как и в предыдущие века, ученик обозначался термином *discipolo* или *discipulo*. В цеховых документах этот термин изредка встречается рядом с термином *garzone*⁶. М. Кармона сообщает о наличии ученических контрактов цеха Лана (*obligationes discipulorum*), изученных им недавно⁷. В одном поста-

¹ В. И. Рутенбург. Народные движения..., стр. 30.

² Там же.

³ Срв. стр. 46—47.

⁴ *Santini*, v. X, p. 64—65.

⁵ A. Fanfani. *Storia del lavoro...*, p. 301. *Florentine merchants...*, p. 37.

⁶ Он встречается в документах цехов кожевников и меховщиков, а также мастеров льняных тканей (*Santini*, v. XI, p. 87, 88, 329, v. IX, p. 114).

⁷ M. Carmona. *Sull'economia Toscana...*, p. 37—38.

новлении цеха кожевников и меховщиков говорится о праве мастера нанять для обучения как *lavorante*, так и *garzone* и *fattore*¹. Кроме того, всюду эти три термина встречаются вместе (кроме документов цеха Лана), соответствующие правила, ограничения и другие распоряжения цеха издавались для всех трех категорий вместе².

Принимая во внимание то, что уже в XIV—XV веках происходило постепенное правовое сближение этих категорий, в основе которого была их социальная близость³, следует заключить, что в XVI—XVII веках это сближение было уже совершившимся фактом. Из цеховых документов совершенно ясно выступает их социальное лицо — общее для всех трех категорий. Это были наемные рабочие, лишенные всяких средств производства, работавшие на хозяина за твердую заработную плату постоянно или же на определенное время⁴. Они могли работать как у предпринимателей, так и у зависимых от них мастеров⁵. Наконец, цеховые документы неоднократно говорят о ремесленниках различных специальностей, пользующихся помощью рабочих (*lavoranti*)⁶.

Выше мы уже отметили, что наемные рабочие за твердую заработную плату работали на одного определенного хозяина⁷. Заработок рабочих обозначался в источниках термином *salario*, *mercede*⁸. Поэтому их часто именуют *garzoni*, *lavoranti*, *fattori a (con) salario*⁹.

¹ *Santini*, v. XI, p. 90.

² *Ibidem*, v. IX, p. 112 и др. (*A. d. Linaiuoli*), v. X, p. 61, 73, 110, 112 и др. (*A. d. P. S. M.*); v. XI, p. 87, 88, 89 и др. (*A. d. Q. e V.*).

³ В. И. Рутенбург. Народные движения..., стр. 30—31.

⁴ Конильо, говоря о Неаполе XVI в., не делает никакого различия между *lavorante* и *garzone* (*G. Coniglio. Il Regno di Napoli al tempo di Carlo V. Napoli, 1951*, p. 159). Де Рувер называет *garzone* наемными рабочими (*R. de Roover. A Florentine firm...*, p. 7). Секья, говоря о суконной промышленности Бьеллы, считает, что *garzoni* были наемными рабочими. (*P. Secchia. Capitalismo e classe operaia nel centro laniero d'Italia. Roma, 1960*, p. 23, 24).

⁵ *Santini*, v. X, p. 109, 110, 112, 113, v. XII, p. 356, 365, v. XIII, p. 307, v. XIV, p. 404, 406—407, v. XV, p. 92, 94 и др.

⁶ *Ibidem*, v. VIII, p. 313, *Bandi, LOIИк 7566*, v. V, p. 328 и др. Срв. *A. Fanfani. Storia del lavoro...*, p. 128. На стене кабинета герцога Франческо I во Дворце Синьории имеются фрески, изображающие сцены работы мастерских золотых дел мастера и стеклодува, в которых работают 16—17 человек (*A History of technology*, pl. 29, 30). Каждый мастер по изготовлению гобеленов должен был по договору с герцогом Козимо содержать мастеров и рабочих для 24 станков (*M. Battistini. La confrérie de Sainte Barbe...*, p. 182).

⁷ Срв. стр. 21.

⁸ *Santini*, v. XII, p. 324 (*A. d. Lana*); v. X, p. 64—65, 109 (*A. d. P. S. M.*), v. XI, p. 50, 51 (*A. d. Q. e V.*) и др.

⁹ *Ibidem*, v. IX, p. 112 (*A. d. Linaiuoli*); v. XI, p. 50, 87 (*A. d. Q. e V.*), v. XVI, p. 219.

Рабочие занимались не только подсобным, неквалифицированным трудом; это были зачастую специалисты в той или иной области. Работавший у ткача по шелку трудился за своим станком точно так же, как его мастер¹. Рабочий шелковой промышленности именовался точно так же, как его мастер, ткачом, красильщиком, чесальщиком, крутильщиком². Рабочие были продавцами, имели право принимать заказы вместо мастеров³.

Приступая к работе, рабочий заключал договор с мастером, в котором записывались срок службы, условия найма, а также заработная плата. Для контроля за соблюдением этого договора он должен был быть утвержден цехом или же храниться в цехе⁴. Рабочий не имел права уйти от хозяина раньше срока или иначе нарушить договор; он не имел права работать на кого-либо другого, пока срок договора не истек⁵. Рабочий ткача, нанятый без указания срока, не мог уйти от своего хозяина, не закончив начатой работы⁶. Устав цеха кожевников и меховщиков, правда, предусматривает возможность для рабочих жаловаться на своих хозяев перед консулами цеха⁷, но, учитывая социальный состав должностных лиц цехов, становится понятной вся призрачность этих прав.

Полная зависимость рабочего от хозяина выражается в следующем. Размер заработной платы зависел от обоюдной договоренности, никакой цеховой регламентации, заработной платы не существовало. Рабочим платили натурой⁸. Полный произвол хозяев в деле оплаты рабочих объясняет нам их крайнюю бедность, о которой говорится в документах⁹. Поэтому они постоянно находились в долгу у своих хозяев. Цехи энергично боролись со всеми теми рабочими, которые уходили от хозяев, не вернув им взятые займы деньги и товары¹⁰.

¹ Cantini, v. X, p. 110.

² Ibidem, v. III, p. 301, v. X, p. 113.

³ Ibidem, v. X, p. 100, 112 (A. d. P. S. M.).

⁴ Ibidem, v. X, p. 109 (A. d. P. S. M.), v. XI, p. 90 (A. d. Q. e V.).

⁵ Ibidem, v. X, p. 110 (A. d. P. S. M.), v. XI, p. 90 (A. d. Q. e V.), Bandi. ЛОИИ к 1766, v. XVI, p. 322 (A. d. P. S. P.).

⁶ Cantini, v. X, p. 110 (A. d. P. S. M.).

⁷ Ibidem, v. XI, p. 91.

⁸ В шелковой промышленности это было в порядке вещей, но цех Лана запретил платить натурой (Ibidem, v. XV, p. 92). Натурой платили также рабочим по ремонту дорог и водных путей (Ibidem, v. VIII, p. 131, v. X, p. 188).

⁹ Ibidem, v. XII, p. 286—287 (A. d. P. S. M.).

¹⁰ Ibidem, v. X, p. 111 (A. d. P. S. M.); v. XI, p. 88—89 (A. d. Q. e V.); v. IX, p. 80—81, 103—104 (A. d. Linaiuoli); Bandi. ЛОИИ к 1766, v. XVI, p. 322 (A. d. P. S. P.).

Материальная необеспеченность рабочих была несомненно причиной того, что они обкрадывали своих хозяев, дарили, продавали, обменивали, отдавали в залог шерсть, шелк, другие материалы, полученные ими для обработки, а также всяким иным способом наносили вред своим хозяевам¹.

Формально цеховые уставы не предусматривали скольконбудь существенных препятствий для рабочих, желающих стать самостоятельными мастерами. Ни в одном цеховом уставе XVI века нет речи о каких-либо испытаниях, которые необходимо пройти при переходе в ряды мастеров, нет также речи о каких-либо других обязанностях, кроме уплаты вступительного взноса, так называемой матрикулы. При том лица, прослужившие в качестве рабочих (*lavoranti, garzoni, fattori*) в течение определенного срока, могли платить половину матрикулы². Но нигде не говорится о том, что до вступления в ряды мастеров необходимо прослужить в качестве ученика или кого-нибудь другого определенное количество лет. Уставы цехов по изготовлению льняных тканей, а также кожевников и меховщиков свидетельствуют о том, что рабочий имел право открыть свою лавку и вступить в компанию с мастером, если он выполнил все обязательства по отношению к нему. Мастера старались только оградить себя от возможной конкуренции, установив срок, до которого рабочий не имел права открыть свою мастерскую в непосредственной близости от их мастерских³. Однако в материалах ведущих цехов Лана и Пор Санта Мария никаких подобных указаний нет.

В этом отношении Флоренция отличается от других городов Италии, где цеховые уставы требовали обязательного изготовления шедевров, а также прохождения определенного срока службы у мастера⁴. Если не считать того, что во Флоренции рабочие (*lavoranti, garzoni, fattori*) жили у своих мастеров⁵, то в их общественно-экономическом положении ничто не напоминает средневековых подмастерьев или уче-

---

¹ Cantini, v. IX, p. 103—104 (A. d. Linaiuoli); v. X, p. 112 (A. d. P. S. M.); v. XI, p. 92 (A. d. Q. e V.), v. XIII, p. 307 (A. d. Lana) и др.

² Ibidem, v. X, p. 61—62 (A. d. P. S. M.); v. IX, p. 61 (A. d. Linaiuoli).

³ Ibidem, v. XI, p. 51, 87—88 (A. d. Q. e V.); v. IX, p. 113 (A. d. Linaiuoli).

⁴ Statuti di corporazioni artigiane piacentine (secoli XV—XVIII). A cura di E. N. Rocca. Milano, 1955, p. 174—175, 291; R. Broglio d'AJano. Die venetianische Seidenindustrie..., S. 44—45. A. Fanfani. Storia del lavoro..., p. 254—255, 257—258, 302—303.

⁵ A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 281. A. Fanfani. Storia del lavoro..., p. 305.

ников. Все это лишний раз доказывает силу капиталистических отношений, которые в значительной степени сломали здесь средневековые цеховые нормы.

Все вышеуказанное свидетельствует о том, что рабочие были постоянной категорией трудящихся с определенным сложившимся социальным лицом. Типичным был рабочий, который, по словам хрониста Камби, всю жизнь таскал шерсть и не думал стать мастером¹.

Не приходится сомневаться в том, что наемный труд существовал и в типографском деле, в кораблестроении и на строительных работах². Правда, в двух последних отраслях были заняты и рабы и заключенные, а также крестьяне на временных заработках³. Но если учесть, что наемным трудом пользовались также самостоятельные ремесленники, то становится ясным, что категория наемного рабочего — широко распространенное и привычное явление в социально-экономической жизни Флоренции.

Стамаюоли и ланини. Факторы

Наконец, следует остановиться на характеристике еще одной группы лиц, связанных с процессом производства сукон. Это так называемые стамаюоли, ланини и факторы. Современники причисляют их к категории *manifattori*, но по существу они выходят за рамки трудящихся.

Стамаюоли организовали прядение камвольной, а ланини — суконной шерсти. Сами они в процессе производства не участвовали, но получали шерсть от предпринимателей и раздавали ее прядильщицам. Готовую пряжу они в свою очередь возвращали шерстянику.

В свое время стамаюоли были самостоятельными мастерами, которые покупали шерсть, раздавали ее прядильщицам, а затем продавали предпринимателям⁴, но уже на протяже-

---

¹ «... perchè non sapeva far altro, che portar la lana, ed esser mai maestro non pensava, che in 50 anni non mutò mai arte...» (M. Lastri. *L'osservatore fiorentino sugli edifizii della sua patria*. Vol. VI, Firenze, 1831, p. 11).

² На строительных работах в Livorno бывало занято до 6000 и больше человек (G. Vivoli. *Annali di Livorno*. Livorno, 1842—1846. V. III, p. 221, 234).

³ *Ibidem*. На строительстве дорог, например, были заняты «рабочие», состоящие из окрестных жителей (*Capitoli*, v. VIII, p. 131, v. X, p. 188).

⁴ *Statuto dell'arte della lana*, p. 94, 97—98, 106, 203—204.

нии XIV и XV вв. они потеряли свою самостоятельность¹. По данным Дорена, в XV веке встречались еще отдельные стамаюоли, обладавшие собственным капиталом и, следовательно, некоторой долей самостоятельности², но для XVI в. нет никаких данных, подтверждающих это.

Ланини и стамаюоли могли пользоваться трудом наемных рабочих и помощников³. Но все же экономическое положение стамаюоли и ланини не было одинаковым. Последние находились в большей зависимости от шерстяников, нежели стамаюоли. Обычно на одного шерстяника работало несколько стамаюоли. В компании Джулиано ди Рафаэло Медичи (1555—1557) их было четверо⁴. В то же самое время один стамаюоло мог работать на нескольких шерстяников, ланини же работали только на одного хозяина⁵. Стамаюоли должны были записывать имена прядильщиц только в своих книгах, ланини были обязаны сообщать их шерстянику, который их записывал рядом с именем самого ланини⁶. Кроме того, следует отметить, что в цеховых решениях гораздо чаще идет речь о стамаюоли, нежели о ланини. Это очень симптоматично, так как цехи в своих решениях не уделяли почти никакого внимания наиболее зависимым представителям трудящихся. Наконец, нельзя не считаться с тем, что оплата труда стамаюоли была значительно больше и что цех их специально утверждал, в то время как о ланини ничего подобного не говорится⁷.

Работа стамаюоли и ланини оплачивалась сдельно в зависимости от количества пряжи, шедшей через их руки. Из этих денег они в свою очередь платили прядильщицам. По решению цеха от 1547 г. стамаюоли должны были получать 1 лиру 10 сольди за фунт тонкой шерсти и платить прядильщицам 1 лиру 5 сольди, ланини же — 14 сольди за фунт такой же шерсти; они в свою очередь, должны были давать прядильщицам 12 сольди⁸. Ланини получали, кроме того, еще

¹ F. E d l e r. Glossary . . . , p. 149, 279. A. D o r e n. Die florentiner Wollentuchindustrie . . . , S. 244—245. По данным Дорена, ланини происходили от служащих центральной мастерской шерстяника (Ibidem. S. 255).

² A. D o r e n. Die florentiner Wollentuchindustrie . . . , S. 246.

³ C a n t i n i, v. XV, p. 59.

⁴ F. E d l e r. Glossary . . . , p. 413.

⁵ Ibidem, p. 415.

⁶ C a n t i n i, v. III, p. 215. F. E d l e r. Glossary . . . , p. 414.

⁷ C a n t i n i, v. I, p. 369, v. III, p. 215, v. IV, p. 82, 383.

⁸ Ibidem, v. I, p. 369. Решение было подтверждено в 1550, 1557 и 1566 гг. (Ibidem, v. II, p. 164, v. III, p. 217, v. VI, p. 299). В 1560 г. и в 1562 г. были введены тарифы оплаты и за другие сорта шерсти (Ibidem, v. IV, p. 82, 381—382).

комиссионные деньги за каждую партию шерсти¹. В 1574 г. тарифы оплаты ланини были снижены до 12 сольди, а прядильщиц соответственно до 10².

Выше мы уже убедились в том, как стамаюоли и ланини эксплуатировали прядильщиц. Но и шерстяники имели все возможности наживаться за счет стамаюоли и ланини. Неоднократно цех издавал распоряжения, чтобы шерстяники платили наличными деньгами и соблюдали нормы оплаты труда стамаюоли и ланини³. Если в 1547, 1550 и 1557 годах говорится о том, чтобы им не платили больше нормы⁴, то в 1574 г. уже о том, чтобы платили не больше и не меньше установленной нормы⁵. Это явно свидетельствует о том, что предприниматели не считались с нормами, установленными цехом, и в действительности платили меньше. В 1586 г. цех требовал, чтобы деньги, предназначенные для оплаты стамаюоли и ланини, были депонированы в цехе, но через несколько лет в 1589 г. это решение было уже отменено⁶.

Стамаюоли не имели права передавать шерсть другим стамаюоли⁷. В 1617 г. цех принял решение, запрещающее стамаюоли работать на шерстяников контадо и дистретто и обязывающее их работать только на флорентийских шерстяников⁸. Таким образом, власть шерстяников над стамаюоли и ланини постоянно возрастала, и последние попадали во все большую зависимость.

Итак, будучи эксплуататорами труда прядильщиц, стамаюоли и ланини в то же самое время эксплуатировались шерстяниками. То обстоятельство, что они непосредственно не участвовали в процессе производства, придавало им характер служащих. Однако сделная оплата, форма зависимости от шерстяника, их общественное положение, о котором речь будет ниже, а также тот факт, что они сами эксплуатировали прядильщиц и наемную рабочую силу, не обладая при этом средствами производства, придает им некоторые черты, характерные для мастеров сукноделия. По существу, они были своего рода надзирателями и посредниками с целым рядом особенностей. Процесс утраты ими экономической самостоятельности пошел значительно дальше, нежели в XIV веке.

¹ Ibidem, v. I, p. 369, v. II, p. 164. F. E d l e r. Glossary . . . , p. 414.

² C a n t i n i, v. VIII, p. 175—176.

³ Ibidem, v. I, p. 369, v. III, p. 217, v. IV, p. 382, v. VIII, p. 175, v. XII, p. 323.

⁴ Ibidem, v. I, p. 369, v. II, p. 164, v. III, p. 217.

⁵ Ibidem, v. VIII, p. 175—176.

⁶ Ibidem, v. XII, p. 323.

⁷ Ibidem, v. I, p. 367, v. III, p. 215.

⁸ Ibidem, v. XV, p. 58.

Близки к стамаюоли и ланини по своему месту в производственном процессе и по общественно-экономическому положению были ранее упомянутые факторы. В источниках говорится о *fattore di cardo*, возглавляющем работу чесальщиков кардой, *fattore di pettine*, возглавляющем работу чесальщиков гребнем, о факторе, который возглавлял работу шерстобитов, а также о десятнике (*capodieci*), который находился во главе трепальщиков шерсти¹. По данным бухгалтерских книг Медичи, функции факторов не были строго разграничены. Так, например, *fattore di cardo* возглавлял также работу шерстобитов и тех лиц, которые наматывали шерсть на прялки, а десятник — работу чесальщиков и шерстобитов². Они могли работать только на одного шерстяника, но, судя по бухгалтерским книгам Медичи, не находились постоянно на одной работе, а нанимались и отпускались по мере надобности³.

Факторы точно так же, как и стамаюоли и ланини, обладали двойственной природой. Выше мы убедились в том, что они эксплуатировали рабочих и имели большие возможности наживаться за счет последних. С другой стороны, они сами подвергались эксплуатации со стороны шерстяников, так как заработная плата факторов не была нормирована, и им платили натурой, хотя это и было запрещено цехом⁴.

Цех Лана причислял факторов к так называемым *manifattori*⁵. Все же факторы существенно отличаются от них, ибо по всей вероятности они сами в производственном процессе не участвовали. Источники не говорят об этом прямо. Сам термин — фактор не говорит о какой-либо производственной специальности. Надо полагать, что и в XVI—XVII вв., как и в XIV—XV вв., факторы были надсмотрщиками⁶. Однако, как мы отметили уже выше, по сравнению с предыдущими веками, функции факторов расширились. Получив право найма рабочих и выплаты им заработка, факторы стали и посред-

¹ Cantini, v. XII, p. 324—325. F. Edler. Glossary..., p. 118, 411, 412.

² F. Edler. Glossary..., p. 118, 384, 411. R. de Roover. A Florentine firm..., p. 12.

³ R. de Roover. A Florentine firm..., p. 13.

⁴ Cantini, v. XII, p. 323, v. XV, p. 92—93.

⁵ Ibidem, v. XII, p. 323.

⁶ Синно, говоря о сукноделии в области Салерно, называет десятника надсмотрщиком (*ministro soprintendente*) над мастерами (*manifattori*) и рабочими (A. Sinno. Commercio e industrie nel Salernitano dal XIII, ai primordi del XIX sec. P. I, Salerno, 1954, p. 51). Ренар ошибочно называет фактора главой мастерской (*chef d'atelier*) (G. Renard. Histoire du travail à Florence, v. II, Paris, 1914, p. 420).

никами между шерстяниками и их рабочими¹. Последнее объясняется, видимо, тем, что в XVI—XVII веках сами предприниматели меньше прежнего занимались делами, непосредственно связанными с производственным процессом.

Таким образом, факторы имеют по своему характеру много общего с стамаюоли и ланини, хотя их функции и не были тождественными.

Наличие подобных посредников является характерной чертой капиталистической мануфактуры. В. И. Ленин, анализируя последнюю, указал на «обилие посредников между капиталистом и работником при домашней работе»².

ПРАВОВОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ И ЗАВИСИМЫХ МАСТЕРОВ

Экономическая зависимость всевозможных категорий и групп трудящихся, занятых в промышленном производстве, от предпринимателей, закреплялась общественными и правовыми нормами. Отчетливо прослеживается тенденция сблизить общественно-правовое положение мастеров с положением рабочих. Особенно ясно это проявляется в способе наказания за всякого рода правонарушения.

Меры наказания, предусмотренные цехом для предпринимателей, состояли всегда из денежных штрафов или в крайнем случае из тюремного заключения, в то время как рабочие и мастера за те же правонарушения подвергались публичной порке, пыткам, высылке на галеры и даже смертной казни³. В этом отношении цехи не знали никакой разницы между так называемыми *manifattori* и наемными рабочими. Не приходится сомневаться в том, что цехи использовали право наказания смертной казнью. В 1581 г., например, великий герцог дал цеховым должностным лицам санкцию на наказание вплоть до смертной казни трепальщика шерсти за кражу⁴.

Любопытно, что в XIV и в XV веках мастера шелковой промышленности наряду с предпринимателями наказывались

¹ Определение факторов только как посредников, которое встречается у Эдлер (*Glossary* . . . , p. 411), кажется нам недостаточно полным.

² В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4, т. III, стр. 387.

³ *Cantini*, v. IV, p. 138, 385, v. XII, p. 323—324, v. XV, p. 92—93, v. XVI, p. 311 и др. (*A. d. Lana*); v. IV, p. 354—359, v. VIII, p. 18, v. XI, p. 358, v. XII, p. 275—276, v. XIV, p. 245 и др. *Bandi*, ЛОНИ к 7566, v. VIII, p. 227 (*A. d. P. S. M.*). Иногда мастеров лишали права впредь заниматься своей специальностью (*Cantini*, v. IV, p. 385 и др.). Лишь один раз в XVII в. и для шерстяников была предусмотрена публичная порка за нарушение правил изготовления тканей (*Ibidem*, v. XV, p. 133).

⁴ *Cantini*, v. X, p. 162—163.

только денежным штрафом. В 1458 году цех впервые решил применение телесных наказаний в случае, если соответствующее лицо по бедности не сможет уплатить денежный штраф¹. Но лишь в XVI веке эта форма наказания стала обязательной для всех мастеров.

Такое же явление наблюдается и в сукноделии². Вплоть до 60-х годов XVI века стамаюоли и ланини подвергались денежному штрафу за нарушение цеховых правил точно так же, как шерстяники³. Однако впоследствии их стали наказывать и телесно⁴. Следовательно, не приходится сомневаться в том, что правовое положение мастеров XVI века гораздо больше сближает их с наемными рабочими, нежели в предыдущие века.

Не следует упускать из виду и то, что работники с различными оттенками экономического положения от quasi — самостоятельных ремесленников до наемных рабочих объединяются в одну определенную социальную категорию с единым названием *manifattori*, при выборе которого решающей была форма оплаты их труда. Это само по себе говорит об известной нивеллировке различных категорий трудящихся и, конечно, не в смысле повышения их социального положения, а наоборот, в смысле снижения его и приближения к наемной рабочей силе.

Общественной неполноправности отнюдь не противоречит тот факт, что эти мастера были членами цехов. В XV сукновалы, чистильщики, стригальщики, ворсовальщики, и, сильщики и другие были членами цеха Лана низшего разряда⁵. У нас нет данных о том, будто в XVI—XVII веках произошли какие-либо изменения в этом отношении.

Зависимые мастера кожевенного и мехового дела также были членами цеха, но в отличие от предпринимателей они должны были при вступлении представить поручителей⁶.

В XV веке ткачи, сновальщики, красильщики и крутильщики шелка временами входили в цех Пор Санта Мария⁷. Однако в XVI в. вплоть до 1580 года одни только красильщики считались членами цеха⁸. Согласно уставу 1580 г., и

¹ Statuti, p. 590—591.

² В уставе цеха Лана встречаются только денежные штрафы (*Statuto dell'arte della lana*, p. 27, 107, 121 и др.).

³ *Cantini*, v. I, p. 368, 369. v. II, p. 164, v. III, p. 216, 217, v. IV, p. 382, 383.

⁴ *Ibidem*, v. VI, p. 299—300, v. VIII, p. 176, v. XII, p. 324.

⁵ A. Doren. *Die florentiner Wollentuchindustrie...*, S. 343—344.

⁶ *Cantini*, v. XI, p. 51, 111—112.

⁷ В 1429—1434 гг. существовали: *membro de'tessitori et orditori*, *membro de'tintori*, *membro de'filatoiai e torcitori* (*Statuti*, p. 496, 518).

⁸ *Bandi*, ЛОИИ к 7566, v. VIII, p. 243—244.

крутильщики, сновальщики, ткачи, чесальщики и мастера по сматыванию коконовой нити входили в низший разряд цеха (*per la minore*) в качестве отдельных коллективных членов (*membra*)¹. В 1588 году и катальщики и мойщики (*acquaiuoli*) были включены в состав цеха². Мастера других специальностей остались еще вне цеха. Зачисление мастеров наиболее ответственных операций производства в цех не давало им никаких преимуществ. Наоборот, теперь предприниматели имели возможность более тщательно проверять деятельность мастеров, крепче подчинять их своему влиянию, лучше осуществлять свои судебные функции над ними³. Кроме того, это было мероприятием финансового характера, крайне обременительным для этих мастеров. Не случайно в 1588 г. мастеров по сматыванию коконовой нити Флоренции в отличие от мастеров, живших в деревне, освободили от обязанности уплаты матрикулы, желая этим поощрить и облегчить их деятельность⁴. Уже в 1580 г. от этого были освобождены ткачи; они платили вместо матрикулы ежегодный взнос. Размеры взносов определялись консулами в зависимости от материальных возможностей ткача⁵. Таким образом, ткачи и мастера по сматыванию коконовой нити Флоренции лишь формально считались членами цеха, а в действительности по своему правовому положению в нем были поставлены в один ряд с рабочими.

Следовало в том, что рабочие не были членами ни одного цеха⁶. Устав цеха Пор Санта Мария 1580 года требовал, чтобы те рабочие, которые имели постоянную работу и получали годовичную заработную плату, были записаны в цеховых документах и платили цеху ежегодные взносы⁷. Рабочие, ссылаясь на свою бедность, энергично протестовали, отказываясь платить и, в конце концов, цех был вынужден отменить это постановление⁸.

Все же в правовом отношении нельзя еще поставить знак равенства между мастерами и рабочими.

¹ Cantini, v. X, p. 65—66.

² Ibidem, v. XII, p. 286.

³ Устав цеха Пор Санта Мария очень детально характеризует судебные функции должностных лиц цеха над членами цеха (Ibidem, v. X, p. 13—23, 26—32, 42—44).

⁴ Ibidem, v. XII, p. 286.

⁵ Ibidem, v. X, p. 115.

⁶ Это неоднократно подчеркивается в уставе цеха кожевников и меховщиков (Ibidem, v. XI, p. 48, 50, 51).

⁷ Ibidem, v. X, p. 64—65.

⁸ Ibidem, v. XII, p. 286—287. Попытка цеха ввести подобные взносы для одной части рабочих имела, конечно, только финансовые цели.

Рабочие были юридически неполноправными лицами. За их ошибки и дефекты в работе отвечали не они сами, а их мастера¹. Отец или мать рабочего должны были быть поручителями за соблюдение им условий договора по найму². Но наиболее ярко юридическое неполноправие рабочих шелковой промышленности выражается в том, что в спорных случаях по вопросам о долгах, в отличие от обычных форм дознания, вина рабочих считалась доказанной, если против них высказался один очевидец или двое свидетелей, которые слышали о проступке рабочего³.

Общественной неполноправности мастеров не противоречит тот факт, что некоторые группы имели свои организации — братства или компании⁴. Известно о существовании компаний ткачей и крутильщиков шелка, ткачей льняных тканей и компании красильщиков суконной промышленности⁵. Косвенные данные говорят о том, что, кроме того, существовала компания чистильщиков и ворсовальщиков сукон, а также компания шерстобитов⁶. Подобные компании имелись уже в XV веке⁷.

Эти братства или компании были организациями взаимопомощи, члены которых платили членские взносы и периодически собирались для обсуждения интересующих их вопросов. Компании имели свои уставы, своих должностных лиц: компании объединяли как мастеров, так и их рабочих. Компания выплачивала пособие в случае болезни, смерти, а также в том случае, если дочь одного из ее членов выходила замуж⁸. Компании имели также свои госпитали⁹.

Деятельность таких компаний была полностью подчинена

---

¹ Ibidem, v. IX, p. 114 (A. d. Linaiuoli); v. X, p. 111 (A. d. P. S. M.); v. XII, p. 356, v. XV, p. 94 (A. d. Lana) и др.

² Ibidem, p. 109 (A. d. P. S. M.).

³ Ibidem, p. 111 (A. d. P. S. M.).

⁴ Не следует смешивать эти компании с торгово-промышленными.

⁵ Cantini, v. X, p. 72, v. XII, p. 364, 366—367. A. Fr. Grazzini. Le cene..., p. 97, 99.

⁶ Возможно, что ткачи и шерстобиты входили в одну компанию — (Historie fiorentine, f. 612).

⁷ Statuti, p. 565—568. A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 522—525. Неизвестно, сохранилось ли во второй половине XVI века братство стригальщиков сукон, которое было образовано в самом конце XV в. и существовало еще в начале XVI в. (A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 525).

⁸ Cantini, v. XII, p. 365—367. A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie..., S. 522—525. Для компаний мастеров шелковой промышленности нет данных относительно XVI в., но материалы XV века подтверждают вышесказанное (Statuti, p. 565—568).

⁹ B. Varchi. Storia fiorentina. In: Opere, v. I, Trieste, 1858, p. 190.

контролю соответствующих цехов. Консулы цеха должны были одобрить устав компаний, могли закрыть компанию и вновь разрешить ее существование¹. В 1589 г. цех Лана включил в текст реформы устава цеха решения компаний красильщиков и ткачей не посещать трактиры². Аналогичные решения приняли тогда компании ткачей по шелку, компании чистильщиков и ворсовальщиков и компания шерстобитов³. Само это решение говорит о многом. Известно, что в 1508 году консулы цеха Лана закрыли братство стригальщиков за то, что его члены, нарушая устав, собирались в трактирах, создавали заговоры против цеха, требовали повышения заработной платы и отказывались работать. Через 2 года это решение было отменено, так как выяснилось, что «виноваты» в вышеупомянутых действиях не мастера, а их рабочие⁴.

То, что в 1588 г. компании были вынуждены подтвердить записанное в уставе правило не посещать трактиры или же принять это обязательство заново, заставляет нас предполагать, что в городе имели место волнения среди трудящихся. Действительно, в это же время рабочие шелкоделия активно выражали протест против решения цеха, заставлявшего их платить ежегодные взносы⁵. Посещение трактира в данном случае означает именно возможность организовать тайные сходки, так как официальные собрания членов компании должны были происходить в определенном, цехом утвержденном месте⁶. По словам Варки, только мастера (*manifattori*) и низкий люд, который жил трудом своих рук, посещали трактиры⁷.

¹ A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie... , S. 525.

² Cantini, v. XII, p. 364—367. Принимая во внимание, что красильщики в отличие от других мастеров, распространяли обязательство не посещать трактиры только на своих рабочих, надо полагать, что в общественно-правовом отношении красильщики несколько возвышались над остальными мастерами. Это, впрочем, вполне соответствует их более благоприятному экономическому положению.

³ Historie fiorentine, f. 612.

⁴ «... si sono ragunati non in luogo onesto ma alle taverne... et quindi hanno fatto conspirazione contro alla detta arte... di mutare pregi a lanaioli e merchatanti, e più tosto una buona parte di loro si sono voluti stare senza lavorare in vergogna di detta arte» (A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie, S. 525).

⁵ «... il qual ordine non s'è mai potuto mettere in esecuzione per tumulti, e scandoli che universalmente nascevano...» (Cantini, v. XII, p. 286).

⁶ Не будучи в состоянии понять значение этого запрета, Фанфани объявляет его смешным (A. Fanfani. Storia del lavoro..., p. 263—264).

⁷ B. Varchi. Storia fiorentina, p. 193.

Из этого следует, что мастера старались использовать компании для коллективной защиты своих экономических интересов в борьбе с предпринимателями.

У нас нет данных о том, пытались ли они иначе или в другое время воспользоваться этими компаниями в целях экономической борьбы. Во всяком случае, нельзя сравнить эти компании флорентийских мастеров с цехами ткачей по шелку в Венеции, в Милане или же с компанией крутильщиков шелка в Генуе, которые вели постоянную и энергичную борьбу с предпринимателями за экономическую самостоятельность и с существованием которых цехи предпринимателей должны были постоянно считаться¹.

В виду сравнительной развитости капиталистических отношений во Флоренции, установивших уже глубокую пропасть между трудом и капиталом, флорентийские братства или компании не стали самостоятельными цехами. Но в то же самое время они не выходили за рамки средневековых учреждений и приравнивание их к современным профсоюзным организациям, как это имеет место в работе Фанфани, лишено всякого научного основания².

Все вышесказанное позволяет нам сделать два основных вывода. Во-первых, общественно-правовое положение трудящихся, занятых в промышленности, было очень пестрым: часть входила в цехи, часть нет, часть платила матрикулу, часть нет, часть была объединена в компании, часть нет. Во-вторых, резкая грань разделяла предпринимателей с одной стороны и мастеров и рабочих с другой. По сравнению с XIV—XV веками пропасть углубилась. В то же время мастера все более сближались с наемными рабочими. Их общественно-правовое положение было естественным следствием экономической зависимости и вместе с тем усугубляло эту зависимость.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что во второй половине XVI — в начале XVII в. промышленное производство в ведущих отраслях (сукноделие и шелкоделие) по своему характеру было ранне-капиталистическим. Господствовала смешанная мануфактура с преобладанием черт рассеянной мануфактуры, как это вообще было характерно для текстильной промышленности того времени.

---

¹ H. Sieveking. Die genueser Seidenindustrie... , S. 107—109 и др. R. Broglio d'Ajano. Die venetianische Seidenindustrie... , S. 29, 32, 40 и др. E. Verga. Le corporazioni... , p. 78—80. И в других странах мастера различных специальностей имели обычно свои обособленные объединения. (E. Coornaert. Un centre industriel... , p. 111—112).

² A. Fanfani. Storia del lavoro... , p. 210—211.

Судя по источникам, капиталистические отношения были более развиты в шелковой промышленности, нежели в суконной. Они проникали и в другие отрасли промышленности и в известной степени оказали влияние на ремесленное производство. Ранне-капиталистические отношения, сложившиеся во Флоренции в XIV в., не только не исчезли в XVI—XVII веках, но пустили глубокие корни и, судя по источникам, в некотором отношении даже развились дальше.

М. К. СТЕПЕРМАНИС

доктор исторических наук, профессор

Т.-Л. ЛАУ и его сочинение

«ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О БОГЕ, МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ» (1717)

Марксизм-ленинизм учит, что в переломные эпохи общественного развития происходят изменения не только в содержании социально-экономических формаций, но и в восприятии людьми окружающего их мира. Об этом с достаточной убедительностью свидетельствует также история Латвии. В период заката феодально-крепостнического строя мы находим здесь ряд характерных примеров того, как прогрессивная общественная мысль восстает против засилия крепостничества и церковников, на протяжении веков властвовавших над человеческим сознанием. Об этом до сих пор писалось мало, так как такая тема не интересовала буржуазных историков. Однако советские историки не могут не остановить свое внимание на изменениях, происходивших в идеологической надстройке. В этой связи настоящий очерк посвящается философу-просветителю Теодору-Людвигу Лау (1670—1740) и его сочинению «*Meditationes philosophicae de deo, mundo et homine*».

Прогрессивная философская и общественно-политическая мысль в Латвии развивалась в общем соответствии с социально-экономическими условиями. В первой половине XVIII века феодальный способ производства с господством барщинного хозяйства в целом сохранял еще свои позиции непоколебленными, нарождающаяся буржуазия — бюргерское сословие было незначительным в количественном и сравнительно слабым в экономическом и политическом отношении. Весьма большую роль продолжала играть лютеранская церковь, выросшая в сильную организацию, ставившую своей задачей защиту интересов господствующего класса. Если в XVII веке все еще процветали демонологические «учения» и не прекращался разгул крайнего мракобесия, то и в первой

половине XVIII века устраивались процессы над «ведьмами» и «колдуньями» и появлялись разного рода «глубокомысленные» теоретические рассуждения относительно оборотней, колдунов и ведьм¹. По мере постепенного распространения элементов капиталистического производства обострялись и начинали вырываться наружу внутренние противоречия существующего общественного строя. Как и в соседних странах, в Латвии в XVIII веке возникло движение просветителей, направленное против основных институтов феодального строя — крепостничества, церкви, абсолютизма. Одним из первых критиков церкви и религии в Латвии был управляющий финансовым ведомством курляндского (курземского) герцога Теодор-Людвиг Лау.

Биография Т.-Л.Лау известна нам лишь в самых общих чертах². Он родился в семье восточнопрусского бюргера в Кенигсберге (ныне Калининград). В возрасте около 20 лет поступил в местный университет, а через некоторое время переехал в Галле, где слушал в университете, в частности, лекции известного в те годы юриста и философа Христиана Томазия, который первым в Германии начал борьбу против устраиваемых церковью процессов над «ведьмами» и варварских сожжений женщин, обвиненных в связи с «нечистой силой». По окончании университета Лау в 1695 году находился в Голландии, в 1697 — в Англии, в 1700 — во Франции. Большое впечатление на него произвел буржуазный строй Голландии; здесь он познакомился также с работами Б. Спинозы и стал спинозистом. Вернувшись из путешествия, Лау принял за поиски работы. Он нашел ее в столице Курляндского герцогства Елгаве (Митаве), где занимал различные посты — управляющего финансовым ведомством, директора кабинета, надворного советника (гофрата)³.

По своей должности Лау часто приходилось сталкиваться с крестьянами многочисленных герцогских имений, он видел все тяготы их жалкого полурабского существования, зловещую роль церкви в организации «охоты на ведьм» и угнетении крестьян. Это натолкнуло Лау на глубокие размышле-

¹ Cp. H. Вгuіnіngk. Der Werwolfwahn in Livland. — Mitteilungen aus der livl. Geschichte, XXII. Riga, 1924; K. S t r a u b e r g s. Vilkaču ideoloģija Latvijā. — Latviešu vēsturnieku veļtījums prof. Dr. Robertam Viperam. Riga, 1939.

² Fr. G a d e b u s c h. Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung, II. Riga. 1777, S. 163—166; J. F. R e c k e, K. F. N a p i e r s k y. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland, Bd. III. Mitau, 1831, S. 21.

³ Центральный гос. исторический архив Латв. ССР, ф. 554, оп. 1, д. 1069, лл. 3, 7; cp. Ch. G. Z i e g e n h o r n. Staats Recht der Herzogthümer Curland und Semgallen. Königsberg, 1777, S. 70, 74.

ния, причем он не скрывал своих мыслей и взглядов. В результате он приобрел в герцогском дворе и среди курляндских помещиков врагов и завистников, и ему пришлось покинуть Курляндию. Впоследствии, уже после смерти Лау, его биограф и издатель его сочинения с едкой иронией заметил: «Редко случается, чтобы честный человек имел успех при дворе, но еще реже ему удается там удержаться, какковы бы ни были его заслуги»¹. Лау еще несколько раз возвращался в Курляндское герцогство, но всегда оставался здесь лишь непродолжительное время. В 1717 году Лау в германском городе Франкфурте-на-Майне на собственные средства анонимно издал на латинском языке свою книгу «Философские размышления».

Для авторов прогрессивных философских сочинений домарксистского периода характерно стремление найти рациональное объяснение основным вопросам философии. В период феодализма господствующей идеологией была религия. С появлением в феодальной базе первых трещин отдельные представители науки и философии пытались освободиться от доминирующего влияния церкви, ограничивавшей личность человека и подавлявшей всякое проявление свободомыслия. Все же их позиции в идеологической борьбе были еще непрочными, противоречивыми. Поскольку понятие о боге было в эту эпоху исходной точкой всякого мировоззрения, прогрессивные мыслители XVIII века оказывались вынужденными сохранять его, но при этом старались найти для данного понятия новое — более рационалистическое содержание. Материалистические идеи выражались непоследовательно, в пантеистической и деистической форме. Однако с точки зрения догматического христианского богословия новая трактовка понятия о боге нередко толковалась как полное отрицание бога — как атеизм.

Для этой эпохи характерна также тесная связь философов и просветителей с возникающими отраслями науки — физикой, естественными науками, медициной и т. п. Опираясь на новейшие научные открытия, прогрессивные мыслители подвергали критике реакционную феодальную надстройку как в вопросах религии, так и в вопросах государственного и общественного строя. Поэтому против просветителей вели борьбу не только церковь, но также и светские власти и нередко сочинения философов запрещались, конфисковывались и даже предавались сожжению.

Сказанное целиком относится и к Т.-Л. Лау и его книге

---

¹ T.-L. Lau. *Méditations philosophiques sur Dieu le Monde et l'Homme*. Préface de l'Éditeur. Königsberg, 1770, p. XIII.

«Философские размышления». Пока Лау занимался камеральными науками¹, им никто особенно не интересовался. Но как только он коснулся вопросов о церкви, о государственном строе своего времени, против него единым фронтом выступили самые различные институты и учреждения господствующего класса — протестантская, католическая и иудейская церковь, магистрат города Франкфурта, юридический факультет Галльского университета и др. В тогдашней Германии философ-вольномудец был слишком изолирован, он был бессилен добиться сколько-нибудь широкого признания своих взглядов.

Сочинение Лау «Философские размышления» делится на четыре раздела, имеющие характерные для своего времени и для просветителей заголовки: I — Размышления по вопросам теологии и физики; II — Размышления по вопросам физики; III — Размышления на физико-медицинские темы; IV — Размышления на этико-политико-юридические темы. Проще говоря, в первом разделе рассматривается понятие о боге, во втором — весь мир, а в третьем и четвертом — человек и его отношение к религии, государству и обществу.

Лау считает себя «свободным философом». Критерий всего сущего для него, как и для других просветителей, — разум (*ratio*): «Разум не признает никакой власти, никакого рабства, никаких законов и никаких авторитетов (II, § 12). Для Лау, как рационалиста, неприемлемо понятие о христианском боге, равно как и миф о сотворении мира из ничего, взгляд на Библию, как выражение божественного откровения. По мнению мыслителя, невозможно сказать, что такое бог: «Сущность бога точно и наглядно не может быть определена. Кто есть бог, знает только бог» (I, § 2). Бог для Лау — это созидаящая природа («*Mihi deus natura naturans*» — I, § 4). В Библии он видит обычное историческое произведение, основывающееся на сочиненных самими людьми преданиях (I, § 9). Лау не признает также за истину библейские легенды о сотворении мира из ничего за шесть дней, о том, что сотворенный первоначально мир за грехи свой погиб во время потопа и т. д. Мир возник из материи (II, § 5), бог есть не что иное как первичная материя (I, § 4), первичная материя, или бог, создала мир (II, § 2—5).

Последние два раздела сочинения Лау посвящены человеку. Человек состоит из тех же элементов материи, что и

¹ Т.-Л. Лау опубликовал несколько работ камералистического характера: *Entwurf einer wohlgeingerichteten Policey*. Frankfurt a. M., 1717; *Politische Gedanken, wie Könige und Fürsten mächtig und reich zu machen*. Frankfurt a. M., 1717.

остальной мир. Он представляет собой машину, образованную грубой и тонкой материей: первая образует тело, вторая — душу (III, § 5, 6, 9). Кровь в мозгу творит разум: мысль — результат разума (III, § 13, 16). Смерть — это прекращение кровообращения, и в ней нет ничего страшного, ибо материя вечна, смерть же представляет собой слияние с природой, с божеством; материя продолжает существовать, но только в другом виде (III, § 40).

Рассматривая человека как социальное, общественное существо, Лау подчеркивает, что всякий человек по природе своей рождается свободным, не зная никаких господ и законов (IV, § 4). Лишь разница в темпераменте и характере людей привела к тому, что более активные установили свое господство над пассивными — холерики подчинили себе флегматиков и сангвиников. Возникли монархии, являющиеся древнейшими в мире формами правления. Для того чтобы упрочить и сохранить власть монархов над подданными, были созданы религии, законы, введены награды и наказания, представляющие собой скрытые пружины для поддержания власти правителей (IV, § 16). Общественный, социальный строй государства зиждется на законах, созданных захватившими власть узурпаторами, причем законы эти устанавливают, что власть правителей неограниченна и неприкосновенна и происходит непосредственно от бога (IV, § 19). Свободные прежде люди с помощью уз религии были превращены в рабов. Чтобы сделать их еще более послушными, было придумано бесчисленное множество новых богов, с которыми посвященные якобы могут вести непосредственную беседу. Были выдуманы разного рода чудеса, пророчества, мистерии, божественные и человеческие законы, ветхий и новый завет, священные писания и коран, составлены книги символов и катехизис, появились Моисей и Христос, Мухаммед и Конфуций, Лютер и Кальвин, апостолы и пророки, папы, монахи и священники, построены церкви и алтари, введены воскресные дни и праздники, клятвы, исповеди, отпущения грехов и бесконечное число других религиозных заблуждений («*aliaeque piae fraudes infinitae*» — IV, § 18).

Выдуманные религия и законы были дополнены различными наградами, чтобы с их помощью вызвать привязанность к таким порядкам, одурманить людей и заставить их быстрее забыть свою первоначальную свободу и легче признать власть правителей, чтобы убедить людей, без вознаграждений исполнять приказания власти имущих. Такими наградами в античном мире были Елисейские поля, в христианском — рай, воскресение из мертвых, вечная жизнь,

разные духовные и материальные блага (IV, § 20). Религия и законы были также дополнены разнообразнейшими наказаниями, целью которых тоже является обеспечить упрочение государственной власти и послушание подданных. Было придумано учение о гнев божьем, находящем якобы свое выражение в голоде, эпидемиях чумы и других болезнях, в стихийных бедствиях и т. п., были изобретены ад и черт, а также и палачи, которые должны приводить в исполнение наказания, являющиеся опорой трона и королей (IV, § 21).

Лау, конечно, не имел и не мог иметь представления о классовой борьбе. Тем не менее мыслитель в своем сочинении констатирует, что государственный строй не есть нечто застывшее, что он подвержен развитию: подданные, а также и покоренные народы часто пользуются создавшейся возможностью, чтобы добиться каких-нибудь благ. Поэтому в мире происходит так много восстаний, и не следует удивляться тому, что одни формы правления сменяются другими и вместо монархий возникают республики, поскольку люди, хотя они и вынуждены жить, склоняясь под гнетом королей и религии, все же никогда не забывали своей прежней свободы (IV, § 22). Однако, какими бы ни были формы правления, все они опираются на религию и законы, награды и наказания, представляющие собой лишь узы и цепи для подданных, народа, ибо правители стоят выше всего этого. Правители угнетают других и поэтому сами свободны, они приказывают подданным, сами же не должны слушаться никого, в противном случае и они были бы подчиненными (IV, § 23).

Свое сочинение «Философские размышления» Лау кончает мыслью о том, что все граждане и подданные в мире находятся в тяжелом положении; им позволяется лишь проявлять послушание, им живется хуже, чем животным, — ибо они рабы королей, слуги магистратов, машины без чувств и разума, лишённые собственной воли; хотя они думают и понимают, тем не менее их стремления направлены только на то, что желает и приказывает их правитель (IV, § 24). Идеал Лау — жить свободно в соответствии с разумом и своей волей без каких-либо правителей (IV, § 27).

Таково вкратце содержание сочинения Теодора-Людвига Лау. По форме и способу выражения мыслей автора, книга эта является типичным отражением породившей ее эпохи: свои действительные взгляды Лау вынужден излагать неуверенно, сдержанно; за всякой более или менее яркой, свободной мыслью следует ее опровержение, тезис сопровождается антитезой, что в совокупности своей ослабляет впечатление

от сказанного в книге. Так, говоря, что счастливейшее состояние человека — жить свободно, Лау спешит добавить, что такое состояние «уже невозможно и непригодно» (IV, § 27). Отмечая тяжелое положение подданных, Лау тут же оценивает его как «необходимое ввиду современных нравов» (IV, § 26). Подвергнув критике христианство и понятие о христианском боге, равно как и Библию, Лау вынужден заметить о себе: «Я предпочитаю такого бога, какого предписывает мне государство или правитель» (I, § 21). Такой прием повторяется на протяжении всего сочинения Лау, свидетельствуя отнюдь не о недостаточной ясности его мыслей, а об опасении, что иначе не избежать репрессий со стороны господствующей церкви и светской власти. Это опасение звучит и во введении к книге Лау — «Посвящении читателям», где он замечает: «Я предвижу, что многие... уже точат перья против меня и вместе с тем против этой философской книжечки», но Лау успокаивает себя тем, что нет никаких причин нападать на него: «... я почитаю бога, уважаю богов (других), живу нравственно, никого не обижаю и каждому отдаю должное».

Тревожные предчувствия Лау оправдались. Выход в свет его книги в 1717 году вызвал во Франкфурте дикую свистопляску. Так же как в свое время против Спинозы в Амстердаме, так и во Франкфурте первыми против Лау яростно ополчились фанатически настроенные раввины местной иудейской общины. К ним поспешили присоединиться священнослужители других вероисповеданий, в своих проповедях объявившие сочинение Лау «сатанинской книжкой», а самого автора — вредным атеистом¹. Франкфуртский магистрат отозвался на поднятый духовенством шум и его жалобы тем, что приказал конфисковать все экземпляры «опасной и ужасающей» книги Лау, которая была публично сожжена рукою палача. Тщетно Лау протестовал, указывая, что он писал не как богослов, а как философ и руководствовался единственно лишь разумом².

Изгнанный из Франкфурта, Лау отправился на свою родину — в Восточную Пруссию. Однако и здесь его не обошли своим пристрастным вниманием судебные власти и Земландская лютеранская консистория, потребовавшая от Лау, чтобы он отрекся от мыслей, выраженных в его книге. Лау принужден был подписать документ, в котором говорилось, что

¹ G. Stiehler *Theodor Ludwig Lau. Beiträge zur Geschichte des vormarxistischen Materialismus*. Berlin, 1961, S. 183.

² T.-L. Lau. *Méditations philosophiques... Préface de l'Éditeur*, p. XIV.

в его, Лау, сочинениях содержатся заблуждения, заключающие в себе равнодушие по отношению к религии, и что он отказывается от них и осуждает их: «Ich, Theodorus Ludovicus Lau, Doctor, erkenne, dass ich in meinen, in den Druck herausgegebenen Schriften, besonders in dem Tractat de Deo, mundo et homine, Irrtümer begangen, die einen Indifferentismus religionis in sich halten. Solche widerrufe, detestire und revocire ich nochmals...»¹

Вырвавшись таким образом из когтей Земландской консистории, Лау оставляет свою родину и поселяется в Альтоне (рядом с Гамбургом). Здесь он объявляет, что, поскольку приведенная выше декларация была навязана ему силой, он не считает себя связанным ею и отказывается от нее. По поводу того, что консистория назвала его атеистом, Лау замечает, что это слово придумали богословы, чтобы чернить честных людей, не желающих признавать выдуманные попам предубеждения. Лау предлагает всей иерархии христианской церкви, начиная с папы римского и кончая Земландской лютеранской консисторией, объяснить, что же такое есть бог.

Лау долго еще не хотел признать себя побежденным. Он искал поддержки у своего бывшего учителя профессора Галльского университета Томазия и у юридического факультета этого университета, обратившись к ним с просьбой дать отзыв о его книге и признать неправильным постановление об изгнании его из вольного города Франкфурта³. Однако Томазий, так же как и факультет, целиком стал на сторону противников Лау. Томазий заявил, что бог Лау — не христианский бог, а сама природа. Все, что Лау пишет о библии, о религиозных церемониях, о религии как выдумке тиранов, стремящихся удержать народные массы в повиновении, — все это, по Томазию, не что иное как ужасные атеистические утверждения, и поэтому франкфуртский магистрат поступил совершенно правильно, конфисковав книгу Лау и изгнав самого его из города.

Такой отзыв побудил Лау направить Томазию резкий, проникнутый горечью ответ. Гонимому власть имущими философу предстояло еще пережить немало черных дней. Несмотря на знание многих языков и широкие познания в математике, он не мог найти подходящей работы ни в Германии, ни в Курляндском герцогстве, ибо всюду его сопровождала слава опасного атеиста. Некоторое время Лау даже пришлось провести в тюрьме, где он сделал неудачную попытку

¹ G. Stiehler. Theodor Ludwig Lau, S. 211.

² T. L. Lau. Méditations philosophiques... Préface de l'Éditeur, p. XV.

³ G. Stiehler. Theodor Ludwig Lau, S. 180—186.

повеситься. В написанном им и посланном Томазию стихотворении Лау с негодованием писал о преследованиях, которым он подвергается. Томазий ответил, что по форме своей стихотворение хорошее, но с его содержанием он не может согласиться¹.

Хотя сочинение Лау было опубликовано в Германии и связанная с ним идейная борьба также протекала там, оно вызвало сравнительно сильные отзвуки и за пределами Германии, особенно в Прибалтике. После смерти Лау его родственники к столетию со дня его рождения в 1770 году опубликовали в Кенигсберге новое издание его «Философских размышлений», на латинском и французском языках. Начиная с середины XVIII века буржуазия и движение просветителей добились значительных успехов и упрочили свои позиции в борьбе против клерикализма. Поэтому второе издание книги Лау смогло выйти беспрепятственно, с указанием имени автора (T. L. Lau, ci-devant Ministre du Duc de Courlande), и издатель, рассказывая в предисловии о преследованиях, жертвой которых явился Лау, самоуверенно заметил, что больше чего-либо подобного бояться не приходится и что Пруссия стала прибежищем тех, кто стремится спастись от ярости религиозного фанатизма. В заключение издатель указал, что сочинение Лау представляет собой подлинный конспект современной философии, завоевавшей в последнее время широкое признание публики, что оно является ключом ко всем наукам, имеющим большое значение для благосостояния человечества².

Мы не можем точно определить, когда и каким путем сочинение Лау «Философские размышления» стало известно в Прибалтике. Когда известный видземский (лифляндский) просветитель И.-Г. Эйзен (1717—1779), разочаровавшись в результатах известного конкурса, объявленного Екатериной II и петербургским Вольным экономическим обществом, начиная с 1768 года обратился к критике ортодоксального прибалтийского лютеранства в духе деизма, его внимание привлекла книга Лау. Близкий единомышленник Эйзена, юстиц-бургомистр города Тарту (Дерпт) и историограф Ф. Гадебуш (1719—1788), собрал о Лау довольно богатый фактический материал. В своей историографической работе «Лифляндская библиотека» (т. II, Рига, 1777) Гадебуш предоставил Лау значительное место и вкратце пересказал содержание его сочинения, чтобы «познакомить со способом мышления» Лау: «Um dieses Mannes Art zu denken kennen zu lernen, wird es dienlich sein etwas davon anzuführen...».

¹ G. Stiehler. Theodor Ludwig Lau, S. 184.

² T.-L. Lau. Méditations philosophiques... Préface de l'Éditeur, p. XX.

Мы не знаем, которое из изданий книги Лау — 1717 или 1770 года — попало в руки Гадебуша, но во всяком случае ясно, что он был знаком с работами Лау и пересказал содержание его основного сочинения довольно точно.

В Курляндском герцогстве, где Лау жил довольно длительное время, занимая к тому же высокие посты, его влияние было еще бóльшим. В Центральном государственном историческом архиве Латвийской ССР сохранились не только сведения о дипломатических миссиях Лау, но и немецкий перевод его «Философских размышлений» (*Philosophische Betrachtungen von Gott, der Welt und dem Menschen, welche Theodor Ludwig Lau, ehemaliger Cur-Ländischer Hof und Cantzley Direktor, herausgegeben*). На титульном листе перевода имеется помета: «Davon sind aber alle Exemplaria auf befehl des Magistrats zu Frankfurth am Mayn von dem Henker d. 1717 verbrannt worden.»

Эта фраза в известной степени бросает свет на мотивы, которыми руководствовался переводчик, — он хотел довести до читателя ставшее библиографической редкостью ценное сочинение Лау. Перевод книги на немецкий язык явно свидетельствует о стремлении популяризировать идеи Лау, поскольку литература на латинском языке была доступна только узкому кругу ученых. О том же свидетельствует приложенный к переводу книги Лау фрагмент, содержащий весьма конкретную и резкую критику библии и также вышедший из-под пера Лау, но взятый из другого его произведения. В этом отрывке Лау пишет, что он часто удивлялся, почему христиане так ссорятся между собой. Но теперь он этому уже не удивляется, ибо знает, что основное учение христианства, содержащееся в библии, не представляет собой ничего систематического и последовательного, а является по сути дела просто набором слов. Библейские поучения всякий может толковать по-своему, как ему это выгодно. Так, в одном месте в библии говорится, что мертвые восстанут из могил, в другом — что не восстанут. Библейские тексты бессвязны, в них нет системы, слова там без звука и смысла — например, в притчах Соломоновых перепутаны самые различные вещи. Приводя конкретные цитаты из библии (например, что на небесах будут находиться также разные домашние и лесные животные, звери, даже черви), Лау вскрывает их абсурдность. Содержание библейских слов и понятий различно, так что никогда нельзя знать, что какое слово обозначает. Лау заключает: «... wenn nun aber also, so wird mir niemand verübeln, das ich die Bibel für eine schöne Fabel halte».

Кто перевел на немецкий язык «Философские размышления» Лау и дополнил их названным отрывком, когда этот

перевод был сделан, распространялись ли в обществе его копии? В настоящее время это еще не выяснено, и можно лишь высказать некоторые гипотезы и предположения.

Есть основания считать, что перевод сделан с первого издания сочинения Лау. Переводчик нигде не поставил своего имени, вместо подписи он нарисовал обычный в масонской практике знак. Это позволяет думать, что перевод читался в масонских кругах. Первые масонские ложи в Видземе (Лифляндии) появились в 1750 году, в Курляндском герцогстве — немного позднее. Масоны занимались также религиозными вопросами. Особенно это относится к действовавшей в Курляндии ложе «Henf — Kogn», в уставе которой прямо сказано, что церковь находится в весьма прискорбном состоянии и справедливые души не могут ограничиваться и удовлетворяться лишь чисто внешними формами вероучения¹.

В Курляндском герцогстве, так же как в Видземе, во второй половине XVIII века часто имели место случаи, когда переписывались от руки интересные и редкие книги или составлялись и распространялись рукописные газеты. В Елгаве были даже профессиональные переписчики, которые делали свою работу за деньги². Недаром после включения Курляндии в состав Российской империи генерал-прокурор Павла I Лопухин 23 марта 1798 года направил курляндскому губернскому прокурору Тихомирову секретное распоряжение, в котором отмечал, что ему известно, что в Курляндии издавна в городах и в деревне распространяются среди публики рукописные листки «под названием газетов мысленных». Возможно, что сохранившийся в архиве немецкий перевод книги Лау является одной из копий ее немецкой версии, циркулировавшей в Курляндии.

В период Великой французской буржуазной революции в Курляндском герцогстве особенно активизировалась буржуазия, создавшая в 1790 году в Елгаве Бюргерскую унию, которая намеревалась играть в герцогстве роль французского «третьего сословия». В этом же году представитель мелкобуржуазно-якобинского направления Л.-В. Кенеман написал и попытался напечатать, а когда это не удалось — стал распространять в рукописных списках свою работу «Достопримечательные размышления» («Merkwürdige Betrachtungen»). В этой работе Кенеман между прочим подвергал резкой

¹ О масонах в Курляндии см. Die beiden älteren Freimaurerlogen in Kurland. — Mitauscher Kalender 1865, S. 53--57; Geheimbünde. — Baltische Monatsschrift, Bd. 46, 1898, S. 398—412.

² См. Dreizehn geschriebene Zeitungen aus Mitau 1795—1797. — Sitzungsberichte d. Kurl. Gesellschaft für Literatur und Kunst aus d. J. 1899. Mitau, 1900, S. 53 ff.

критике церковь, пользуясь терминологией, обнаруживавшей известное сходство с терминологией Лау¹. Конечно, книги Лау и Кенемана разделяет длительный период — почти три четверти века, да и жизнь их и деятельность протекали в разных условиях, но тем не менее в работе Кенемана можно проследить определенные параллели с книгой Лау и возможно, что она оказала на Кенемана известное влияние. Как бы то ни было, вопрос об идейном влиянии Лау на просветителей в Латвии XVIII века еще ждет своего разрешения.

В последние годы значительное внимание первым представителям материалистической философии и атеистической мысли в Германии уделяется в ГДР. Сравнительно обширное исследование посвящено также Лау. Оно написано Г. Штилером (название работы приводилось выше в сносках), который собрал много новых и малоизвестных материалов. Давая общую оценку деятельности Лау, Штилер говорит, что он выступал нерешительно, с оглядкой, шел на бесчисленные компромиссы. Лау резко критиковал феодальную идеологию и общественный строй, но тем не менее всегда готов был примириться с существующим, даже признать его справедливым, поскольку ничего не был в силах изменить².

Такая оценка Лау не совсем правильна. Следует помнить, что просветителей XVIII века, как и всякое общественное явление, можно оценивать только на фоне их эпохи. Лау был одним из ранних буржуазных просветителей, он жил и писал 250 лет назад, в эпоху, когда феодальный строй в континентальной Европе в общем был еще прочен, когда абсолютная монархия находилась на вершине своего развития, а церковь была всеильна. Конечно, Лау не был революционером и не призывал угнетенных к восстанию. Но он резко осуждал религиозное мракобесие, угнетение народных масс, пытки и «охоту на ведьм». Он высказал много блестящих мыслей и весьма прогрессивных для своего времени идей. Он был спинозистом и, подобно Спинозе, подверг религию глубокой критике, раскрыл также ее социальную и политическую задачу — удерживать народные массы в повиновении, чтобы они и не помышляли о борьбе против господствующих классов. Все это в то время было чем-то новым, неслыханным.

Борясь за признание своих взглядов, Лау неоднократно прибегал к маскировке, но этого требовала его личная безопасность. Здесь уместно напомнить, что современник Лау, известный французский философ-материалист Жан Мелье

¹ Ср. М. К. Степерманис. Влияние французской революции 1789—1794 гг. на аграрный вопрос в Латвии. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г. Киев 1962, стр. 324.

² G. Stiehler. Theodor Ludwig Lau, S. 179.

(1664—1729), вынужден был скрывать свои подлинные взгляды в течение всей жизни и лишь более чем через 30 лет после смерти Мелье Вольтер в 1762 году опубликовал часть его «Завещания», причем неполностью, опустив самые резкие места. До середины XVIII века открытая критика христианской церкви, библии, религиозных догм и христианской морали представляла собой нечто совершенно необычное не только для Германии, но и для Франции. Поэтому нельзя не признать, что Лау проявил большую смелость, заявив в 1717 году, что библия — это выдумки, что Христа никогда не существовало, что власть правителей вовсе не проистекает от бога и что все люди родились свободными.

Лау выступил как представитель нарождающейся буржуазии в период, когда свободное развитие буржуазии было трудно совместимо с феодальной системой. Его сочинение явилось сильным ударом по феодально-крепостнической системе, с которой Лау вынотную столкнулся в Курляндском герцогстве, где он изо дня в день видел перед собой как защитников этой системы — герцога, помещиков и пасторов, так и ее противников — нарождающуюся, но лишенную прав буржуазию и задавленных гнетом крепостнического рабства крестьян.

Читая студентам-историкам Латвийского государственного университета им. Петра Стучки курс о борьбе с церковью и клерикализмом в Прибалтике, руководя соответствующими семинарами, преподаватель не может не остановиться также на деятельности Т.-Л. Лау. Между тем в советской исторической и философской литературе можно найти лишь самые общие сведения по этому вопросу¹. Вышедшие в XVIII веке издания сочинения Лау представляют собой большую библиографическую редкость и трудно доступные даже для ученых. Поэтому возникла мысль перевести небольшую по объему книжку Лау «Философские размышления о боге, мире и человеке» и тем самым способствовать самостоятельной работе студентов. Эту сложную задачу успешно выполнила доцент кафедры классической филологии Т. К. Фомина. Прилагаемый к сему перевод сочинения Лау окажется полезным не только студентам, — он привлечет внимание всех, кто интересуется развитием материалистической и атеистической мысли.

¹ См. Всемирная история, т. V. Москва, 1958, стр. 423—424; История и теория атеизма. Москва, 1962, стр. 191.

ТЕОДОР-ЛЮДВИГ ЛАУ

„Философские размышления о боге,
мире и человеке“

(«*Meditationes philosophicae de deo, mundo et homine*»)

Перевод с латинского Т. К. Фоминой, кандидата филологических наук

ПОСЛАНИЕ

Доброжелательный читатель, прими благосклонно эти философские размышления, которые я тебе посвящаю. (Это) первые начертания труда более значительного, который я со временем издам, если бог дарует мне жизнь и если у меня будет досуг. Ибо насколько возможно в узких рамках настоящего сочинения, я представляю тебе для чтения тезисы, во всяком случае, это заголовки и перечень, которые, хотя и содержат в себе многое, однако требуют больших пояснений и более развитых доказательств. Итак, я докажу (обосную) их умозаключениями, проиллюстрирую их доказательствами и примерами. То, что ты прочтешь здесь (написанное), благожелательный читатель, изучи основательно, так как я это писал не как теолог, не как юрисконсульт или врач, но писал как философ, который, не будучи связан никакой сектой, избрал себе объектом и целью своих рассуждений дела божественные и человеческие, бога, мир и человека и который с удовольствием философствует об этих делах, свободно говорит, свободно пишет.

Я предвижу, что многие, которым высшей и единственной добродетелью представляется критиковать труды (грызть и раздирать острыми зубами), особенно те, которые отступают от наезженной колеи обычных мнений и предрешений, уже точат перья против меня и вместе с тем против этой философской книжечки.

И пусть эти великие Гекторы воспламятся великим гневом во славу божью, пусть они осуждают, жгут, пусть конфликтуют и пусть это философское произведение войдет в каталог запрещенных книг, пусть меня зовут еретиком, атеистом, спинозистом и еще более резкими именами и прозвищами, меня все же это не испугает и не ужаснет.

Огненные стрелы их опровержений и горящие бомбы их нападений я восприму с философским спокойствием и смехом.

Итак, всегда хозяин своего права и своих страстей, я буду взирать безразличным взглядом на их попытки тирании — если они таковую замышляют — против этих невинных страниц и их автора, и как бы справляя в глубокой тишине триумф над их криками, благородным презрением я огражу себя от их недоброжелательной клеветы, когда я отдам предпочтение милосердию, спутнику добродетели, перед открытой или тайной лживостью черной зависти.

Ни о чем не заботиться — пусть нас этому учит естественная и общепризнанная теология; этика же и политика пусть убеждают.

Пусть эти видные в области литературы магнаты, одетые в пурпур, преисполняются сознанием чрезмерности своих знаний и своей мудрости; пусть они будут солнцами, пусть будут великими светочами, пусть будут миссионерами бога, на которых твердо зиждется дух бога; я все же лелею определенную надежду, что и сами они намереваются уделить из своего изобилия, чтобы я также радовался своему разуму и чувству, чтобы я был свободным философом и чтобы при малейшем излучении божественного света, я, если не блистал бы, то во всяком случае искрился бы.

Кроме того, благосклонный читатель, чтобы ты имел какое-либо представление о моем поведении и о моей жизни, причем я все еще хочу, чтобы ты не узнал мое имя, то имей следующие данные: я являюсь космополитом и католиком, я почитаю бога, я уважаю (возвеличиваю) богов, я живу нравственно, я никого не обижаю, каждому отдаю должное. Будь здоров!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ТЕОЛОГИИ И ФИЗИКИ

§ 1

Бог есть, бог существует.

§ 2

И той и другой истине учат меня и разум и все органы чувств. Поэтому нет никакого атеизма, никаких атеистических понятий, никаких атеистов.

§ 3

Сущность бога точно и наглядно не может быть определена. Кто есть бог, знает только бог. Однако те понятия, которые о боге и его сущности создали люди и народы, а также различные представления о нем и различные изображения его, какими бы они ни были, не должно ни высмеивать, ни порицать, и менее всего их надо преследовать ненавистью, запрещением, огнем и пытками. Они черпают силы в религии, набожности, в размышлениях (в интеллекте). В вопро-

сах религии, набожности и размышлений каждый должен быть предоставлен сам себе и не может и не должен ни от кого получать никаких указаний и наставлений.

§ 4

Для меня бог — это природа образующая, я же — природа образованная. Бог — это разум умосозерцательный, я же — разум осмысленный; бог — форма формирующая, я — сформированная; бог — это простая материя — я же материя видоизмененная; бог — океан, я — река, бог — вода, я — капля, бог — огонь, я — искра, бог — земля, я — песчинка, бог — воздух, я — его колебание, бог — солнце, я — луч, бог — тело, я — член тела, бог — разум, я — действие разума, бог — вечный, всемогущий, вездесущий, всеведущий.

§ 5

Существование бога не требует никаких доказательств; ибо ощущение у всех совпадает. Глаз видит его, ухо слышит, обоняние чувствует, язык ощущает, рука его касается. Вот свидетельства непреложные и сильнее всяких возражений.

§ 6

Для меня существование бога становится очевидным из удивительного создания стольких планет, огненных и земляных, а также из создания троякого мира — мира животного, растительного и минерального, из его управления и сохранения, в чем ощутимо и зримо проявляется божественная сила.

§ 7

Это откровение бога в его творениях и через творения является самым верным, самым точным и безошибочным, самым непреложным и вместе с тем утверждающим представлением о боге, о реальности его существования, познания и проявления.

§ 8

Поэтому его творения, достойные изумления, являются для меня предметом размышлений и изысканий; они являются для меня библией, пророками, апостолами и священнослужителями, не способными вводить в заблуждение, которых я читаю, исследую, которых слушаю и которым слеую.

§ 9

Кроме того, имеются еще откровения о существовании бога в писании, которое не является священным и слова которого не преданы гласности, но историческим, основанным на традиционных рассказах людей, полным многих недостатков: понятие дается о каком-то частичном боге, а именно о Мессии и Христе, свойственное, главным образом, иудеям и христианам, но не дается точное и всеобщее знание о боге всех миров и народов.

Понятно, и в этом откровении находятся некоторые общепризнанные представления об общем создателе всей вселенной. Но это уже предпосылки для исследования и как бы введение.

И чем глубже взаимосвязь исследований, относящихся к одной и той же системе, тем она устойчивее. Для меня более убедительным является откровение существования бога через его собственные деяния, чем через слова других, так как первое начертано перстом самого бога, в то время как второе написано и обнаружено стараниями людей. То божественное, это чисто человеческое, то точное — это неопределенное.

§ 10

Поистине этот бог един, и не было бы бога, если бы он не был единым. Наша вселенная — это круг, бог — его центр. Каждый круг имеет только один центр. Бог совершенен, значит по необходимости он один. Единству же, так же как совершенству вредит множественность. Признавать многих богов — значит уничтожить сущность бога.

§ 11

Итак, далеко от этого отстоит политеизм язычников и христиан, система, изобилующая многими неясностями, полная сомнений и противоречий. Наилучшие знания о боге те, что ясны, ясны же знания, которые признают одного бога без многих богов и их разделений, без их координации и субординации; эти знания признают такого бога и учат о боге, свободном и независимом от всех обозначений схоластиков, от теорий теологов и метафизиков.

§ 12

Между тем, множественность божества или богов должна быть оставлена в силе в тех случаях, когда она введена и

принята под покровом религии, теологами и политиками из религиозных или политических соображений.

Пусть язычник почитает многих богов, христианин одного бога и бога в трех лицах.

§ 13

Я почитаю и люблю, согласно моей вере, по сущности одного бога (для меня единого). Положения религии немногочисленны и кратки, и чем они короче и чем их меньше, тем они лучше.

§ 14

Я люблю бога искренне и просто, потому что бог есть и потому, что он мой бог. В моей любви я не имею никаких видов на какое-либо благо в настоящем или в будущем, ни физическое, ни духовное, ни в этой жизни, ни в будущей.

Кто бога любит из-за чего-либо, тот себя больше любит, чем бога. Такая любовь заинтересованная, это не искренняя и не настоящая любовь.

§ 15

Пока я так люблю бога, я его не боюсь, боязнь порождает ненависть. Любовь и ненависть несовместимы.

Боязнь предполагает момент греха и оскорбления, почему я и боюсь гнева, мщения и наказания другого человека. Бог лишен всех этих страстей. Бог никоим образом не может быть оскорблен; ограниченное не имеет никакой силы, никакой власти, никакого действия над бесконечным; если он не может быть оскорблен, то нет никакого греха.

Ибо что это другое, как не оскорбление и не преступление? Если нет греха, то нет ни наказания, ни дьявола, нет ада. Где нет злодеяния, там нет нужды выдумывать зло. Если нет греха и нет грешников, то нет необходимости в спасителе, в искупителе и святителе. Не может быть никакого воздействия несуществующего.

Вывод предполагает предпосылки. Однако у тех, кому это желательно и нужно, имсют успех идеи о золотом веке, о состоянии чистоты (невинности), о последующем грехопадении человека, об искуплении, о рождении спасителя, о его

Эти вещи приятные и безобидные и их не нужно ни порицать, ни запрещать. Кто все же любит бога от всего сердца и от всей души, тот не нуждается во всех этих понятиях и в догмах, ибо это лишь результат боязни и ненависти.

§ 16

Поговорив о любви к богу, перейдем к его почитанию. Почитание его, по моему мнению, заключается в обожаении, в благодарности и в послушании.

§ 17

Он вызывает во мне восхищение, когда я рассматриваю его как творца и создателя этой вселенной, одновременно моей телесной и духовной субстанции.

§ 18

Он вызывает во мне чувство признательности за те неисчислимыя блага, которые он мне оказывал и ежедневно оказывает. Он является моим хранителем, ибо, сотворив меня, он щедрой рукой дает мне и другие милости.

§ 19

Я почитаю его послушанием, так как он является моим властителем и руководителем, божественной воле которого я раскрываю и веряю себя и все свои замыслы. Поэтому я часто не возношу никаких молитв. Я не прошу его, чтобы мне было дано то или иное благополучие, я не умоляю его на коленях, чтобы мне было разрешено пользоваться здоровьем, богатством, долгой и вечной жизнью.

Просить такие вещи — значит предписывать богу законы и желать быть мудрее его. Он прекрасно знает, что мне необходимо и полезно. Я всегда твердо надеюсь на него, и как до сих пор, так и в дальнейшем он мне делает благо. И все же я часто призываю бога, но скорее по обычаю и по привычке, чем с обдуманым намерением. И когда я призываю его, я всегда добавляю: «Да будет воля твоя, не моя; я прошу тебя, но ты услышь меня по своему благоволению. Дай мне не то, что я прошу, а что ты решил мне дать. Сделай со мной, господи, то, что считаешь необходимым. Ты мой создатель — я твое творение, ты царь — я поданный, в отношении которого ты волен в вопросе жизни и смерти, спасения и наказания».

§ 20

Все это почитание является внутренним процессом, а не внешним, духовным, а не материальным, оно существует в сердце и разумении. Ибо это единственные и наилучшие для бога храмы, святилища и алтари. Религия — явление чувства, а не слова, разума, а не желания, свободной воли, а не вынужденной, и не по приказу; она от человека, а не от повелителя, не признающая никаких других наставлений, формул, единомыслий, признаний, символов, катехизисов и многих других положений религии, кроме одного бога, моего создателя и хранителя.

§ 21

Но у меня кроме этой природной религии, есть еще религия политическая и общественная, ибо я являюсь гражданином и подданным. Отсюда следует, что как в остальных случаях жизни, так и во всех действиях, внешних и преходящих, связанных с вопросами религии, я не волен в своих поступках, но подчинен воле другого.

Итак, я почитаю такого бога, какого предписывает почитать мне государство или правитель.

Если я турок, то признаю Алкоран, если я иудей, то признаю Старый завет, если христианин, то я почитаю законом и нормой моей религии Новый завет. Если папа правит, то я признаю бога метафизического, если я лютеранин, то бог у меня ограничен частицами «in», «sup» и «sub»; если я кальвинист, то признаю изображение вместо бога.

Итак, в зависимости от того, в какой земле я живу, мнение той земли руководит мной. Каким представляется бог в этой стране теологами или политиками или государственными деятелями, таким я должен его почитать, ибо религия властвует над телом, властвует также над сознанием, которое в свою очередь действует на чувства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ФИЗИКИ

§ 1

Поговорив о боге, перейдем к вселенной, созданной богом.

§ 2

Вселенная является для меня комплексом или системой всех видимых и невидимых созданий, которые живут, чувствуют и рассуждают и которые находятся и живут в огненных, водных и воздушных мирах или где-то в другом месте, или существуют каким-либо другим неизвестным нам образом, одним словом, являются миром.

§ 3

Эта вселенная существует в боге, из бога и при помощи бога. Бог — паук, мир — паутина.

§ 4

До создания мир был в боге, как капля воды в пропасти, как семя в его чреве, как круг в его центре.

§ 5

Мир возник от бога через сотворение, не из ничего, а из бесконечной материи, ранее и теперь существующей. Бог есть отец, (само) создание есть родительница, мир же дитя

§ 6

Мир сотворен богом под постоянным его наблюдением. Бог есть кормилец, мир же ребенок, сосущий грудь Провидения.

§ 7

Итак, мир происходит из вечности, обоснованной своей причиной, как здание обосновано архитектором, плод деревом, колос зерном.

§ 8

Хотя мир извечен, он все же появился во времени. И чтобы иметь начало начала, были сломлены цепи вечности. Слово всемогущего бога «да будет» было актом рождения. было рождением, совершенным в один момент. Не было никакого перерыва во времени: бог и действие, решение и выполнение, воля и осуществление проявились (возникли) одновременно.

менно в создании и порождении вселенной. Бог пожелал создать мир и тем самым мир был создан по его желанию во всем своем совершенстве.

§ 9

Однако я не оспариваю тех, кто насчитывает определенное количество лет от создания мира, хотя в их определении не достигнуто единогласия историков всех народов. Пусть они представляют бога каким-то бездеятельным существом, которое по их мнению в течение времени, предшествующего существованию и созданию вселенной, скрывалось как бы в какой-то мифической тьме и находилось в постоянном бездействии, хотя бог есть существо все время действующее, все время осуществляющее свою волю и все время создающее.

§ 10

Я не затеваю спора с теми, кто утверждает, что вселенная создана в течение 6 дней. Ибо они и говорят на основании откровения, написанного человеком; они говорят также о создании особого мира, созданного особым богом определенных народов — иудеев и христиан.

У меня же речь пойдет об общем боге всей вселенной согласно моему свободному размышлению и очевидному откровению самого бога.

§ 11

Однако я восхищаюсь больше способом, каким был создан мир, чем исследую его. Это творение бога, которое превосходит ум человеческий, ибо нет никакого соотношения между конечным и бесконечным.

§ 12

Я, понятно, знаю, сколь много всяких и сколь изощренные теории ученых мужей, главным образом англичан, опубликованы о том, как создан мир, но я их проверяю на весах истины.

Как мне, так и им дается одинаковая свобода решить этот вопрос по своему желанию, согласно способностям каждого. Все это концепции, идеи и действие интеллекта. В формировании этих идей и теорий пусть каждый имеет полную свободу. Разум не признает никакой власти, никакого рабства, никаких законов и никаких авторитетов.

§ 13

Во-первых, это сотворение (мира) было и будет сопровождаться множеством других, они будут бесконечны, ибо бог вечен. Его воля — это действие, все его мысли — это творение. Поэтому существует столько миров, столько планет, сколько его желаний и помыслов. Мы знаем, что одно сотворение мира, т. е. то, что мы воспринимаем нашими чувствами и разумом, действительно совершилось. Все остальные, и их бесчисленное множество, остаются для нас скрытыми. И все же они есть и реально существуют. Наше незнание не может уничтожить их существования. Не имеет силы аргумент: «Я не знаю, не ведаю, значит, не дано, не существует».

§ 14

Есть и такие люди, которые утверждают, что бог от своего труда отдыхал на седьмой день. Отсюда — шабаш для евреев и воскресенье для христиан. Мне нравится этот тезис, ибо я не люблю возражений. Я принимаю его во имя мира (покоя), чтобы не прослыть еретиком или чем-либо худшим. Для меня бог — вечный покой, ибо он не подвержен никаким страстям. Ибо что такое страсти, как не нарушение покоя? Однако бог не находится в покое, он пребывает в вечном действии. Он постоянно размышляет, думает, желает, поэтому жизнь в постоянном движении; за движением следует действие; тот же, кто действует, не находится в покое.

§ 15

Столь разумное сохранение и управление этим нашим миром, частью которого я являюсь (ибо о мирах мне неизвестных я воздерживаюсь говорить), доказывает мне, что бог не находится в покое, а также как он был деятелен извечно, также он деятелен и теперь.

Понятно, если бы бог отдохнул хотя бы на минутку — на один момент, если бы он не хранил то, что создал, если бы он не управлял тем, что он хранит, то все это строение вышло бы из своего порядка и гармонии. Ибо сохранять и управлять — разве это не действия и каковы эти действия, которые требуют вечного движения? Разве постоянное движение не исключает покой?

§ 16

И как бог в постоянном движении, так и управление и сохранение мира происходит через движение.

§ 17

Со своей стороны бог дал всем творениям это движение для самосохранения и самоуправления; сам же он, однако, является перводвижением, направляющим это движение. Вся вселенная — корабль, бог — хозяин корабля; она — колесница, бог — возница, она — часы, бог — маятник, она — машина, бог — колесо, она — автомат, бог — его пружины.

§ 18

Это движение двойное, любви и ненависти, единомыслия и разногласия, движение симпатии и антипатии, объединяющее и отдаляющее, притягивающее и отталкивающее.

Этими противоположными движениями бог благоволяет управлять миром и сохранять его.

§ 19

Бог по своему усмотрению это движение усиливает или уменьшает, изменяет или задерживает. Отсюда столь различные действия в мире и их различные воздействия.

§ 20

Между тем это движение в мире было всегда одинаковым; отсюда все тот же мир, форма и сущность которого, однажды созданные, остаются все те же, хотя в отдельных случаях он претерпел изменения.

§ 21

Некоторые утверждают, что первый мир погиб от всеобщего потопа и что сегодняшний мир возродился как бы заново. Мнение тех, кто откровение бога, его творений ищет в святом писании, а также многое другое служит наиболее необходимыми предпосылками для выводов, которые заложены в святом писании и из него вытекают и которые надо доказать с наибольшей вероятностью. По моему мнению, такой всемирный потоп выдуман; если же когда либо было такое роковое наводнение, то оно было только частичным. Тем не менее я не затрудняюсь прибавить к моей вере это мнение о потопе, признанное всеми уважаемыми теологами, так как мир лучше войны, покой — лучше ссоры.

§ 22

Мне также кажется, что мир не состарился и не стал хуже. Ибо имеется все то же движение, все тот же двигатель, тот же бог. Я не отрицаю изменений и превращений, но эти последние не вносят никакой потери. Во всяком случае, орган движения и само движение осталось без изменений, ибо такова воля бога. Между тем мир остается таким же каким был когда-то и каким он был вечно. Мир был театром всегда одним и тем же, хотя в этом же театре перемещение и изменение сцен происходило и происходит ежедневно в бесконечном количестве видов.

§ 23

Хотя это движение останется вечным, однако оно будет подчинено воле и желанию творца. Мир не погибнет, он будет вечен, хотя он не был вечен, но во времени он нашел свое начало.

Гибель есть разрушение; разрушение же превращение существующего в несуществующее, бытия в небытие, реального в нереальное, что явно невозможно, ибо таким образом превратился бы в ничто и сам бог, из которого возник мир. Бог, однако, может изменять мир и существа, если он этого пожелает, меняя движение в них самих или устройство движения, так что гора превращается в долину, река в камень, звезда в глыбу, рыба в птицу, дерево в золото, человек в животное и наоборот. Таким образом, одна вещь переходит и превращается в другую как бы в постоянном круговращении. Бог есть создатель, он может сделать из своих творений все, что он пожелает, так как он является неограниченным властителем своих творений.

§ 24

Итак, кто утверждает гибель этой вселенной, те аргументируют это святым писанием; они вынуждены это делать, так как иначе им трудно доказать то утверждение, которое они защищают. Я согласен с этим их утверждением, как и со многим другим. Я не люблю споров; я думаю, что лучшим является согласиться со всеми этими мнениями и быть человеком всех этих сект и принципов.

§ 25

Бог же или перводвигатель сможет, если захочет, остановить или вернуть к себе движение, которое он дал миру. Тогда мир прекратит быть тем, каким он является теперь; но, что касается его субстанции, он не погибнет. Он вернется в то состояние, из какого вышел; сконцентрируется в боге, как в своей природе, вернется в свою колыбель, в свой зародыш.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ФИЗИКО-МЕДИЦИНСКИЕ (ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ) ТЕМЫ

§ 1

Итак, от бога и вселенной перейдем к части вселенной.

§ 2

Лучшая часть вселенной — человек.

§ 3

Я рассматриваю этого человека:

- а) теологически как верующего;
- б) физически как рожденного (созданного);
- в) медицински как здорового;
- г) с точки зрения этики как нравственное существо;
- д) политически как гражданина и подданного;
- е) юридически как справедливого.

§ 4

О человеке с точки зрения религии я сказал должное в предшествующих главах, с точки зрения естественных наук скажу в настоящей (главе).

§ 5

Поистине человек, с точки зрения естественных наук, существо, состоящее из двух материй, из которых одна особенно тонкая, другая — плотная.

§ 6

Тонкая материя составляет душу, плотная материя — тело.

§ 7

Тело состоит из частей воздуха, воды, огня и земли. Из этих же частей состоит и весь мир, частью которого является человек. Действительно, часть следует природе целого.

§ 8

Однако эти частицы человеческого тела из более совершенной материи, чем частицы, из которых созданы тела животных и других известных нам существ. Мало того, сами тела людей различаются между собой устройством, качеством этой материи. Поэтому одни тела чище, красивее, сильнее и здоровее других.

§ 9

В этом теле или пассивной материи действует душа или активная материя.

§ 10

Эта душа есть кровь, состоящая из воздуха, огня, земли, воды, так же как тело, которое является ее обителью и орудием; постоянная и сгущенная она вся материальна, точно так же, как тело. Однако она состоит из наиболее чистой и очищенной материи, наподобие духа, свойством которого есть действовать и управлять, так же как тела — страдать и быть управляемым.

§ 11

Хотя кровь и управляет телом, однако это управление, в свою очередь, определяется телом и его органами. И именно так душа или кровь могут действовать и управлять, как тело и его структура могут и желают это разрешить и допустить.

§ 12

Поэтому одно действие крови в голове и именно в мозгу, другое действие в груди и именно в сердце.

§ 13

Это первое действие крови, которое происходит в мозгу, и есть разум.

§ 14

Этот разум из-за двойкой природы вещей, о которых он размышляет, двойкий — божественный и человеческий.

§ 15

Тот (божественный) разум относится только к богу, этот же (человеческий) разум относится к миру; тот разум неделим, этот же разнообразен: одна его часть теологическая, другая, которая в свою очередь делится, — юридическая; еще есть академическая или же судебная, или же подающая советы; медицинская; философская; часть, совершенно не касающаяся социальных вопросов, и социально-политическая; одна часть относится к государству, другая — к военным делам, к вопросам мира; одна часть свойственна приказывающим, другая — повинующимся.

§ 16

Познание — результат разума.

§ 17

Разум определяет объем познания, ибо человек может и должен понимать не иначе как согласно велению разума.

§ 18

Результатом познания являются размышления — умозаключения.

§ 19

Действие крови в груди и сердце образуют волю.

§ 20

Воля, совершенно так же, как разум, есть божественная и человеческая.

§ 21

Воля человеческая столь разнообразна, сколь разнообразны условия и обстоятельства людей.

§ 22

За волей следует стремление (желание).

§ 23

Результатом стремления (желания) является наслаждение (использование).

§ 24

Стремление есть желание что-либо иметь или не иметь.

§ 25

Желание иметь есть любовь; желание не иметь — ненависть. Первое заключается в выборе, второе — в избегании.

§ 26

«Желание выбирающее» стремится ко всему тому, что ему каким-либо образом нравится. «Желание избегающее» ищет возможности избежать всего того, что по какому-либо соображению не нравится.

§ 27

То, что нравится желанию, все приятно, то, что не нравится, неприятно; первое — сладкое, второе — горькое, вначале наслаждение, затем боль.

§ 28

Так как наслаждение и страдание в человеке, как таковом, с точки зрения темпераментов (устройства и тела и крови) одно, в человеке как члене общества — другое, в зависимости от условий и положения, в котором он живет, то нет ничего удивительного, что существуют как различные виды размышления и восприятия (понимания), так и различные воли и стремления, действия и страдания.

Холерик рассуждает иначе, чем меланхолик, флегматик иначе, чем сангвиник; их желания и стремления, действия и

переживания полностью различаются между собой. Одним словом, и повелители, и подданные, и клерикалы, и миряне, и теологи, и юрисконсульты, медики, философы, воины, торговцы, крестьяне, художники, знатные и незнатные, мужчины и женщины, юноши и старцы, а также целые нации имеют не только различную структуру и устройство тела и крови, головы и груди, мозга и сердца, но имеют также различный разум и желанья, понимание и стремление, любовь и ненависть.

§ 29

Так как душа или кровь, как сказано, кормит тело и управляет им, то для того, чтобы она могла правильно выполнить обе эти обязанности, она имеет свою пищу, свое движение.

§ 30

Пища состоит из еды и питья, от количества и качества которых зависит специфичность и разнообразие крови.

§ 31

Движение крови это ее циркуляция, ибо кровь движет тело, циркуляция движет кровь.

§ 32

И как управление крови в теле распределяется посредством органов тела, так теми же органами циркуляция крови распределяется или ограничивается для тех, а не других действий и операций.

§ 33

Поэтому иначе действует кровь, когда вращается в груди, иначе, когда проходит через мозг (голову), иначе, когда проходит через другие части тела (через органы чувств). В зависимости от их структуры, кровь имеет свои законы в действии. Поэтому желает сердце, а не мозг, воспринимает мозг, а не сердце. Сердце же воспринимает и желает то, что воспроизводят сами ощущения. Ибо нет никаких врожденных понятий о вещах и нет ничего в понимании и в желании, чего не было бы прежде в ощущениях. Все же в самих органах

чувств движение крови действует согласно присущих им функций. Поэтому видит глаз, а не ухо, слышит ухо, не глаз, обоняет нос, не рука и т. д.

§ 34

В этом движении крови и циркуляции заключается наша жизнь и действие тела. Ибо действовать значит жить, жить же означает двигать и двигаться.

§ 35

Это движение там, где оно находится в надлежащем порядке, в постоянном равновесии, что зависит от питья и еды, от действий и переживаний, от воздуха и воды, земли и огня, делает человека здоровым телом и физически крепким, духовно сильным, владеющим своими чувствами, так как в здоровом теле находится здоровый дух. Кто хочет сохранить свое здоровье, тот пусть заботится об этом движении.

§ 36

Если же это самое движение когда-либо из-за недостаточного питания или питья, из-за чрезмерности или недостаточности движений и переживаний меняется или задерживается, то тело становится немощным и болезненным, так что ни рука, ни глаз, ни ухо, ни голова, ни сердце не могут правильно выполнять свои обязанности. Итак, кто желает избежать болезни, тот обеспокоенный пусть заботится, насколько возможно, чтобы это движение происходило всегда согласно своим законам.

§ 37

Лишь только движение прекращается, что происходит в том случае, если органы тела из-за болезней ослабевают настолько, что не могут продолжать движения, или же жизненная сила настолько слаба и настолько лишена энергии, что не может ни действовать, ни поддерживать движения, то следует смерть.

§ 38

Смерть же ни что иное, как прекращение движения в теле и душе, основой и жизнью которых было движение.

§ 39

Между тем, хотя тело и кровь, материя активная и пассивная, движущая и двигаемая, умирают, хотя они перестают действовать и переживать, двигать и двигаться, все же они по моему не исчезают и не превращаются в ничто, вследствие этой смерти; но тело и кровь (жизненная сила) распадаются на те частицы, какие были до соединения и сцепления, таким образом, что магнитные частицы в силу родства каждая притягивается к своему веществу: частицы воды к воде, частицы огня к огню и т. д.

К этим материальным сферам частицы или примыкают, будучи постоянно связанными, однако вне всякого активного или пассивного движения, оставаясь в покое, или же, правильнее, частицы привлекаются и используются творцом или перводвигателем для нового движения, для создания нового неба и новой земли, т. е. нового тела и нового духа, так что в постоянном круговращении, центром которого является бог, одно тело переходит в другое, одна душа в другую, и снова переходит, странствует, переливается.

§ 40

Поэтому я не боюсь никакой смерти, которая для других является из всех вещей самой ужасной. Нет никакой гибели, нет никакого уничтожения.

Это понятия, идеи, а не реальность. Это мечты, химеры. Жизнь вещей вечна, природа созданий (существ) бессмертна, переселение душ непрерывно, превращение тел постоянно, не овидиевское, а божественное, не сказочное, а реальное. Моя смерть будет соединение души и тела с богом и вселенной, не мистическое и сакраментальное, а естественное и физическое. Я никогда не умру, но смерть будет началом новой жизни. Гибель будет новым рождением; как феникс, возродившись из пепла, я не прекращу своего существования, хотя и прекратится жизнь; жизнь не прекратится, а будет возобновлена и изменена в боге, с богом и через бога.

Из моего небытия, которое, как кажется, я переживаю, умирая, я воскресну заново в тот же момент, хотя может быть больше не в этом мире, а как звезда, ангел, демон; хотя раньше я был человеком, — стану жителем солнца, луны или другой планеты, после того как здесь я был гражданином земли. Итак, я всегда — тело или душа, материя активная или пассивная, вечно живой, всегда создание бога. Я питаю себя этой верой, ею я буду жить и с ней умру.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЭТИКО-ПОЛИТИКО- ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

§ 1

Еще несколько слов о человеке, рассматриваемом в этико-политико-юридическом порядке.

§ 2

Человек с того момента, как он рождается, действует. Ибо он живет; жизнь же заключается в деятельности.

§ 3

Эта деятельность, вначале слабая, с возрастом получает большую силу.

§ 4

Человек в этом первом периоде своего развития, который действительно является периодом невинности, действует самостоятельно, т. е. согласно голосу мозга и сердца, не подверженный власти законов, которые для него еще не существуют, качество и требования которых он не знает.

§ 5

Целью всех этих действий является полезное, ибо все го полезное, к чему человек стремится, приятно.

§ 6

Это полезное ограничивается любовью к себе. Ибо осознанная любовь начинается с самого себя.

§ 7

Степень этой любви тройкая: первая состоит в стремлении питаться, вторая в стремлении размножаться и воспроизводить себя, третья в стремлении защищаться.

§ 8

Хотя эти действия наиболее необходимы человеку для достижения своей цели — все же рассмотренные сами по себе или относительно, они (действия) безразличны.

§ 9

Законом этих действий является стремление. Ибо кто действует, тот действует в силу естественной потребности.

§ 10

Законами действий являются силы темпераментов тела и крови.

§ 11

Согласно этому ограничивающему закону, пока человек питается, размножается и стремится сохранить самого себя, он действует разумно; то есть то, что он делает, он делает хорошо и с пользой.

§ 12

Поэтому такой человек, предоставленный своим стремлениям (желаниям) и оставленный в состоянии той свободы, которую он получил от рождения, не знает законов, ни разрешающих, ни запрещающих, не знает разницы между теми и другими, не знает пищу разрешенную и неразрешенную, он не знает древа родства и связей свойства и отсюда происходящих степеней, их распределения и запрещения, не знает он разврата, прелюбодеяния и других недозволенных видов связи, не знает войны, убийства и ранения, и не знает, что это является преступлением; ему неизвестно даже само слово. Ибо он ест и пьет спокойно — имеет связь согласно стремлениям, хранит и защищает себя всеми средствами, даже убийством другого, если этого желает.

§ 13

Но так как из-за различия темпераментов бывают различные стремления, а вместе с тем и различные действия, уже между первыми людьми появились ссоры, несогласия, оппозиции, противоречия, сопротивления, восстания, кровопролития, войны.

§ 14

Виновниками всех этих войн и раздоров преимущественно были люди, отличающиеся своим вспыльчивым темпераментом.

§ 15

Но они были инициаторы как войн, так и империй, первые основы которых заложили путем оружия и подавления; ибо эти холерики мало-помалу в силу своего характера, темперамента, желая править другими, подчинили своей власти частью силой, частью просьбами меланхоликов, которые, казалось, были наиболее враждебны их стремлениям.

Флегматиков же и сангвиников, из которых большинство, руководимое страхом, добровольно подчинилось и признало рабство (с радостью целовало свои кандалы), холерики подчинили своей власти без особых трудностей.

§ 16

Итак, монархии были первые формы правления, которые появились. Холерики же были первыми монархами, и как небо не терпит двух солнц, как брачное ложе не терпит союзника, так и холерик не терпит никого, кто бы разделил с ним трон и власть.

§ 17

После того, как таким образом была создана монархическая власть, для ее сохранения были введены религия, законы, награды и наказания, средства, изобретенные холериками, как тайные пружины для поддержания власти.

§ 18

С помощью религии люди из свободных были превращены в рабов и чтобы они были еще крепче связаны, были выдуманы новые боги и их неисчислимое количество, выдуманы беседы, которые они вели с людьми, чудеса, знамения, предсказания, мистерии, пытки, законы божественные, частные и общие, этические и церемониальные (обрядовые); суды, синоды, заповеди, старый и новый завет, закон и евангелие, священное писание, коран, Моисей и Христос, Магомет и Конфуций, римский папа, Лютер, Кальвин, требник, Аугсбургская конфессия (Аугсбургское признание), святые писания, катехизисы, организована большая армия пророков, апостолов, учеников, жрецов и монахов; были основаны храмы, святилища, алтари, жертвенники, священные рощи, введен шабаш, воскресенье, праздники, проповеди, грехи против бога, исповеди, отпущение грехов, право соединять и расторгать и бесчисленное количество других религиозных обманов.

§ 19

Что же касается законов, при помощи которых порабощается мозг и сердце людей, их разум и воля, их понимание и стремление, чтобы они не осмелились что-либо новое предпринять против властителей, узурпаторов первичной свободы, то я не знаю, на каком основании этими же властителями было введено разделение законов. Это по их инициативе получили начало право естественное и право людей, запрещающее и разрешающее, отрицающее и утверждающее; отсюда произошли многочисленные виды понятий; пороки и добродетели и вытекающие отсюда действия и переживания, хорошие и плохие, нравственные и позорные, справедливые и несправедливые, разумные и неразумные, стыд и пристойность, равноправие и справедливость, мало того — воспитание подданных родителями и учителями, проповедниками и служащими дома, в школах и гимназиях, в академиях, в церквях; разделение общества на различные социальные группы, образование сельских общин, основание сел, городов, государств, крепостей; отсюда законные и незаконные браки, их запрещение и разрешение, власть мужа, отца и господина над женой, детьми и слугами; отсюда столько разрядов магистратов и судей, бесконечное количество царских привилегий, бесконечные виды контрибуций; отсюда начало неограниченной власти, происходящей непосредственно от бога, и ее неприкосновенность, государственная измена и другие виды правонарушений, послушание слепое и пассивное и т. д. и т. п.

Чем другим является все это, как не выдумками, идеями, понятиями, сущностью темпераментов холериков и вместе с тем честолюбивых людей, какими и были основатели первых государств, которые (т. е. выдумки, понятия и т. д.) были ими же изобретены, объявлены и введены в интересах и на благо правительства.

§ 20

Религия и законы были дополнены наградами как с целью, чтобы люди, привлеченные и опьяненные ими, тем легче забыли свое первоначальное положение, чтобы они привыкли к власти и властителям, чтобы они подчинились их воле и желанию без всякого сопротивления. Награды же бывают мирские и духовные; к последним относится элизиум язычников, рай христиан, духовные и физические блага, воскресенье, праведная жизнь, жизнь новая, жизнь вечная; к пер-

вым (т. е. мирским наградам) относятся почетное положение, звания, почести, привилегии, льготы, дружеские отношения, празднества, спектакли, праздничные дни, кольца, короны, статуи, колонны, обелиски, памятники и др.

§ 21

Были установлены также наказания, как четвертый способ, служащий укреплению государственной власти и удерживанию подчиненных в послушании; наказания наподобие наград были духовные и мирские. И те и другие отражают характер (свойство) холериков.

Отсюда возникают вымышленные представления о гневе бога, голоде, болезнях и других страданиях, о мучениях как каре, о тюрьмах, о бесконечном количестве наказаний; были вымышлены ад и преисподняя, дьявол и Плутон, Цербер и Ахеронт, ликторы и палачи, чудовища, пугающие людей; исполнители наказаний были установлены как опора власти, как защитники повелителей.

§ 22

И хотя монархия впервые была создана, сохранена и (расширена) возвеличена холериками указанными способами, она все же не осталась в том же состоянии и в том же положении.

Ведь никто не является более способным править, чем холерик, так как ни в ком честолюбие, жаждущее власти, не может больше. Когда же сластолюбцы, сангвиники и флегматики управляли государством, из-за этого их характера, более приспособленного подчиняться, чем повелевать, подданные и им подчиненные народы использовали представившуюся возможность, чтобы получить пользу и выгоду; монархии постепенно претерпели значительные изменения и их первая монархическая форма управления почти совершенно была уничтожена. Поэтому неудивительно, что как раньше происходили, так и теперь происходят столько восстаний, отпадений, изменений правлений, их ослаблений, что возникают государства ограниченной монархической власти, свободные республики, нерегулярные или даже чудовищные формы правления.

§ 23

Однако, хотя любая форма правления, какой бы она ни была, сохраняется правительствами при помощи религии и

законов, наград и наказаний, все же сами правители стоят выше религии и законов, выше наград и наказаний. Ведь это является узами только для подданных, путами для народа, сетями для подчиненных; условия августейших правителей гораздо более величественны. Они управляют, значит, не могут быть управляемы, они повелевают рабами, сами они повелители, они подавляют других, поэтому они сами свободны, они приказывают подчиненным, им же самим никто; иначе они были бы подчиненными; подчиняться же и подчинять — это две несовместимые вещи...

§ 24

Однако и повелителями управляют стремления и польза. Совершенно так же, как подчиненные, они следуют этим двояким началам, в то время как они же (т. е. повелители) тем же подчиненным запрещают это; сами же повелители имеют единственной и первой целью получать удовлетворение во всех своих действиях и стремлениях, искать и пользу и выгоду.

§ 25

Но вот эти же подчиненные, хотя они теперь, после того, как из свободных людей впоследствии стали людьми властвующих религий и законов, хотя они вынуждены жить согласно предписаниям, они всегда соблюдают эту двоякую норму жизни. Ибо в этом последующем (втором) обусловленном состоянии жизни они не совсем отбросили представления о прежнем состоянии и о прежней свободе, но удержали много остатков и того и другого; люди до сего момента свободны в потенции, хотя несвободны в действии (т. е. в исполнении), а если свободны и в действии, то понятно, в первом, а не во втором, кроме редких исключений.

Итак, каждый раз, когда они могут, они начинают свободно действовать, т. е., согласно темпераменту тела и крови, мозга и сердца, согласно приказанию разума и воли, понимания и стремления и из этого возникает бесконечное количество действий, которые ежедневно совершаются гражданами и подданными без боязни и стыда, с полным сознанием преступления вопреки религии и законам с целью пропитаться, размножаться и защищаться. Это, конечно, люди недобродетельные, несправедливые и подчиняющиеся не иначе как по форме, в надежде на награды, но больше из-за страха перед наказаниями.

Эти утверждения политико-философского характера могут быть доказаны и подтверждены (иллюстрированы) примерами. Но они отвратительны, хотя нередки; ими изобилуют двор, церковь, лагеря, море, биржи, мастерские, поля, одним словом, все отношения людей как частные, так и общественные.

§ 26

Итак, положение граждан и всех подданных во всем мире тяжелое, однако же необходимое ввиду современных нравов.

Я оправдываю это, я сам гражданин и подданный, которому оставлена единственно слава послушания, но в то же время я оплакиваю все косное, так как мы даже хуже, чем животные, мы рабы королей, слуги магистратов, машины без чувства, разума, без воли, мы мыслящие, понимающие и стремящиеся ни к чему другому и не иначе как только к тому, что желают и приказывают нам наши повелители.

§ 27

Более счастливое состояние есть состояние человека, как свободного существа природы, хотя оно уже невозможно и непригодно.

В таком состоянии существо (человек), свободно действуя и свободно мысля без властителя, без закона, без общества, не надеется на награды, не боится наказаний, игнорирует пороки, не знает грехов, во всей своей деятельности руководствуясь теми указаниями, что ему подсказывают разум и воля.

Конечно же, такая жизнь божественна; человек уподобляется богу, ибо только бог свободно мыслит и желает.

И. Р. ГРЕЙТЪЯНИС

кандидат исторических наук

САРКАНМУЙЖСКИЕ ВОЛНЕНИЯ КРЕСТЬЯН В 1883 г.

Одним из ярких примеров борьбы сельского населения против пережитков феодализма в Латвии в 80-х гг. XIX века было сопротивление поместной и уездной полиции в Сарканмуйже (Ротгоф, Виндавский уезд; Виндава — ныне Вентспилс) в 1883 году.

Прямым поводом для сарканмуйжских волнений послужили межевые разногласия, возникшие в результате земельного регулирования, и неправильные распоряжения полиции. Однако здесь проявилось и общее недовольство сельского населения аграрным устройством в Прибалтике и учреждениями, заботившимися о его сохранении и укреплении. Это доказывается активным участием в этих волнениях батраков, хотя они и не были прямо заинтересованы в установлении границ земельных наделов помещиков и хозяев.

В 1882 году было закончено регулирование границ казенного имения Сарканмуйжа, что было связано с ликвидацией сервитутов и обменом земель между Сарканмуйжей, с одной стороны, и сарканмуйжским пасторатом, помещьем Виндавского гауптманского суда, городскими землями и несколькими частными имениями — с другой. В связи с регулированием границ сарканмуйжские крестьяне потеряли часть своих прежних земельных наделов, вместо которых они вынуждены были получить пашни, пастбища и луга из вновь присоединенных к имению земельных участков. Должны были измениться и границы земельных участков отдельных сарканмуйжских крестьян. Однако в 1882 году, когда обмен земли между имениями был уже произведен, границы наделов сарканмуйжских крестьян еще не были установлены. Председатель комиссии регулирования полагал, что обмен земель между имениями вступит в силу тогда, когда будут урегулированы границы крестьянских наделов в Сарканмуйже. Поэтому комиссия регулирования пояснила представителям крестьян, что посев озимых осенью 1882 года

следует провести еще в старых границах; подобный порядок был определен и путем официального сообщения об этом волостному правлению¹. Наоборот, Голдынгенский (ныне — Кулдига) обергауптманский суд, утверждая новые границы имений, сообщил в июле 1882 года, что посев озимых осенью 1882 года следует проводить уже в новых границах.

В результате подобных противоречивых распоряжений крестьяне пришли в замешательство: некоторые посеяли в старых границах, другие — в новых, а третьи — двояко (в старых и новых границах), а часть в конце концов осталась без участков озимых², потерпев значительный материальный ущерб³.

Крестьяне и ранее были недовольны деятельностью комиссии по регулированию земель, которая начала свою работу в 1880 году. Чиновники комиссии жили в имении Варве у барона Гротхуса; он сумел добиться того, что к его землям были присоединены участки лучше тех, что были отторгнуты от варвского имения. В результате 26 сарканмуйжских хозяев уже с самого начала были недовольны регулированием, так как крестьяне получили очень плохие луга — они частью входили в болото или в виндавский казенный лес и были пригодны для использования только после тяжелого труда: нужно было вырубить кусты, выкорчевать участки и осушить их; части крестьян пашня была выделена за пастбищем, в недоступных и непригодных местах, причем образовавшиеся границы участков были весьма невыгодными (у усадьбы были наделы пашни других крестьян, а хозяин усадьбы получил пашню вдали от дома, например усадьбы Клучи, Липсе и др.); в общественном выгоне крестьяне имели примерно по 50 десятин пастбищ на каждую усадьбу, теперь же каждая усадьба получила лишь 5—10 десятин; у большинства усадеб были уменьшены и размеры пахотных участков⁴.

3-го и 13-го сентября 1883 года в доме сарканмуйжского волостного правления крестьяне Сарканмуйжской и Лицентской волостей подали председателю комиссии по регулиро-

---

¹ ЦГИАМ, ф. 677, г. 1882, оп. 1, ед. хр. 555, л. 66.

² Там же.

³ Управляющий государственными имуществами в прибалтийских губерниях в 1887 году в специальном донесении министру государственных имуществ старался оправдать деятельность комиссии — в 1882 году крестьяне уже могли использовать землю в новых границах, следовательно, недоразумений могло и не быть. См. ЦГИА Латв. ССР, ф. 412, оп. 1, ед. хр. 15163, л. 44.

⁴ См. ЦГИАЛ, ф. 1344, г. 1890, оп. 17, ед. хр. 2059, лл. 1—24.

ванию новый проект расположения их наделов; требования крестьян были внесены в протокол комиссии¹.

Часть крестьянских жалоб была признана обоснованной самой комиссией, и к сарканмуйжским землям было прирезано 1200 десятин земли из государственного фонда².

Но и после окончания регулирования крестьяне жаловались, что они недовольны новыми границами.

Поэтому уже в феврале 1883 года предводитель дворянства Виндавского уезда и некоторые помещики, а также виндавский городской голова просили курляндского губернатора составить комиссию для «выяснения недоразумений», ибо весной могли возникнуть волнения. После согласования этого вопроса с председателем прибалтийской комиссии по регулированию и управляющим государственными имуществами эта комиссия была создана³. Ей было поручено опросить всех заинтересованных лиц и дать свои предложения о том, каким образом возможно было бы реализовать уже ранее утвержденную и объявленную через гауптманский суд регулировку границ без стычек и волнений среди крестьян.

Недовольство крестьян деятельностью комиссии регулирования и поступками окрестных помещиков в целом было столь значительным, что созданная комиссия была вынуждена сообщить губернатору, что все ее старания окончить это дело мирным путем оказались напрасными и что «беспорядки» в Сарканмуйже неизбежны. Шестнадцать сарканмуйжских хозяев, несмотря на разъяснения комиссии, сообщили, что они недовольны регулированием, уже жаловались на это и будут так же, как и до сих пор, сопротивляться использованию той земли, которая отделена от Сарканмуйжи и прирезана к другим имениям — не допустят сева, жатвы, обработки полей и т. д. Крестьяне якобы не пойдут ни на какие компромиссы в этом деле⁴. Среди тех крестьян, которые 23-го марта 1883 года сообщили, что они недовольны регулированием, был и впоследствии осужденный Янис Целм (старший)⁵, а также волостной старшина Межниеки, которые, по мнению помещиков и чиновников, мешают восстановлению порядка в этом деле⁶. В следственных материалах по делу сарканмуйжских волнений неоднократно проявляется

¹ См. ЦГИАЛ, ф. 1344, г. 1890, оп. 17, ед. хр. 2059, л. 4.

² Правительственное распоряжение об этом было получено лишь в апреле 1883 года. Работа по регулированию крестьянских земель должна была завершиться летом 1883 года, но в августе этого года она еще не была завершена. См. ЦГИАМ, ф. 677, г. 1882, оп. 1, ед. хр. 555, л. 66.

³ ЦГИАМ, ф. ДП, 2-е делопр., г. 1883, оп. 40, ед. хр. 312, ч. 10, л. 3.

⁴ Там же, лл. 3—4.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1345, г. 1886, оп. 164, ед. хр. 896, л. 26.

⁶ См. там же, лл. 59—61.

стремление помещиков наказать крестьян не только за сопротивление 18-го и 19-го апреля, но и за выраженное недовольство регулированием¹.

Кроме того, крестьяне Сарканмуйжи уже раньше выражали свое недовольство и по поводу несправедливостей, допущенных во время выборов волостного правления в 1881 году².

При таких обстоятельствах местные помещики неоднократно обращались к помощи войска для борьбы с крестьянским сопротивлением. Еще 11-го апреля 1883 года виндавский гауптманский суд обратился к военному начальству Виндавы с просьбой выслать двадцать солдат в распоряжение полиции. 16-го апреля этот суд сообщал губернатору, что ему необходимо связаться с военным начальством, так как в скором времени, возможно будет необходимость в военной помощи³. В своем донесении министру внутренних дел от 24-го апреля курляндский губернатор жаловался на начальника жандармского управления Курляндской губернии барона Криденера, который не предоставил в распоряжение виндавского гауптманского суда 10 затребованных последним жандармских унтер-офицеров для укрепления уездной полиции, чтобы предупредить «беспорядки» и не прибегать к применению военной силы⁴.

В результате к всеобщему недовольству и неурегулированному вопросу о границах крестьянских земель присоединилось обострение напряженного состояния в отношениях между крестьянами и помещиками со стороны последних, что способствовало возникновению волнений.

В ходе событий поводом к волнениям послужили незаконные действия и распоряжения поместной и уездной полиции, которые в обычных условиях не вызвали бы крестьянских волнений.

Волнения в Сарканмуйже 1883 года включают два события:

1) сопротивление сарканмуйжских крестьян 18-го апреля распоряжениям представителя полиции варвского имения барона Гротхуса, который распорядился взять в залог на пастбище их скот;

2) сопротивление тех же крестьян 19-го апреля распоряжениям виндавского гауптмана Остен-Сакена, который при-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1345, г. 1886, оп. 164, ед. хр. 896, лл. 59—61, 80—81 и др.

² В связи с этим губернатору была подана жалоба, содержание которой неизвестно, так как в архиве сохранилась лишь папка с названием дела. См. ЦГИА Латв. ССР, ф. 412, оп. 1, т. 1, ед. хр. 15766.

³ ЦГИАМ, ф. 677, г. 1882, оп. 1, ед. хр. 555, л. 68.

⁴ Там же, ф. ДП, 2-е делопр., г. 1883, оп. 40, ед. хр. 312, ч. 10, л. 4.

был по просьбе варвского барона арестовать крестьян, обвиняемых в указанном проступке.

18-го апреля в пределах лугов Сарканмуйжи и Варве произошли стычки между батраками имения Варве Краукисом и Эгле и сарканмуйжскими крестьянами. Барон Гротхус послал своих батраков взять в залог довольно большое количество крестьянского скота, который якобы пасся на его лугах. В это время скот паста хозяйка усадьбы Инцени, которая стала угрожать батракам и не позволяла взять скот в залог. На ее крики сбежалось около двадцати человек из усадеб Сарканмуйжи и Варве. Они отняли у Краукиса лошадь, принадлежащую усадьбе Инцени. В стычке крестьян принимали участие хозяин усадьбы Алиши Янис Целм с сыном Янисом, бобыль Якоб Дростел и другие. Руководствуясь только приказом Гротхуса и не зная действительных границ участков, батраки имения намеревались взять в залог скот не на лугах барона, а на лугах сарканмуйжских крестьян. Последние отняли скот у батраков, так что им осталось только бежать назад в поместье.

Эту стычку барон Гротхус, как представитель поместной полиции, расценил как сопротивление распоряжениям представителя властей — поместной полиции — и донес в виндавский гауптманский суд. По этому донесению 19-го апреля в Сарканмуйжу прибыл гауптман Остен-Сакен, который пастьбу скота на лугах расценил как умышленное нарушение границ земельных участков и потребовал сурового наказания крестьян, чтобы в дальнейшем это не повторялось.

Явившись на место происшествия, гауптман, основываясь на показаниях потерпевших Краукиса и Эгле, направился с людьми (маршкомиссаром Албергом, волостным старшиной Варвской волости Михельсоном, работником Вишниеком и другими), вооружившись веревками, на четырех повозках арестовать «виновных». В усадьбе Алиши гауптман застал лишь женщин с грудными младенцами и сына хозяина Яниса Целма, которого, несмотря на заверения крестьян о том, что батраки имения Варве хотели взять в залог крестьянский скот на земле крестьян, и просьбы об освобождении Целма, арестовали, приказали связать и положить на повозку, поставив к нему сторожем крестьянина Чачу, привезенного из Виндавы. В это время проживавший в усадьбе Карл Лаше влез на ограду и крикнул: «Все сюда!» Так как крестьянские усадьбы были расположены поблизости, с близких мест собралось большое количество людей, направившихся к гауптману. Женщины между тем освободили и спрятали Яниса Целма. Сторож ничего не сделал или не хотел делать, чтобы

воспрепятствовать освобождению его. Гауптман приказал маршкомиссару Албергу отыскать Целма и вновь связать. Однако вокруг, как положено в праздничный день, на второй день пасхи, собралось много народа (по некоторым сведениям 50—100 человек), которые подняли такой шум, что Алберг не в состоянии был выполнить приказ — толпа не пропускала его вперед. Затем крестьянка Анна Инцена упрекнула гауптмана в том, что тот связывает невинных людей только на основании заявлений батраков имения. Гауптман на это самоуверенно ответил, что он сам знает, что делает и что здесь он защищает интересы барона варвского имения. Гауптман приказал ударить саблей старую крестьянку. Это было сделано. Когда ее муж Юрис Инцен пришел к ней на помощь Алберг ударил его по лицу. Юрис Инцен вырвал саблю из его рук и сломал ножны. Карл Лаше сорвал шапку с гауптмана и на его глазах смял ее. Видя, что здесь ничего достигнуть не удастся, гауптман сел в свою повозку, чтобы уехать. Тогда Андрей Григалник березовым колом толщиной в руку ударил его в голову. Из толпы звучали угрозы и летели камни. Алберг получил несколько ударов от Карла Лаше. Янис Абелник старался задержать отъезжающую повозку и сорвать с ней гауптмана, однако это не удалось.

Местное дворянство и находящиеся всецело под их влиянием учреждения суда и полиции и губернское правление расценили сарканмуйжские события как преднамеренно организованное крестьянами нарушение границ владений Гротхуса, ибо этим крестьяне угрожали еще в 1882 году, и поэтому они должны быть строго наказаны.

Телеграмма ассессора Виндавского гауптманского суда барона Заса курляндскому губернатору, посланная 19 апреля, носит панический характер. Спротивление крестьян захвату скота и пастьбу его Зас называет повторным «насильственным вторжением» в пределы Варвского имения¹. После стычки 19 апреля опасность по его мнению, неизбежна, поэтому в спешном порядке необходима помощь войск; свои силы, как он полагает, явно недостаточны, чтобы ликвидировать крестьянские беспорядки². В таком же тоне послал донесение министру внутренних дел и курляндский губернатор от 30 апреля 1883 года, дополнив к тому же свою депешу некоторыми тенденциозными деталями: крестьяне якобы 18 апреля нарочно выгнали свой скот на варвские луга, а сами с батраками спрятались там же, в кустах, и ждали, что вый-

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, 2-е делопр., г. 1883, оп. 40, ед. хр. 312, ч. 10, л. 5.

² Там же.

дет из этого¹. Так как этот случай, по мнению губернатора, нельзя рассматривать как обычную потраву лугов, то энергичные действия гауптмана были якобы совершенно необходимы. Многочисленную толпу крестьян 19 апреля губернатор также объясняет намеренным ожиданием и подготовкой столкновения с представителями власти и т. д. В конце донесения губернатор замечал, что 21 апреля в Варве прибыл адъютант начальника жандармского управления Курляндской губернии поручик Сафонов, который без всякого формального следствия через день уехал обратно, собрав лишь некоторые сведения. Как видно, поведением жандарма был недоволен гауптман и губернатор также остался недоволен. Причиной этого недовольства послужило то, что Сафонов на события в Сарканмулже смотрел менее тенденциозно, он опросил также и обвиняемых крестьян и в своем донесении использовал их показания, не допуская произвольного искажения фактов, как это делал гауптман. Поэтому и в дальнейших донесениях жандармов департаменту полиции отмечается и необдуманное и жестокое поведение гауптмана, который всех называл разбойниками, приказывал избивать и связывать крестьян до выяснения всех обстоятельств и т. д.² В своем донесении начальник жандармского управления Курляндской губернии, в свою очередь, приуменьшил остроту взаимоотношений между помещиками и крестьянами, а равно и значение этого события.

Местные помещики и чиновники полиции и суда использовали все средства, чтобы расправиться с крестьянами, которые показали свое справедливое возмущение путаницей и несправедливостями в регулировании земель, а также незаконными действиями полиции и должностных лиц. Поэтому следствие проводилось весьма тенденциозно. Действия полиции и судебных чиновников во время сарканмулжских волнений и следствия можно характеризовать как один из наиболее ярких случаев злоупотребления служебным положением против крестьян в 80-х гг.

По существующим законам гауптман Остен-Сакен должен был прежде всего проверить объективность жалобы барона Гротхуса, допросив свидетелей, которые непосредственно в этом деле не были замешаны, а не арестовывать крестьян только на основании показаний батраков имения, участвовавших в стычке 18 апреля. Однако Остен-Сакен этого не сделал. Гауптману также следовало тщательно осмотреть место происшествия, ибо позднее действительно выяснилось, что

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, 2-е делопр., г. 1883, оп. 40, ед. хр. 312, ч. 10, л. б.

² См. там же, лл. 8—10.

скот был задержан не на поместной, а на крестьянской земле¹. Вместо этого Остен-Сакен 19 апреля немедленно начал аресты.

Хотя после отъезда гауптмана волнения прекратились и больше не повторялись, губернская администрация сопротивление крестьян считала настолько серьезным событием, что были вызваны пехотные части из Виндавы и Голдингена. Правда, военное начальство отказалось удовлетворить этот вызов, так как в этих городах не было полного состава рот². Тогда в Виндавский уезд по указанию губернатора Лиленфельда был откомандирован драгунский эскадрон. 21 апреля он прибыл на место и был расквартирован в усадьбах сопротивлявшихся крестьян, а также в имениях Варве и Зуре. Эскадрон оставался там более трех месяцев, частично на крестьянском обеспечении.

20 апреля начались аресты крестьян, оказавших сопротивление гауптману и вообще находившихся поблизости от места происшествия 19 апреля. В варвскую усадьбу «Калеи» Остен-Сакен послал тюремного надзирателя Хака с несколькими солдатами, чтобы арестовать Андрея Григалниек, которого считал главным виновником волнений. Однако в усадьбе его не нашли. Янис Целм (старший) и Юрис Инцен вначале избежали ареста, так как волостной старшина Межниеку 20 апреля им выдал паспорта для выезда за пределы волости³, таким образом пытаясь оградить их от репрессий. 26 апреля в предварительном заключении оказались оба Целма, Карл Лаше, Янис Абелниек, Юрис Инцен, Якоб Дростел. Андрея Григалниек арестовали только 9 мая, когда он сам явился в гауптманский суд.

Янис Целм отказался отвечать на вопросы во время допроса. Андрей Григалниек также отвечал, что не будет давать никаких показаний и потребовал создания особой комиссии для разбора этого дела. Позже обвиняемым все же пришлось отступить от этой линии поведения, чтобы дать показания, которые хоть в какой-то мере оправдывали бы их против сфабрикованных и преувеличенных свидетельств полиции и батраков имения. Григалниек категорически отрицал выдвинутое против него обвинение.

Дело о сопротивлении крестьян учреждениям власти было оставлено для следствия в Виндавском гауптманском суде, и Остен-Сакен под охраной солдат его продолжал, хотя он

¹ ЦГИАМ, ф. 677, г. 1882, оп. 1, ед. хр. 555, л. 68.

² Там же, ф. ДП, 2-е делопр., г. 1883, оп. 40, ед. хр. 312, ч. 10, л. 4.

³ Межниеку этот поступок во время следствия инкриминировали как служебное преступление, предложив отстранить его от должности. ЦГИАЛ, ф. 1345, г. 1886, оп. 164, ед. хр. 896, лл. 59—61.

сам был одним из «потерпевших», которые в ходе следствия, естественно, заинтересованы в том, чтобы скрыть все допущенные в этом деле служебные нарушения.

Поэтому дело было расследовано весьма тенденциозно. Прежде всего показания дали маршкомиссар Алберг, кучер гауптмана Павелсон, батраки имения Краукис и Эгле и другие. Их предварительные показания были очень тенденциозны, с целью обвинить крестьян по возможности тяжелее и скрыть служебные нарушения полицейских чиновников по отношению к крестьянам¹.

Крестьяне жаловались на это проводившему в губернии ревизию сенатору Манасеину, который послал своего чиновника, коллежского асессора Губского, в Виндаву, чтобы он проследил за законным ходом следствия. Гауптманский суд сообщил ему, что следствие уже окончено, и по этому не согласился допросить еще какого-либо крестьянина дополнительно, как это предложил Губский. Однако место происшествия было осмотрено повторно при участии обвиняемых и представителей волостного правления. Чиновник Губский вскрыл целый ряд формальных неправильностей и тенденциозный подход к крестьянам как до волнений 19 апреля, так и после этого². После повторного осмотра места происшествия, который был проведен по требованию Губского, при участии обеих сторон и землемера было установлено, что 18 апреля крестьяне отнюдь не нарушали границ земли помещика Гротхуса, а наоборот, представитель поместной полиции Гротхус отдал неправильное распоряжение задержать крестьянских скот на их собственной земле.

В этой ситуации Курляндский губернатор был вынужден распорядиться о повторном проведении следствия по этому делу; были получены некоторые дополнительные показания непосредственно от обвиняемых крестьян, которые разоблачили многие искажения фактов в предыдущем следствии. Ознакомившись с результатами повторного следствия, губернская правление Курляндской губернии признало, что гауптманский суд во многих случаях действовал противозаконно. По предложению сенатора Манасеина гауптман Остен-Сакен и асессор Зас были отданы под суд за служебные преступления и поверхностное исполнение своих обязанностей³.

Однако несмотря на это, расправа с крестьянами была весьма суровой. Обоим активнейшим участникам волнений

¹ См. газету «Дневас Лапа», 1886, 53, 29-го ноября.

² ЦГИАМ, ф. 677, г. 1882, оп. 1, ед. хр. 555, лл. 69—70.

³ Курляндский обер-гофгерихт ничего незаконного в действиях барона Остен-Сакена не усмотрел и 5-го января 1884 г. оправдал его, объявив ему строгий выговор только за противодействие требованиям Губского.

Андрею Григалниеку и Карлу Лаше Голдингенский обер-гауптманский суд вынес приговор о высылке их в Сибирь с лишением всех прав. Остальным — в арестантские роты на различный срок¹. Курляндский обер-гофгерихт согласился со степенью виновности отдельных осужденных, определенной обергауптманским судом, однако он не мог формально согласиться с явно преувеличенным обвинительным заключением — судить крестьян по статье 270 и 266 судебного устава, которые предусматривали суровые наказания (по меньшей мере 15 лет каторги) за восстание против манифестов правительства, законов и т. д., в то время как здесь имело место лишь неподчинение распоряжениям чиновников со стороны некоторых лиц во время исполнения служебных обязанностей; поэтому суд смягчил меру наказания. Однако в решении этого суда от 24 января 1884 года подчеркивается, что крестьяне сопротивлялись законным распоряжениям и требованиям чиновников, поэтому они строго наказуемы: Андрей Григалниек на 3 года арестантских рот с лишением всех прав и после отбытия наказания на 4 года под надзор полиции; Карл Лаше — на 2,5 года тюремного заключения; Юрис Инцен и Янис Абелниек — на 2,5 года арестантских рот с лишением всех прав и после отбытия наказания на 4 года под надзор полиции; Анна Инцена — на 2,5 года принудительных работ или тюремного заключения с лишением всех прав и после отбытия наказания на 2 года под надзор полиции; Янис Целм (старший) и Фриц Хаммер — на 1,5 года арестантских рот с лишением всех прав и после отбытия наказания на 4 года под надзор полиции.

Меры наказания были весьма высоки. Это была расправа и за выраженное крестьянами недовольство проведенным в интересах правительства регулированием земли, из которой практическую пользу сумели извлечь и окрестные помещики. Суровым мерам наказания нужно было послужить и в качестве устрашения наказуемых, и в качестве предупреждения от подобных поступков для остальных крестьян².

---

¹ ЦГИА.Л, ф. 1346, г. 1886, оп. 164, ед. хр. 896, лл. 247—248.

² Крестьяне и в самом деле оказались напуганными этим приговором. За это говорит такой факт. 4-го сентября 1885 года курляндскому губернатору из царской ставки было прислано анонимное заявление, которое подали крестьяне Сарканмужи, с жалобой о несправедливо отторгнутых землях. Губернатору было поручено выяснить подписи просителей и сообщить свое мнение. Вишавский уездный суд 4-го декабря 1885 г. ответил, что волостное правление, несмотря на все старания, не может назвать имен просителей. Крестьяне, вероятно, боялись, что их могут наказать за то, что они недовольны регулированием. См. ЦГИА Латв. ССР, ф. 412, оп. 1, ед. хр. 19848, лл. 1—6.

В сарканмуйжских волнениях активно участвовали и поэтому тяжелее были наказаны приписанные к различным волостям батраки: приписанный к Варвской волости А. Григалиник, который за последние годы сменил несколько мест и в то время работал в усадьбе Дампели пасторатского имения; приписанный к Попской волости К. Лаше, который работал в усадьбе Инцени; бобыль Я. Абелник; батрак имения Варве Я. Магоне; батрак усадьбы Алиши Я. Дростел. Следовательно все они не принадлежали к арендаторам сарканмуйжских мелких арендных участков¹, а работали у хозяев Сарканмуйжи и хозяев из других волостей или в имениях, нередко будучи приписанными к другим волостям. Этот факт еще раз подтверждает мысль, что в 80-х гг. во многих случаях безземельные крестьяне выступали вместе с хозяевами против помещиков; хотя их интересы полностью и не совпадали, они все же были все заинтересованы в ликвидации пережитков феодализма на селе.

После суровой расправы сарканмуйжские крестьяне борьбы с результатами регулирования не прекратили, началась и борьба с приговором суда. Будучи недовольны приговором, крестьяне 24 марта 1884 года уполномочили адвоката Лифляндского гофгерихта Гросвальда вести их дело и прошения. 31 мая 1884 года осужденные подали сенату составленное адвокатом прошение на 31 странице, где отмечали все те незаконности, которые были допущены весной 1883 года, и просили освободить их от суда и наказания². 2 августа сенат рассмотрел прошение первый раз, затребовал после этого не только присылки приговора, но и всего дела. Последнее гофгерихт сильно затянул, ссылаясь на задержку с переводом; дело поступило только 31 января 1885 г. В 5-м департаменте сената его, в свою очередь, рассмотрели лишь 31 октября 1885 г. В журнале департамента указано, что из присланного дела видно, что Курляндское губернское правление признало действия Остен-Сакена незаконными и отдало его под суд, но из присланного дела неясно, каково решение суда по этому вопросу. Это важно потому, что оценка действий Остен-Сакена определяет и степень вины крестьян. Сенат

¹ В Сарканмуйже было большое число мелких арендаторов и бобылей — после регулирования 321, в среднем по 2,04 десятины и 64 владельцев солдатской земли, в среднем по 1,69 десятин. См. там же, ед. хр. 15163, лл. 45—46.

Однако их прошений или жалоб в архивах найти не удалось.

² ЦГИАЛ, ф. 1345, г. 1886, оп. 174, ед. хр. 896, лл. 1—16. В сентябре 1884 г. осужденные уже находились в заключении: Абелник и Целм — в арестантских ротах в Вильюсе. Григалиник, оба Инцена и Лаше в митавской (ныне Елгава) тюрьме, Хаммер в виндавской тюрьме (См. там же, л. 23).

затребовал в недельный срок сведения о состоянии дела Остен-Сакена¹.

В тот же день губернатору было поручено немедленно приостановить приведение в исполнение приговора суда от 24 января 1884 г., осужденных из заключения освободить и поселить по месту жительства под надзор полиции².

Наконец 20 ноября 1886 года сенат рассмотрел жалобу сарканмуйжских крестьян. Принимая во внимание допущенные служебные нарушения в период волнений 18 и 19 апреля, а также тенденциозное следствие и несправедливый приговор по делу Остен-Сакена, сенат был вынужден отменить приговор от 24 января 1884 года со всеми вытекающими из него последствиями³. Однако сопротивление распоряжениям чиновников (хотя и незаконным) сенат также не мог оставить безнаказанным, поэтому крестьяне были наказаны: Андрей Григалник лишением некоторых прав и 5-ю месяцами тюремного заключения, считая время, проведенное в тюрьме; Карл Лаше, Юрис Инцен, Янис Абелник — 8-ю месяцами тюремного заключения, откуда их освобождают на основании манифеста от 15 мая. Анну Инцену и Фрица Хаммера полностью оправдали.

Следовательно, приговор Курляндского обер-гофгерихта

---

¹ После получения решения в журнале 5-го департамента сената 3-го февраля 1886 г. было отмечено, что в 1884 году, когда сенат рассматривал дело о служебных нарушениях Остен-Сакена, присланный обер-гофгерихтом перевод приговора от 5-го января 1884 г. не содержал части о сарканмуйжском деле, которая сейчас прислана в сенат. Сенат требует весь приговор от 5-го января на немецком языке и дело об обвинении Остен-Сакена в отлучке незаконных распоряжений в Сарканмуйже (там же, лл. 45—46). В ответе от 18-го марта 1886 г. обер-гофгерихт пояснил, что часть приговора об Остен-Сакене не была подана на ревизию в сенат потому, что Манасин якобы прямо не возбуждал дела против Остен-Сакена, а сообщил о его «якоби» (суд последовательно употребляет это выражение в оценке деятельности гауптмана) незаконных действий губернскому правлению, которое, в свою очередь, возбудило это дело. А такие приговоры не подлежат ревизии сената

В действительности суд старался замолчать свое решение, так как осознавал его несправедливость.

Губернское правление уже 29-го марта 1884 г. снова назначило Остен-Сакена гауптманом, когда указом сената от 23-го марта 1884 г. (хотя и был признан виновным в нескольких служебных преступлениях и халатности) Остен-Сакен был на основании манифеста от 15-го мая 1883 г. освобожден от наказания. Поэтому губернское правление было весьма смущено, когда из указа сената от 29-го сентября 1886 г. следовало, что Остен-Сакен по-прежнему считается отстраненным от должности приказом сенатора и не состоит на государственной службе (там же, л. 251).

² Это распоряжение осталось невыполненным, так как 20-го апреля 1887 г. губернское правление сообщило сенату, что осужденные уже отбыли наказание (там же, л. 256).

³ ЦГИАЛ, ф. 1345, г. 1886, оп. 164, ед. хр. 896, лл. 254—255.

от 24 января 1884 года был признан несправедливым и суровые меры наказания необоснованными. Все же жалобу Анны Инцены, Фрица Хаммера и Яниса Целма (младшего) на принятие неправильного решения сенат отклонил, показав крестьянам, что сопротивление властям всегда наказуемо. Смягчение приговора крестьянам объясняется лишь тем, что сенат этим хотел якобы «наказать» Курляндский обер-гофгерихт за его неуважение к требованиям Манасейна, а также за нарушения в тех делах, которые возбудил Манасейн. В противном случае можно сомневаться в том, что наказание крестьянам было бы смягчено.

Решение сената было издевательством над крестьянами: что оно могло сейчас дать, если все осужденные 24 января свое наказание уже отбыли.

Органам власти удалось быстро ликвидировать волнения в Сарканмуйже только благодаря тому, что в окрестностях был размещен драгунский эскадрон. В этих условиях было бы неразумным и невозможным продолжать борьбу против помещиков и полиции. Это и было целью местных помещиков и губенрского правления — запугать крестьян и таким образом прекратить сопротивление, а не решать наболевшего вопроса с установлением границ земельных участков.

Этого не было сделано и позднее, когда в связи со смягчением приговора участникам волнений в правительственные учреждения снова поступили прошения крестьян о регулировании границ в начале 80-х гг.¹

Оказалось, что несмотря на уменьшение размеров земельных участков и ухудшение их качества, крестьянам в связи с регулированием в начале 80-х гг. был увеличен оброк за пользование землей: вместо прежних 5330,71 р. оброка, после регулирования Сарканмуйжа давала казне 6871,00 р. оброка (прирост состоял из оброка за вновь отмеренные мелкие арендные участки земли — 794,19 р. и из новой расценки на крестьянские усадьбы — 726,10 р.)².

Министр государственных имуществ отклонил жалобы крестьян. Несмотря на протесты крестьян, регулирование земли и новый оброк утвердил и царь, к которому крестьяне обращались с жалобами. Сенат, разумеется, также оставил без внимания дальнейшие жалобы крестьян.

Сарканмуйжские волнения были одним из проявлений стихийной борьбы крестьян в 80-х годах. Помещикам с помощью войск удалось ликвидировать волнения и сурово расправиться с их участниками. Однако предпосылки и причины

¹ ЦГИАЛ, ф. 1344, г. 1890, оп. 17, ед. хр. 2059, лл. 7—9.

² ЦГИА Латв. ССР, ф. 412, оп. 1, ед. хр. 15163, л. 47.

волнений ликвидированы не были. Крестьянское движение с большей или меньшей силой продолжалось в латвийской деревне в других местах. Но революционный характер оно получило лишь в начале XX века, когда стало проходить под руководством пролетариата и его партии.

О. НИЕДРЕ

БОРЬБА ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В РАБОТЕ Я. ДАНИШЕВСКОГО

«ПРУССКИЕ ЮНКЕРА В ЛАТВИИ В 1812—1914 гг.

Я. Данишевский был профессиональным революционером-журналистом, одним из активнейших членов Рижской организации СДЛК в 1914 году. Перу Данишевского принадлежит множество статей по вопросам о рабочих профессиональных организациях и страхованию, а также другим актуальным проблемам движения социал-демократии. Статьи Я. Данишевского печатались в легальной прессе социал-демократов: в дневной газете «Лайка Балсс» и ее продолжениях, в журналах «Ародниекс», «Яунайс Ародниекс», «Дарбс» и других, а также издавались в отдельных брошюрах.

В конце октября 1914 года из печати выходит более обширный труд Я. Данишевского, посвященный вопросам империалистической войны, под названием «Прусские юнкера в Латвии в 1812—1914 годах» в издании А. Голта, объемом в 120 страниц.

Этот труд вышел в свет в тяжелой обстановке империалистической войны. Уже с 5 августа было окончательно задумано издательство дневной рабочей газеты; с большим трудом в начале октября удалось восстановить издание еженедельного журнала «Яунайс Ародниекс», которое не издавалось более двух месяцев. Чтобы уберечь его издание, на страницах журнала приходилось говорить осторожным эзоповским языком. Латышская буржуазная пресса была наводнена шовинистическими статьями, в которых по примеру центральных газет били в набат и вдохновляли народ на «священную войну» против немцев. Попытки большевиков в июле и начале августа сорвать мобилизацию, организовать антивоенные демонстрации потерпели неудачу. Преследуемая царской охранкой, партия не смогла вовлечь народные массы в эту борьбу. Многие члены партии и беспартийные активисты в первые же дни войны на основании военного положения были высланы в административном порядке из Прибал-

тийских губерний, других коснулась мобилизация. Многие члены ЦК СДЛК были арестованы. Тяжкое положение рабочих сильно усугубило свертывание производства, вызванное военным положением, снижение заработной платы и быстрый рост прожиточного минимума. Часть трудящихся, в особенности сельское население, поверила, что война справедлива и обращена против немецких баронов. Активную антивоенную пропаганду большевиков Латвии буржуазная пресса разъясняла как враждебное действие немецкой агентуры.

Для воздействия на широкие народные массы, воспитания рядовых рабочих, оказания помощи тем членам партии и активистам, которые в первые месяцы войны потеряли связь с партией, нужно было использовать все возможности легальной работы. Одним из видов легальной работы социал-демократов Латвии было использование легальных изданий, возможности которых в военное время значительно сузились (подвергались предварительной цензуре), однако которые еще сохранились.

Более значительных изданий, в которых партия в октябре—ноябре 1914 года пыталась легально высказать свое отношение к вопросам мировой империалистической войны, было три: легальный профсоюзный журнал «Яунайс Ародниекс», календарь «Мусу календарс 1915 гадам» и вышеупомянутая книга Я. Данишевского, которую цензор подписал 20 октября 1914 г. Цензура навязала этому труду не только эзоповский язык, но и своеобразную форму. Излагая материал о войне 1812 года в Латвии и сопоставляя ее с войной 1914 года, автору было легче выразить свои взгляды в оценке того или другого вопроса. Само название работы с присущим ей чуть шовинистическим оттенком должно было, очевидно, послужить затуманиванию цензуры. Все это нас заставляет бережно подходить к оценке той или иной мысли автора.

Сам Я. Данишевский, отвечая на упреки С. Олова (Фр. Мендера) в журнале «Яунайс Ародниекс» (номер 41 от 14 марта 1915 г.) 26 апреля 1915 г., пишет в газете «Яунайс Вардс»: «Это верно, что высказанные в «Прусских юнкерах...» мысли можно понять превратно, так как «условия» позволяли мне выделить лишь одних творцов большого зла и выразить от имени всей демократии пожелание, чтобы они не заполучили еще большей власти. То же и еще больше я хотел сказать о других; однако высказать это было нельзя, приходилось частично умалчивать и частично говорить неопределенными словами и предложениями»¹. В этой же статье автор

¹ «Jaunais Vārds», 1915. g. 14. V — Nr. 107.

далее указывает: «Неприятно, что «Прусские юнкера...» ввели в заблуждение также отдельных моих ближайших единомышленников».

Не ставя себе задачей задерживаться в этой статье на оценке Я. Данишевским событий 1812 года, которая также заслуживает серьезного внимания, хочу остановиться на изложенных в работе взглядах о вспыхнувшей в 1914 году мировой империалистической войне и связанной с этими вопросами положении Латвии и России.

Уже в вводной части своей работы¹ автор указывает на огромную разницу между обеими войнами. В наполеоновских войнах «новая Франция пыталась образовать Европу по своему лику», «наполеоновские войны ввели эпоху царства капитализма», теперь же «войны гласят миру, что дальнейшее существование его (капитализма)² в виде империализма угрожает благосостоянию всего человечества. Современная война побуждает думать о начале ее конца, о новых видах быта, чтобы не повторялись больше подобные ужасы, чтобы кончилось враждование народов...»

За первым разделом «Канун 1812 года», где автор пытается дать анализ экономическим предпосылкам войны 1812 года, а также военным событиям начального периода, следует второй раздел, посвященный экономическим предпосылкам войны 1914 года, ходу ее подготовки, развязке и обзору первых событий. Этот раздел является самым ценным для исследования позиции автора, здесь лучше всего проявляются его взгляды о характере и причинах мировой империалистической войны.

Я. Данишевский подчеркивает, что в этой войне великие державы воюют, чтобы уменьшить влияние германского финансового капитала на колонии и малоразвитые страны³. Изменилась военная техника, армии выросли до миллионной численности.

Рассматривая начало войны, автор подчеркивает, что выдвинутые правительства формальные причины войны «есть — защита идей справедливости и дружбы». Я. Данишевский саркастически отмечает, что, если официальные историки усматривают и усмотрят причиной войны убийство наследного принца Австрии, то «чуть более разумные либеральные историки заполняют страницы книг сказаниями о несправедливостях, варварстве и милитаризме немцев и попы-

¹ J. Daniševskis. «Prūšu junkuri Latvijā 1812.—1914. gadā», Rīgā, 1914. g.

² Примечание мое. О. Н.

³ «Prūšu junkuri Latvijā...», стр. 18.

гаются внушить, что весь цивилизованный мир совместно с черными и цветными обитателями их колоний напал на Германию, чтобы сломить ее варварство и освободить человечество от ига ее милитаризма¹. Такое разъяснение удовлетворит гимназистов, породит в них «злость на люютю Германию»² и скроет истинные причины войны.

Эти строки несомненно обращены против потоков шовинистических призывов в буржуазной прессе, против тех многих журналов и газет, которые осенью 1914 года наводнили свои страницы обзорами о творимых немцами ужасах, старались вселить в народы зоологическую враждебность против немцев.

Автор дальше указывает, что милитаризм был присущ не только Германии, что это закономерное явление «всюду, где развитие общества достигло известной стадии; это больше всего присуще Европе, ибо здесь отдельные государства во взаимном состязании достигли наивысшей ступени и нет условий, которые ослабили бы взаимные трения»³.

Таким образом автор дает понять читателю, что все империалистические государства Европы готовились к войне, указывая однако дальше, что в подготовке этой войны Германия зашла дальше всех и поэтому ей начать войну «стало неизбежным»⁴.

В неизбежности войны, по взглядам автора, нельзя винить ее творца — «милитаризм», а повинна в этом современная хозяйственная политика, от которой современное общество не может отказаться»⁵.

Австро-сербский конфликт послужил лишь поводом для развязки продолжительно и тщательно подготавливаемой войны.

Продолжительный ход подготовки войны автор показывает шире. Он указывает на рост военных расходов за последние десять лет в Японии, Германии, России, Франции, Австро-Венгрии и Англии, отмечает повышение военных налогов в Германии, рост вооруженных сил Франции, Германии, России и др., усиление вооружения и шпионажа еще задолго до войны. Я. Данишевский указывает на усугубление военной опасности во время Боснийского кризиса и особенно во время Балканского кризиса.

Автор подчеркивает, что экспансионные тенденции австрийской буржуазии на Балканах в борьбе за рынки с Анг-

¹ «Prūšu junkuri Latvijā . . .», стр. 19.

² Там же.

³ «Prūšu junkuri Latvijā . . .»

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 20.

лий и Россией уперлись в Сербию, буржуазия которой пыталась объединить в одно государство всех сербов и в этих стараниях наткнулась на сопротивление Австро-Венгрии.

Российская буржуазия «должна стать хозяином положения на Балканах, если она желает продолжать ту же хозяйственную политику, усилить внимание внешнему и внутреннему рынку»¹. Далее автор указывает, что буржуазия России «при теперешней хозяйственной политике»² ведет борьбу за проливы Босфора и Дарданелы и за влияние на государства, расположенные у побережья этих проливов. Взаимная борьба буржуазии этих государств и в особенности вторая Балканская война уменьшила влияние России на Балканах. Империалисты и землевладельцы Австро-Венгрии поторапливали свое правительство напасть на Сербию...», чтобы окончательно свести на нет влияние России на Балканах»³.

Автор подчеркивает, что с выходом России из Сербии влияние ее на Балканах будет окончательно разгромлено, «однако Балканы нынешним вожакам политики нужны»⁴.

Из вышесказанного ясно видно, что думал автор и кого подразумевает под вожаками нынешней политики — это буржуазия и дворянство России: «промышленники и купечество, землевладельцы и поставщики зерна»⁵ во имя которых Россия защищает Сербию и вступает в кровопролитную войну. Так откровенно выражаться в условиях цензуры было нельзя, однако и в такой форме это должен был понять искушенный читатель, которому знаком эзоповский язык рабочей прессы в условиях царизма. Говоря о воздействии на массы в России в начале войны, автор дальше пишет: «Верхушка русского общества увлекла за собой (по меньшей мере на время) широкие круги. Слышны были лишь редкие диссонансы; об этом во второй половине июля и в середине августа извещали газеты в мелкой хронике и обычно в извращенном виде. Широкие круги придут к разуму лишь под действием мощного влияния ужасных событий»⁶.

Здесь автор, напоминая антивоенные митинги и демонстрации в начале войны, выражает уверенность, что и широкие массы под действием событий воспрянут от шовинистического угара первых дней войны и пойдут этим же путем в бой про-

---

¹ «Prūšu junkuri Latvijā . . .» стр. 22.

² Там же.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 22.

⁶ Там же, стр. 23.

тив войны, против начатой в интересах правящих империалистических кругов бойни народов.

Дальше Я. Данишевский рассматривает действия германского империализма, подчеркивает скрещивание интересов германского и российского империализма, напоминая недовольство буржуазных кругов России, вызванное навязанным им германо-русским торговым договором 1904 года¹. Он указывает, что интересы германо-австрийских и российских империалистов столкнулись на Балканах и в Малой Азии.

По мнению автора, развязку войны ускорили также некоторые «второстепенные обстоятельства»: «В Германии — равномерный рост влияния социал-демократии и недовольство народа большими налогами»², в Австрии — «национальный вопрос, грозивший расчленению соштанного Габсбургом государства»³. «Нужно было утопить в крови недовольство»⁴. Внутреннее положение России автор в условиях цензуры не упоминает, однако в конце строки после разбора вышеупомянутых германских и австрийских «второстепенных обстоятельств» он пишет: «Так некоторые условия — хозяйственные, политические и чисто персональные — ускорили приближение катастрофы, особенно в упомянутых трех государствах»⁵.

Текст строки ясно указывает, что третьим государством является Россия, к которой, несомненно, относятся все вышеупомянутые второстепенные обстоятельства: рост влияния социал-демократов, недовольство народов большими налогами и неразрешенный национальный вопрос. Все это правительство пыталось утопить в крови войной. Более менее опытные деятели рабочего движения хорошо понимали смысл недописанного в условиях цензуры содержания этой строки.

Дальше автор указывает, что самым спешным порядком и систематически готовилось к войне правительство Германии, приостановить подготовку которой не смогли проходящие здесь антивоенные демонстрации.

Характеризуя причины, побуждающие Англию вступить в войну, Я. Данишевский справедливо подчеркивает, что она, также как и Франция и Япония, «выжидает лишь подходящий момент и повод, чтобы войной попытаться приостановить рост хозяйственной и политической мощи буржуазии Германии»⁶. Тут автор дает довольно конкретную и острую характеристику взаимным разногласиям империалистических

¹ «Prūšu junkuri Latvijā...», стр. 24.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 24.

⁶ Там же, стр. 25.

государств: «В современном обществе хозяйствование отдельных государств согласовать невозможно, они взаимно враждебны, ибо они не имеют общей цели. Буржуазия одного государства рвется нажить за счет другою и завидует годам другою. Во взаимном состязании они мешают развитию человечества (подчеркнуто Я. Д.), приумножению благополучия человечества»¹. Разногласия Англии и Германии обострялись главным образом из-за морей и колоний; Франция стремилась вернуть ранее утраченное, сохранить приобретенное. Оба государства воспользовались, указывает автор, грубым нарушением нейтралитета Бельгии и Люксембурга и выступили в роли «защитников» малых стран. «Выступления правительства Англии внешне походили на действия правительства России: как одна, так и другая выступали защитниками униженных и оскорбленных малых государств»².

Рассматривая вступление Японии в войну против Германии, Я. Данишевский отмечает ее грубо обнаженный империалистический характер — ее стремление усилить свое господство в водах и побережье Китая³.

Дальше автор делает попытку охарактеризовать позицию пролетариата в войне. Он указывает на буржуазное воздействие и подчеркивает, что «голос» пролетарского интернационализма «... замолк в самый серьезный момент и его официальный представитель Вандервелде поступил в министерство Бельгии. Пролетариат каждого государства стал обособленным и действовал независимо от интернационализма...»⁴.

Автор подчеркивает, что рабочие России и Латвии не желали войны. «Однако приказам мобилизации они следовали без сопротивлений»⁵. Признавая это оценкой общей обстановки, к такой характеристике можно бы присоединиться. Труднее мириться и оценивать как последовательно большевистское указание автора о дальнейшем ходе войны. Я. Данишевский пишет: «Кровавый круговорот стал неотвратимым. Он начался; это и следует рассматривать как случившийся факт. Наивно теперь сетовать. Нелепо рассуждать о пассивности. Следует внимательно наблюдать события. Им не будет конца на поле брани. Это нужно учесть. Мощь прусского милитаризма и юнкерства нужно сломить. Она не должна победить. Вот лозунг демократии, и в этом нас будет приветство-

¹ «Prūšu junkuri Latvijā...», стр. 25.

² Там же, стр. 26.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

вать также настоящая демократия Германии и Австрии»¹.

Трудно в этом указании усмотреть что-либо другое, как призыв во имя демократии разгромить милитаризм Пруссии, уничтожить его мощь. Однако такой призыв в данное время, месте и среде был призывом идти и воевать против немецких и австрийских солдат. Такой наказ Я. Данишевского намного ближе Плеханову и оборонцу СДЛК Градису, чем Ленину, который в статье «Задачи революционной социал-демократии в Европейской войне» 24-го августа 1914 г. писал: «Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть: во-первых, всесторонняя распространяющаяся и на войско, и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран»².

Правда, Я. Данишевскому, очевидно, нужно было считаться с шовинистическими обвинениями в пронемецкой пропаганде и в прямом служении интересам Германии. Частично оправдывает автора дальнейшее, правда, довольно неясное и туманное предписание: «Однако и свои ближайшие окрестности мы не должны забывать. Если это забудем, то утрачим столько же, сколько приобретем от разгрома прусского насилия. Мы должны помнить черную окраску и хозяйственной, и общественной, и правовой, и народно-культурной политики и должны знать, что эту окраску солнечные лучи не рассеят»³. Вкратце охарактеризовав ужасы войны, автор указывает: «Восхищениям нет места. Молчаливо и угрюмо на смерть идут миллионы, неся пагубные лишения себе и другим»⁴. Указав, что к войне готовятся все новые и новые государства, Я. Данишевский говорит: «Человечество должно позаботиться о том, чтобы эти ужасы и дикости были последними...»⁵.

Зная последовательность позиции автора в вопросах войны в последнее время, нужно учитывать, что в данных условиях цензуры он лишь в общих чертах и еле заметных набросках мог выдвигать революционные ленинские требования. Слабые зарисовки требований могли легко проскользнуть мимо, быть недопонятыми или понятыми превратно и поэтому справедливо вызвали в дальнейшем упреки, которым

¹ «Prūšu junkuri Latvijā...», стр. 26—27.

² В. И. Ленин. Сочинения, том 21, стр. 4, изд. 4-ое.

³ «Prūšu junkuri Latvijā...», стр. 27.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 28.

как ответ последовала вышеупомянутая статья в газете «Яунайс Вардс».

Дальше Я. Данишевский излагает газетные известия о произведенных немецкими военными кораблями многократных обстрелах Курземского побережья в августе и сентябре 1914 г.

Третий раздел посвящен разбору действий прусского войска в Латвии в 1812 году. В четвертом разделе рассматривается организованное прусско-французами в Курземе правление и ее распоряжения. В пятом разделе автор рассматривает мирные переговоры и роль Гарлиба Меркеля, а в шестой — воздействие войны 1812 года на хозяйственную и политическую жизнь Латвии. В конце шестого раздела Я. Данишевский коснулся также воздействия войны 1914 года на хозяйственную жизнь, указывая, что не взирая на исход войны последующая ей разруха хозяйственной жизни будет огромна. Автор отмечает, «что внешняя торговля вовсе приостановлена, а внутренняя спала до последней ступени. В связи с этим тысячи людей уже остались без работы и им грозят печальные дни»¹. Далее подчеркнуто, что с продолжением войны в 1915 году спад торговли и недостаток рабочей силы тяжело ощутит также крестьянство, которое до сих пор это испытывало меньше.

Бедствия войны, указывает Я. Данишевский, особенно ощущают промышленность и промышленные рабочие. Деревообрабатывающая и химическая промышленность полностью прекратила работу, другие держатся на военных заказах, однако безработица коснулась всех отраслей промышленности. Последствия войны промышленность будет ощущать еще продолжительное время после войны. Под воздействием тяжелых условий жизни уменьшается рождаемость, распространяется заболеваемость, увеличивается смертность. «Война колеблет хозяйственные, культурные и бытовые устои»², отмечает автор в заключении упомянутого раздела.

Седьмой раздел озаглавлен: «Симпатии и стремления общественных групп Латвии в 1812 и 1914 годах». Автор широко освещает позиции различных общественных групп во время войны 1812 года, подчеркивая благоприятные позиции прусского дворянства и широко подтверждая это фактическим материалом. Несколько страниц посвящается также позициям общественных групп в вопросах войны 1914 года. Позициям рабочего класса отведена одна строка: «Низшие слои общественности Латвии молча идут навстречу немецкой

¹ «Prūšu junkuri Latvijā...», стр. 93.

² Там же, стр. 94.

армии. У рабочих нет ни малейшей причины желать победы Пруссии. Рабочие сознают ужасы войны и желают, чтобы войны не было и чтобы она не повторилась. Положение рабочего класса теперь бесконечно трагично...»¹.

За исключением последнего, очень неясного и, очевидно, демонстративно не законченного предложения, остальное написано с учетом цензуры. Первое предложение частично идет вразрез с указанием на стр. 23 о сопротивлении мобилизации в июле и начале августа 1914 года.

Позицию буржуазии автор характеризует как «ура» патристическую, поясняя это и хозяйственными связями, и надеждами латышской буржуазии занять место немецкой буржуазии. Я. Данишевский саркастически подмечает, что хотя патристические призывы ограничиваются словами, однако на деле чувствуется стремление избежать военной мобилизации.

Благосклонные действия немецкого дворянства автор характеризует многими примерами шпионажа, уклонения от сдачи лошадей в армию и подстрекательства против России. В то же время автор указывает, что шовинисты в своих статьях преувеличивают эти страхи.

Оценкой позиции дворянства и заканчивается работа Я. Данишевского, оставляя таким образом впечатление, что эта работа обращена против немецких баронов; таких книг в данное время на латышском языке выходило много.

Работа Я. Данишевского имела серьезное положительное значение для уяснения характера империалистической войны широким массам трудящихся, особенно активистам рабочего движения. Это замечательно характеризует социал-демократию (большевиков) Латышского Края в их быстром и умелом уяснении актуальных вопросов, используя все сохранившиеся легальные возможности. Книга показывает автора как зрелого журналиста-публициста, сумевшего самостоятельно проанализировать новую ситуацию. В то же время из-за притеснений цензуры допущенные в книге отступления и очень туманные суждения вызвали серьезные недоразумения, внесли неясность в понимание позиции автора в самом важном вопросе — «его отношение к войне».

---

¹ «Prūšu junkuri Latvijā...», стр. 117 (многоточие Я. Д.).

О. НИЕДРЕ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ЛАТЫШСКОГО КРАЯ В ИЗДАНИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МЕЛКО-БУРЖУАЗНОЙ ПРЕССЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1916 гг.)

Возможности СДЛК действовать в легальных изданиях в годы первой мировой войны постепенно суживались.

После издания в апреле 1915 года одного номера легального журнала СДЛК «Дарбс» издавать свой легальный журнал или газету социал-демократии Латышского Края больше не представлялось возможным.

После эвакуации Риги резко снизился тираж нелегального журнала «Биедрс». Уменьшился также тираж нелегальных листовок. Снижение тиража нелегальных изданий (особенности изданий на латышском языке) объясняется не только усилением полицейского террора, а главным образом выездом рабочих вместе с эвакуированными предприятиями. Хотя ЦК СДЛК и установил некоторые связи с рабочими, выехавшими в другие крупнейшие промышленные центры России, и частично снабжал здесь группы латышских социал-демократов нелегальной литературой на латышском языке, все же ее доставка была связана с большим риском и доставляемая нелегальная литература не охватывала широкие массы.

Воздействие проводимой пропагандистской работы среди латышских рабочих местными партийными организациями сильно умалало то обстоятельство, что часть латышских рабочих не владела или владела слабо русским языком.

Положение усугубило и то, что во второй половине 1915 года и в 1916 году развернулась широкая кампания «патриотической» пропаганды. К этой «патриотической» шумихе пристегивались и достигнутые в первых боях локальные успехи латышских стрелковых батальонов, и громыли там-тамы «патриотизма» вокруг освобождения Курземе от немецких оккупантов.

Разные группы латышской буржуазии и мелкой буржуа-

зии трибуной своей пропаганды использовали как прежние издания прессы, так и новые, издаваемые в Москве («Дзимтенес Атбалсс»), в Петрограде («Балтия»). Издания прессы старались подладиться под аудиторию латышских беженцев, широко описывая их общественную жизнь и организации. Позиции латышской буржуазии и большей части мелкой буржуазии имели ту или иную националистическую окраску. В крайне правом крыле националистов стоял Мелнайс Фриц со своей газетой «Ригас Авизе», а в левом — латышские ликвидаторы и оборонцы во главе с К. Грасисом, которые находили своим произведениям особо привольное место в газетах «Яуна Диенас Лапа» и «Дзимтенес Атбалсс». Под крылышком царской жандармерии¹ латышские ликвидаторы и оборонцы на страницах легальной прессы развернули кипучую деятельность по корректуре Маркса и обругиванию большевиков. Для этого особенно пригодной была газета «Дзимтенес Атбалсс», где рядом с Я. Банкавом (редактор) активно действовали Я. Акуратерс, К. Грасис и Атис Кенинш.

Во второй половине 1915 года и 1916 года социал-демократия Латышского Края неоднократно обсуждала вопрос об издании легальной латышской марксистской газеты. Однако по вышеупомянутым причинам этот замысел реализовать не удалось.

Активный работник СДЛК этого периода Я. Хейлс в своих воспоминаниях отмечает: «Был поставлен вопрос об издании в Петербурге газеты латышских рабочих. Однако из-за отсутствия денежных средств реализовать этот замысел было нельзя. Тогда была попытка воздействовать — и не без успеха — на латышские газеты того времени «Яунайс Вардс» и «Яуна Петербургас Авизе»², которые согласились помещать такие статьи, которые привлекли бы внимание рабочего класса и давали бы правильные ответы на актуальные вопросы дня. Газеты свое обещание частично выполнили»³.

Ежедневная газета «Яудайс Вардс» вышла 2-го января 1915 года в издании Ансиса Гулбис и «Дзирциемниекс».

---

¹ ЦГИА ЛССР, фонд 4569, опись 7, дело 141, стр. 67.

² Правильное название упомянутой газеты было «Яунас Петерпилс Авизес».

³ Я. Хейлс — Культурно-просветительная работа в Ленинградской области. Помещены в сборнике «Десять лет» (Десять гады). Латыши Северо-западной области в Октябрьской революции. Издание Латсекции отдела национальных меньшинств бюро ЦК Северо-Западной области. Ленинград, 1927 г.

Газета образовалась из более прогрессивно настроенной мелко-буржуазной группы интеллигенции, которая вышла из газеты «Яуна Диенас Лапа», принявшей в начале войны резко шовинистический и «ура» патриотический политический уклон. Газета «Яунайс Вардс» отличалась от «Яуна Диенас Лапа» своей более умеренной поддержкой войны. С начала выхода в свет она ориентировалась на читателей левого уклона, в том числе на рабочие массы. Начиная с первых же номеров в газете помещалась обширная информация о деятельности профсоюзов и больничных касс, случаях распространения социал-демократических прокламаций, арестах и судилищах над революционерами, революционных демонстрациях, а также о бедственном положении рабочих. Особо острыми были отдельные корреспонденции с мест.

«Яунас Петерпилс Авизес» выходила в Петрограде с 3-го октября 1915 года по 8-ое апреля 1916 года. Газета выходила два раза в неделю. Ее издателем был Ансис Гулбис, а редактором подписывался А. Бауманис. Взгляды редакции с характере газеты были сформулированы 27-го октября 1915 года в номере 7: ««Яунас Петерпилс Авизес» задумана не для буржуазного гражданства, а также специально для рабочих. И мы за то, чтобы рабочую газету создали и руководили сами рабочие. Однако мы предполагаем, что «Яунас Петерпилс Авизес» может читать каждый демократический гражданин государства, в том числе и рабочий: против интересов рабочих мы не выступали и выступать не будем. «Яунас Петерпилс Авизес» не желает также быть чьим либо партийным органом, в особенности теперь, когда все активные силы страны нужно объединить для одной главной цели — борьбы с внешним врагом и когда перед латышской газетой стоит еще вторая главная задача: объединить и удерживать вместе разбросанный латышский народ».

Как видно из сказанного, редакция газеты заняла определенную оборонческую точку зрения, что отражается и в содержании газеты. Все же оборончество газеты «Яунас Петерпилс Авизес» проявлялось главным образом в информационных сообщениях и перепечатанных материалах. В газете, как это увидим, к слову пришли также большевики, и реакционная газета «Дзимтенес Атбалс» по поводу выхода последнего номера «Яунас Петерпилс Авизес» желчно писала: «Яунас Петерпилс Авизес» своим 29 номером прекратила существование. Ее издатель А. Гулбис руководство газетой передал в невежественные руки. В газете, наряду со статьями серьезного характера, именем прогресса и демократии культивировалось мальчишеское баламутство и пошлое ругатель-

ство. Часто писаки газеты без малейшего стеснения топтались по нивам латышского литературного наследия»¹.

Не невежеством было то, что возмущало «Дзимтенес Атбалсс». Зло кроется в другом. На страницах «Яунас Петерпилс Авизес» появился целый ряд статей, обращенных против Московского бюро Культуры и проводимых им вечеров интеллигенции, статей, которые обножили истинное лицо борцов «общенародного дела» и сдернули маску с интриг бюро Культуры против прогрессивных Московских обществ, работающих под влиянием латышских социал-демократов.

«Яунайс Вардс» и «Яунас Петерпилс Авизес» социал-демократы использовали для помещения в них отдельных сообщений и разъяснений, информации о работе легальных обществ и отдельных статей, в которых защищали и излагали точку зрения марксизма, полемизируя с буржуазными националистами и ликвидаторами.

Поскольку в обеих газетах имеются значительные цензурные помарки, которые часто косались целых статей, нельзя утверждать, что участие социал-демократов в этих газетах ограничивали лишь буржуазные демократы, находящиеся во главе редакции газет.

После закрытия «Яунайс Ародниекс» и «Дарбс» социал-демократы с мая 1915 года начали использовать «Яунайс Вардс» для публикации своих сообщений и разъяснений. Первое такое сообщение помещено в номере (№ 107) от 14 мая 1915 г. Это письмо Я. Данишевского редакции. В связи с книгой Я. Данишевского «Прусские юнкера в Латвии...», вышедшей в октябре 1914 года, С. Оловс (Фр. Мендерс) в мартовском номере «Яунайс Ародниекс» за 1915 г. приравнял взгляды Я. Данишевского взглядам Плеханова, К. Грасиса и др. оборонцев. В своем ответном письме Я. Данишевский писал: «Это верно, что выраженные в «Прусских юнкерах...» мысли могут быть поняты превратно, так как «условия» позволяли мне выделить лишь одних творцов² большого зла и выразить от имени всей демократии пожелание, чтобы они не заполучили еще большей власти. То же и еще больше я хотел сказать о других³; однако высказать это было нельзя, приходилось частично умалчивать и частично говорить неопределенными словами и предложениями. Это вызвало недоразумения. Однако мои взгляды на вопросы войны ясно видны в статьях журнала «Яунайс Ародниекс», обращенных против К. Грасиса и компании, в «Мусу кален-

¹ «Dzimtenes Atbalss», 1916. g. 13. IV, № 28.

² Подразумеваются германские империалисты.

³ Имеются ввиду империалисты России и их союзники.

дарс», а также в дневной газете латышских рабочих. Эти взгляды совсем иные, чем взгляды Плеханова и никак не могут быть приравнены взглядам К. Грасиса и компании в вопросах войны».

Упомянутое открытое письмо имело большое значение, так как оно точно определило взгляды Я. Данишевского, не дало возможность оборонцам причислить к своему лагерю известного большевика, сосланного на поселение в Томскую губернию, еще раз указало читателям газеты на те легальные издания, в которых были опубликованы его статьи по вопросам империалистической войны.

Начиная с мая 1915 года цензура запретила помещать в газете сообщения о распространении прокламаций и вывешивания революционных знамен, о чем до этого широко оповещалось. Новой рубрикой оказались статьи о ссыльных социал-демократах, об их условиях жизни в разных местах ссылки. С мая 1915 года СДЛК использовала в возможных границах «Яунайс Вардс» для огласки нужной информации.

Журналы «Мусу календарс» и «Яунайс Ародниекс» с последних месяцев 1914 года на протяжении продолжительного времени призывали рабочих присылать материалы для сборника статей рабочих, издание которого намечалось на 1915 год. 23-го июня организаторы издания сборника поместили в газете «Яунайс Вардс» сообщение, что получено несколько сот писем рабочих, однако сборник статей в ближайшее время не будет издан: «Большая часть присланных для сборника манускриптов попало не в наши руки, и мы не знаем, когда получим их обратно»¹. Эти строки значили, что часть манускриптов попало в руки полиции и царская администрация приостановила подготовку сборника к печати. Такое оповещение в легальной дневной газете было необходимо, так как не у всех приславших материалы была настолько хорошо налажена связь с издателями, чтобы знать истинный ход дела.

В октябре 1915 года в газете началась широкая дискуссия Ф. Шульца и Ф. Шиллера с Я. Банкавым в связи с началом выхода в Москве под редакцией Я. Банкава газеты «Дзимтенес Атбалс». Ф. Шульц подчеркнул, что «Заслуга местной черной гвардии, неотъемлемым членом которой был Я. Банкав, заключалась в том, что в январе я и мой товарищ Ф. Шиллер были арестованы и в июне этапом сосланы в Сибирские дремучие леса и что издание возглавляемой нами

---

¹ «Jaunais Vārds», 1915. g. 23. VI, Nr. 141.

газеты «Яуна Авизе»¹ — на время приостановилось². В со-
слании Ф. Шульца и Ф. Шиллера большую роль и впрямь
сыграла широкая денунциация Вентспилсской буржуазии,
под которой стоит подпись и Я. Банкава³. Газета «Яунас Пе-
терпилс Авизес» в связи с этой дискуссией стала полностью
на стороне Ф. Шиллера и Ф. Шульца, о чем официально сооб-
щила⁴.

В номере от 10 ноября 1915 года в газете было помещено
сообщение управляющего легальным издательством СДЛК
«Изглитиба» К. Петерсона. Он извещал, что в связи с воен-
ным положением журнал «Мусу календарс», изданный СДЛК
на 1915 год, в 1916 году издаваться не будет.

Газета «Яунайс Вардс» поместила поток поздравлений от
различных организаций и лиц Янису Райнису по случаю пя-
тидесятилетия со дня рождения. Среди других поздравлений
было и поздравление активного работника СДЛК К. Петер-
сона от имени издательства «Изглитиба»: «Когда ликуют
пушки и ручьями течет братская кровь, — желания звучат
подобно насмешке. Не звучные слова, а животворитель-
ный труд пусть будет нашим поздравлением»⁵.

Когда в октябре 1915 г. начало свою деятельность Петроградское Латышское Просветительное общество «Культура», газеты «Яунайс Вардс» и «Яунас Петерпилс Авизес» на своих страницах широко отображали ее работу. Обзорения о собраниях и заседаниях правления общества в основном писал Даумант. Сравнивая обе газеты, нужно отметить, что общество «Культура», которое спланировало вокруг себя латышских марксистов Петрограда, имело большое влияние также на газету «Яунас Петерпилс Авизес», в которой помещалось много значительных и интересных, большевистских по своему содержанию, материалов социал-демократии Латышского Края. Так, 21 октября 1915 года «Яунас Петерпилс Авизес» поместила обзор манифеста Заграничного комитета социал-демократии Латышского Края, обращенный немецким социал-демократам. В обзорении указано, что Заграничный комитет социал-демократии Латышского Края сожалеет о том, что часть социал-демократов Германии поддерживает сообщение правительства Германии о том, «что присоединение Балтики к Германии означает ее освобожде-

¹ «Jaunā Avīze» — издавалась в г. Вентспилсе в 1914 и 1915 гг. Газету возглавляли социал-демократы Ф. Шульц и Ф. Шиллер, однако во время войны ей не удалось поместить революционных материалов.

² «Jaunais Vārds», 1915. g. 20. 10., Nr. 242.

³ ЦГИА ЛССР, фонд 4569, опись 1, дело 945, лист 49.

⁴ «Jaunās Pēterpils Avīzes», 1916. g. 3. II, Nr. 10.

⁵ «Jaunais Vārds», 1915. g. 11. XI, Nr. 261.

ние от русского ига». В газете процитирован текст манифеста: «Латышский народ в Курземе и Видземе и слышать не желает об «освобождении» с помощью немецкого оружия. У латышей нет вражды с немецким народом, однако они опасаются присоединения к Германии потому, что это усилило бы уже пошатнувшееся господство местных юнкеров. Балтика политически и экономически связана с Россией, а латышские рабочие на протяжении десятилетий шли рука об руку со всем рабочим классом России. Только от этой солидарной деятельности в границах России, а не от победы немецкого оружия, латышские рабочие ждут своего освобождения. Присоединение Балтики силой к Германии породило бы в Восточной Европе новый вопрос Элизас-Лотрингии, а это ростки новой мировой войны»¹.

Говоря о поведении социал-демократии Латышского Края, в статье опять цитируется текст манифеста: «Даже тогда, когда немецкие вооруженные силы ворвались в Балтику, когда всю землю разрушила военщина, когда сотни тысяч голодных и оборванных беженцев запрудили дороги, — даже в этот тяжкий час испытаний латышская социал-демократия осталась верной международному знамени. В то время, когда на Балтике гремели пушки и огнем пожарищ пылали города и села, они пытались убедить народ, что немецкие рабочие не могут быть его врагами, что они против своей воли участвуют в этой войне».

В заключении статьи авторы манифеста обращаются к социал-демократам Германии с призывом всеми силами развернуть борьбу за немедленное прекращение войны, «прервать мир с националистическими партиями».

Внимательному читателю косвенно стало ясно, что социал-демократия Латышского Края никогда не была в мире с националистическими партиями, выступала за прекращение войны революционными средствами. Бдительность цензуры притупили, очевидно, грозные упреки в адрес социал-демократии Германии, и поэтому эта статья увидела свет на страницах легальной газеты. Следует отметить, что во всей непартийной прессе это единственная статья, в которой более открыто и полно отражено отношение СДЛК к войне.

В то же время эта статья имеет большое значение в борьбе против националистической пропаганды в буржуазных изданиях, против пропаганды «всенародного дела». Только вместе с рабочим классом России пролетариат Латвии приобретет политическую и экономическую свободу, — такая была позиция социал-демократии Латышского Края,

---

¹ «Jaunās Pēterpils Avīzes», 1915. g. 21. X, Nr. 6.

открыто и ясно понятой всеми читателями газеты «Яунас Петерпилс Авизес».

«Яунас Петерпилс Авизес» помещала множество статей известного общественного деятеля Москвы Паула Дауге. Самыми значительными из них были статьи по вопросам так называемых «покойников» в дискуссии П. Дауге с газетой «Дзимтенес Атбалсс». Началом дискуссии послужило открытое нападение во 2-м номере газеты «Дзимтенес Атбалсс» за 1916 г. на последовательное революционное течение в социал-демократии Латышского Края. Я. Акуратер выступил со статьей «Во имя покойников». В нападках на газеты «Яунайс Вардс» и «Яунас Петерпилс Авизес» автор утверждал, что в них верховодят латышские социал-демократы, которые стали покойниками, застыли в своих догмах: «Возьмем в руки любую из так называемых «демократических» газет и сразу же увидим в ее статьях, что здесь полностью верховодят покойники. Не нужно только волноваться о сказанном. Демократия — слово прекрасное и обозначает многое, однако если она находится под верховодством покойников, то по возможности нужно избегать такой «демократии»¹. Акуратер пытался доказать, что учение Маркса устарело и настоящему периоду не соответствует.

П. Дауге ответил на этот выпад в 7 и 8 номерах газеты «Яунас Петерпилс Авизес» обширной статьей: «Слово о живых и неживых покойниках». Автор защищал латышский марксизм от попыток Я. Акуратера охарактеризовать его как покойника, защищал все учение Маркса. П. Дауге писал: «Осознанный и неосознанный аккорд основ понятия общества Маркса перешло в кровь науки современного общества. В наше время нет больше такой социологии, которая могла бы обойтись без глубокого анализа общественного строя, преподнесенного последними столетиями. Самый ярый противник Маркса, каким бы он ни был **серьезным** знатоком и деятелем общества является несознательным марксистом»².

Противники Маркса для защиты своих интересов не постеснялись пристегнуть имя великого поэта Яниса Райниса. Отмечая пятидесятилетие поэта, компания «Дзимтенес Атбалсс» подчеркнула, что Райнис вышел из социал-демократии Латышского Края. П. Дауге в ответ на это прочитал 18 декабря 1915 года лекцию в Латышском обществе Помощи московским студентам на тему о сборнике стихов Райниса «Начало и конец», исходя из общественных и философских

¹ «Dzimentenes Atbalss», 1916. g. 9. I, Nr. 2.

² «Jaunās Pēterpils Avīzes», 1916. g. 27. I, Nr. 8.

позиций¹. Он стремился изложить социально-политические взгляды Райниса и его отношение к рабочей партии. Текст его доклада был помещен во многих номерах газеты «Яунас Петерпилс Авизес». Дауге подчеркнул, что Райнис 4—5 лет тому назад из-за расхождения во взглядах оторвался от официального сотрудничества в партии. В одном из писем Райниса к Дауге он якобы жаловался на безразличие в работе некоторых социал-демократов к судьбе латышского народа. Докладчик подчеркнул, что, выйдя из партии, выраженной в своих стихах философией Райнис остался вместе с партией на позициях исторического материализма. Уже на этом собрании, сообщает «Яунас Петерпилс Авизес», П. Дауге приходится отражать резкие нападки Грасиса, который категорически утверждает, что если уж Райнис сам всецело не согласен с историческим материализмом, то и его философия и художественные произведения не соответствуют историческому материализму.

В дискуссии о «покойниках» одним из существенных вопросов выдвинулся естественный вопрос: причисляется ли Райнис к «покойникам» или нет. Используя разногласия Райниса с социал-демократией Латышского Края, Акуратер старался доказать принадлежность Райниса к «духовным аристократам» в противоположность «лавочным социалистам» П. Стучке и Я. Янсону-Брауну.

П. Дауге выступил в 12 номере «Яунас Петерпилс Авизес» с ответной статьей: «Еще раз о покойниках». Резкое содержание статьи разнесло в пух и прах позицию Акуратера и его друзей. «Мое ответное послание направлено не только против Акуратера, а против целого течения»², пишет П. Дауге. «Акуратер причислил Райниса к «покойникам», а именно **Райниса такого**, каким он есть, но не такого, каким он **нравился бы** Акуратеру, т. е. **только** поэта и протестанта, восставшего против отдельных извращений своих товарищей. Райнис в общей своей сложности является органической частью того направления, которую Акуратер причисляет дому «Покойников», ибо Райнис является великим поэтом не потому, что он свои политические убеждения пожертвовал в пользу поэзии, а потому, что он **великую идею покойников**, ту самую, которой «Янсон, Упитис и Стучка» служат своими неполноценными силами, **вознес к столцу**. О Райнисе нельзя судить исходя из позиции «духовного аристократизма». Райниса нужно понимать глубже и всесторонне, прежде чем причислять его по некоторым внешним чер-

¹ «Jaunās Pēterpils Avīzes», 1916. g. 2. I, Nr. 1.

² «Jaunās Pēterpils Avīzes», 1916. g. 10. II, Nr. 12.

там к какому-либо новому, «чисто» поэтическому «духовно боярскому» царству, входной билет куда он с благодарностью вернул бы обратно услужливому предлагателю».

Дауге указал на источник аргументов Акуратера: «Свое обвинение против идеологии покойников Акуратер черпает из грязных статей Янкава, в которых он в свое время использовал личные откровенные письма Райниса. Там было опубликовано выражение Райниса — о «лавочном социализме» Янсона и Стучки. Оценивая это выражение Райниса, которое с легкой руки Янкава стало публичным выражением, Дауге указывает: «Райнис для меня близкий, милый человек, однако его высказывание против Стучки и Янсона я считаю большой его ошибкой. Райнис мог поступить опрометчиво, мог чувствовать себя в том или другом отношении оскорбленным и употребить в частных разговорах выражения, от которых при гласности он воздержался бы, — это все, конечно, ясно и понятно, однако я персонально не согласен с Райнисом, хотя его и можно понять, исходя из известных позиций, и в частности потому, что Райнис сам понимает слово «лавочный социализм», как говорят по-русски — по-своему. «Райнис вообще не согласен с социал-демократизмом в узком понятии, он назвал его **«чисто экономическим»** направлением. У «чистой экономики» — черезчур «лавочный» материальный характер. «Акуратер это выражение Райниса», с возмущением пишет П. Дауге, «понял так, что позволил себе писать, — фразовые и лавочные социалисты Янсон и Стучка использовали для «себя то, что они обещали добыть для всех». П. Дауге подчеркнул, что за подобным утверждением кроется мысль: «Наши латышские теоретики социал-демократии являются просто грязными лавочниками, которых занимают лишь грубые корыстные интересы».

Категорически протестуя против этого, П. Дауге пишет: «...считаю своей обязанностью подчеркнуть, что П. Стучка, с которым жизнь меня связала не только самыми близкими узами дружбы, но и общими самыми глубокими чувствами общественной ответственности, является одним из представителей «духовного аристократизма» в самом прекрасном смысле этого слова. Направление его основных взглядов может Акуратеру нравиться или не нравиться, однако он мог бы знать, что настолько **бескорыстных**, настолько убежденных, настолько гармоничных личностей, у которых **идея и жизнь** есть одно целое, как у П. Стучки, среди наших общественных деятелей мало... «О человеческом социализме» П. Стучки могу сказать, что Стучка сделал очень незавидную «ставку», десятилетиями обрекая себя на лишения ради

своей идеи. И свою идею он несет просто ради убеждения, ради простой солидарности, ради чувств обязанности, без грохота, без шумных этикет».

Этой статьей П. Дауге отразил нападки националистических интеллигентов на марксизм вообще и латышских марксистов в частности, нападки, в которых они обвинили марксистов в узко экономических, лавочных целях.

Рассматривая газетные информации о деятельности легальных рабочих обществ, видно, что цензура старается поддержать выгодные для царизма информации. Так в сообщении о закрытом вечере членов просветительного общества «Культура», проведенном 10 января¹, где меньшевик Рудевич прочитал доклад о рабочем съезде, защищая идею его созыва, цензура зачеркнула все высказанные по докладу взгляды и мысли противников. По этой причине информации, если они освещают успехи большевиков, являются сухими, конкретными, без выводов. Сравнивая информации об общем собрании членов Петроградского общества «Культура», созванного 17 января, видно, что «Яунас Петерпилс Авизес» конкретно, без комментариев сообщает о ходе собрания², напротив, газета «Яунайс Вардс» помещает обширную статью, автор которой глубоко возмущается забаллотированием меньшевиков и упрекает участников собрания, что они, дескать, избрали руководство из членов лишь одного течения³.

Из сказанного нельзя судить, что все информации, помещенные в «Яунайс Вардс» о сплочении рабочих в легальные общества на местах были бы написаны в меньшевистском духе. Во многих материалах ярко выражены идеи пролетарского интернационализма. Так в информации из Краматорска сообщается, что здесь 27 XII 1915 г. проведено собрание по вопросу об учреждении латышского общества. Говоря о задачах будущего общества, автор сообщает, что «общество должно быть рабочим обществом, носителем пролетарских идей, не только для латышей, а сеятелем общих семян сознания в местном однообразном житье»⁴.

22 января 1916 г. газета «Яунайс Вардс» даже на первой странице поместила статью без подписи, в которой автор призывает рабочих-беженцев не объединяться в гражданские общества, а создавать свои общества латышских рабочих или латышские секции при русских обществах. «Такие секции

¹ «Jaunās Pēterpils Avizes», 1916. g. 16. I, Nr. 5.

² «Jaunās Pēterpils Avizes», 1916. g. 23. I, Nr. 7.

³ «Jaunais Vārds», 1916. g. 21. I, Nr. 16.

⁴ «Jaunais Vārds», 1916. g. 21. I, Nr. 16.

имели бы большое значение потому, что они направляли бы ход мыслей рабочих по их естественному руслу. Нужно обязательно учесть, что в нынешних условиях латышский рабочий класс является лишь небольшой частицей всего рабочего класса данного города или фабрики, и он ни в коем случае не должен терять связи или обособиться от других национальностей (русских). В среду последних он может внести много нового, ибо в минувшем периоде он не плелся в хвосте. Духовная жизнь в таких секциях будет намного интересней и производительней, чем в латышских обществах, которые, очевидно, вечно будут страдать двойственностью. Противоположные течения здесь будут взаимно сопротивляться и все останется на месте»¹.

Почему все же, несмотря на вышеизложенное, в крупных промышленных центрах латышская социал-демократия стремилась создать свои легальные общества (Москва, Петроград, Харьков, Екатеринбург и др.), в отдельных случаях, к примеру в Харькове, даже вышла из общества русских рабочих Харьковского дома рабочих, где имели свою секцию². Во-первых, проходила борьба между латышскими буржуазными партиями и социал-демократией за влияние на массы беженцев. Латышская буржуазия не без успеха старалась объединить массы беженцев, в том числе также национальные общества рабочих. Партия стремилась отвоевать эти общества у буржуазии. О таком случае, происшедшем в Ярославле на учредительном собрании общества, сообщает газета «Яунас Петерпилс Авизес»: «Заранее можно было предвидеть, что во время голосования произойдет борьба между «Господами комитета» и рабочими-беженцами. Победили рабочие со значительным перевесом голосов... Господа рассердились, а когда увидели, что в совет также избраны в основном рабочие, — покинули по одному зал собрания»³.

Второй и главной причиной было существующее законодательство, которое почти не разрешало проводить публичные доклады, ибо за месяц нужно было представить военной цензуре тезисы докладов, указать кандидатуры докладчиков и лиц, которые примут участие в дебатах, указать помещение, где будет проведена лекция, и предъявить квитанцию об уплате за аренду помещения. «Поэтому рабочим обществам никогда не удавалось провести публичные доклады, ибо обычно или помещение было недостаточно «публичным», или доклад был слишком «левым», или докладчик и другие участники

¹ «Jaunais Vārds», 1916. g. 22. I, Nr. 17.

² «Jaunais Vārds», 1916. g. 30. XI, Nr. 277.

³ «Jaunās Pēterpils Avīzes», 1916. g. 6. II, Nr. 11.

были недостаточно «надежными лицами», а внесенные за помещение деньги каждый раз пропадали»¹.

Закрытые вечера, на которых могли присутствовать лишь члены общества, можно было организовать проще, ибо здесь не нужно было предварительно заявлять докладчика и представлять доклад, однако нужно было считаться с возможным присутствием полиции на вечере. Кроме всего сказанного, нужно отметить, что руководство обществом русских рабочих в Харьковском доме рабочего в этот период находилось в руках меньшевиков, что, конечно, затрудняло легальную работу латышских большевиков в латышской секции этого общества.

Что закрытые вечера предоставляли большие возможности, подтверждает проведенный 28 февраля 1916 года Петроградским обществом «Культура» вечер «День женщин», обзор о котором широко и довольно смело осветила газета «Яунас Петерпилс Авизес»².

В 1916 году обширное место в газете «Яунайс Вардс» отведено дискуссии по вопросу об издании легальной рабочей газеты или журнала. Уже на учредительном собрании Петроградского общества «Культура» 17 октября 1915 года было высказано пожелание создать специальный газетный фонд, «который со временем дал бы возможность самим рабочим издавать свою газету»³. Первая статья по этому вопросу в газете «Яунайс Вардс» — «Новый журнал латышских рабочих» появилась в номере от 31 декабря 1915 года⁴. В статье указано, что «группа латышских рабочих решила издавать в Москве еженедельный журнал «Дарбс» с таким же уклоном и на таких же основах, каким был журнал «Ародниекс», выходящий в свое время в Риге». Дальше указано, что журнал остро нужен, ибо условия труда и быта латышских рабочих в разных городах России не отражаются в остальной прессе, подчеркнуто, что при теперешних обстоятельствах издательство журнала потребует в три раза больше средств, чем в Риге. В заключении статья призывает помочь и поддержать издание журнала.

Указание о том, что журнал будет похож на «Ародниекс», было одновременно указанием, что руководство будет находиться в руках социал-демократов.

Сообщая о годовом собрании Просветительного общества «Культура», «Яунас Петерпилс Авизес» 17 I 1916 г. указывает: «На повестке дня якобы ставился также вопрос об издании рабочей газеты, однако поскольку ее издание реализо-

¹ «Десять лет», стр. 42.

² «Jaunās Pēterpils Avīzes», 1916. g. 29. II, Nr. 49.

³ «Jaunās Pēterpils Avīzes», 1915. g. 17. X, Nr. 5.

⁴ «Jaunais Vārds», 1915. g. 31. XII, Nr. 302.

вать не представляется возможным, решено установить контакты с газетами «Яунайс Вардс» и «Яунас Петерпилс Авизес»¹.

7-го июня в обширной статье «Дело латышской рабочей газеты»² описаны трудности, с которыми должна считаться вновь создаваемая газета. Автор статьи полностью поддерживает идею издания рабочего органа прессы: «Особенно в переживаемый теперь период, когда латышские рабочие разбросаны по всей России, остро нужен путеводитель, который объединил бы трудовой народ, обострил бы их думы». Автор указывает на цензуру, которая в рабочей газете оставит много белых пятен, а также на материальные затруднения. Последнее особо обостряют условия, когда запрещены все рабочие профсоюзы и общества культуры. По подсчетам автора, расходы составят 120 до 130 рублей за номер. В заключении статьи подчеркнуты возможности преодоления этих затруднений тесным и сплоченным трудом.

27-го июня со статьей об учреждении газеты выступает группа ссыльных (Атрибут, О. Эйуп, М. Банкав, Я. Мекис, С. Спок, А. Бит). Авторы заняли меньшевистские позиции, призывая пересылать пожертвования меньшевистской фракции Государственной Думы и заручаться поддержкой этой фракции в издании газеты. Группа просит также издавать теоретический журнал для рассмотрения интересующих рабочий класс вопросов, предлагая для этого использовать журнал «Тауретаяс»³.

В 153 номере от 7-го июля идею издания рабочего журнала тепло приветствует корреспондент из Валки.

29-го июля газета «Яунайс Вардс» поместила пояснение коллектива московских рабочих по вопросу об издании газеты латышских рабочих⁴. Это выступление с некоторыми возражениями можно оценивать как официальную позицию латышских социал-демократов Москвы. В статье осуждается упомянутая идея Атрибута и товарищей об образовании фонда для издания латышской рабочей газеты при меньшевистской фракции Государственной Думы, указывается, что «мы не находим нужным вступать в какую-либо сделку и этого вовсе не требует сама обстановка...» Полностью присоединяясь и поддерживая в принципе идею издания рабочей газеты, автор подчеркивает свои сомнения, «...будет ли возможным в настоящей обстановке ввиду известных причин...»

¹ «Jaunās Pēterpils Avīzes», 1916. g. 23. I, Nr. 7.

² «Jaunais Vārds», 1916. g. 7. VI, Nr. 128.

³ «Jaunais Vārds», 1916. g. 29. VII, Nr. 172.

⁴ «Jaunais Vārds», 1916. g. 29. VII, Nr. 172.

Нельзя забывать, что в данном случае не важно само название, а важно содержание, — те мысли, которые газета будет гласить... Если она эту задачу не сможет решить хотя и в меньшей степени, то нужно подыскать другие, более свободные пути... Поэтому нам кажется, что, если вопрос рабочей газеты до сих пор не решен, то главным образом в этом повинен лишь настоящий чрезвычайный реакционный период...» Несмотря на эзопский язык, в статье дан ясный вывод, а именно: в настоящей обстановке царской цензуры и политических притеснений, издание легального рабочего журнала дело очень сомнительное. Нажим реакции заставляет латышских марксистов изыскивать другие пути, и такими путями является единственно издание и распространение нелегальной прессы.

16-го августа в газете «Яунайс Вардс» появилось сообщение¹, что вопрос издания латышской рабочей газеты решен и латышские рабочие Москвы (очевидно часть латышских социал-демократов) «совместно с местной демократией... будет издавать газету «Лайка Домас». Каждая из этих групп будет независимой как в смысле помещаемого в газете материала, так и в смысле общего материала». Выход газеты ожидается в ближайшее время, а с 1-го октября регулярно три раза в неделю. Автор призывает рабочих поддержать новое издание.

В этом же номере помещена и другая статья, посвященная проблеме рабочей газеты, в которой выражены взгляды рижских рабочих по этой части. В статье указано, что газета латышских рабочих не может выходить «из-за независящих от них обстоятельств» (подразумеваются царизмом демократической прессы поставленные ограничения). Автор призывает создать фонд для издания газеты и накапливать средства для «лучших времен».

19-го августа в корреспонденции из Ревеля поддерживается идея издания рабочей газеты².

В номере от 30-го августа в газете помещен обзор заседания Совета Московского Латышского общества помощи, в котором помимо других вопросов рассмотрено также дело рабочей газеты и высказаны фактически социал-демократические взгляды по этому вопросу. Организованные рабочие, как сказано в статье, воздержатся от коллективного участия в издании «Лайка Домас», оставляя за отдельными членами право персонально решать вопрос об их участии. «Вышеупомянутое мотивируется тем, что в противном случае газету

¹ «Jaunais Vārds», 1916. g. 16. VIII, Nr. 187.

² «Jaunais Vārds», 1916. g. 30. VIII, Nr. 199.

«Лайка Домас» будут считать настоящей рабочей газетой, существование каковой теперь невозможно»...

В газете «Яунайс Вардс» появились также некоторые меньшевистские статьи (№ 180 — 8 VIII, № 199 — 30 VIII, № 200 — 31 VIII), в которых снова и снова авторы призывают к сбору средств для издания газеты и передаче их меньшевистской фракции Государственной Думы. В Петрограде создается инициативная группа, которая в своих сообщениях резко осуждает принципиальную и определенную позицию латышских большевиков в вопросах издания газеты.

Сильный контрудар этим и другим меньшевистским разглагольствованиям дала газета «Яунайс Вардс» в номере от 31-го августа. В статье указано, что обстановка не изменилась со времени закрытия латышской рабочей газеты. Опыт русской рабочей прессы показал несостоятельность существования рабочей газеты. Резко осудив латышских меньшевиков и примиренцев, которые считают русские меньшевистские газеты рабочими газетами, автор указывает: «пока что русские рабочие своей газеты не имеют. Поэтому нужно ждать, какими будут первые номера русской рабочей газеты»¹. Этим автор призывает дождаться выхода русской марксистской рабочей газеты и уяснить отношение к ней цензуры.

Еще более определенная большевистская позиция по вопросу издания газеты высказана от имени рабочих Латвии в обширной статье в номере от 12-го сентября. Кроме газетного вопроса здесь рассматривались также другие проблемы, связанные с создавшейся ситуацией. Автор указывает, что в настоящей ситуации господствующий класс желает укрепить свое влияние над рабочим классом. Оценивая состояние рабочих организаций, статья указывает: «...рабочие потеряли уже все свои легальные организационные возможности и возможности выражения своей мысли, т. е. своих представителей в Государственной Думе и лучшие свои профессиональные союзы»². Судебные репрессии и усиленная цензура, — свели на нет возможности издания рабочей газеты. В заключении выдвинута конкретная программа дальнейших действий: «Латышские рабочие не сделают такого шага и не будут издавать газету и советуют также уехавшим не делать этого. Таким благодетелям и советчикам, которые не понимают рабочей борьбы, целей и принципов, лучше позаботиться о себе, чтобы не утонуть в болоте беспринципности, а твердо стать за ту или другую цель. Ясно, что сидеть теперь сложа руки непростительно, нужно браться за дело,

¹ «Jaunais Vārds», 1916. g. 31. VIII, Nr. 200.

² «Jaunais Vārds», 1916. g. 12. IX, Nr. 210.

очистить и реорганизовать существующие организации, добиться принципиальной ясности, чтобы в будущих политических и хозяйственных усложнениях могли бы твердо стоять на свои ноги и сказать свое слово, нужно укрепляться в существующих организациях».

Таким же определенным и несомненно большевистским является сообщение¹, подписанное коллективом латышских марксистов Екаторинбурга (ныне Свердловска). В нем подчеркнуто, что газета «должна служить широким массам в таком духе, который отвечал бы интересам всего рабочего класса, тем более в настоящее время». Указав, что нужно решительно выступать против лжезащитников рабочего класса, авторы подчеркивают: «В теперешний реакционный период рабочая газета должна действовать в духе марксизма и необстриженных лозунгов.» «Последовательно марксистские и необстриженные лозунги» на языке легальной прессы было не что иное, как большевистские лозунги.

Авторы статьи отклоняют обращение инициативной группы Москвы и Петрограда мотивировкой, что серьезную работу нельзя «передать в руки мелкой буржуазии, а также неизвестных элементов». В заключение авторы призывают «Петербургский рабочий коллектив» и «Петроградскую марксистскую интеллигенцию» взять на себя работу по организации рабочей газеты.

Большевистская позиция была высказана в газете «Яунайс Вардс» 11-го (по новому стилю 24-го) октября в обширной статье: «Быть или не быть латышской рабочей газете»², которой в сущности и закончилась чуть ли не год длившаяся дискуссия. Автор указывает, что параллельно статьям в газете «Яунайс Вардс» вопрос об издании газеты «оживленно обсуждался за пределами газетных строк — **объединенными, сознательными латышскими рабочими**»³. Под последними, очевидно, подразумеваются нелегальные латышские социал-демократические организации и работающие под их влиянием легальные общества. В широком анализе аргументов обеих сторон автор особое внимание уделяет разоблачению аргументации Атрибута и его единомышленников. Выступая против сравнения обстоятельств настоящего момента с 1914 годом, автор указывает, что «тогда за спиной упомянутых изданий стояли широкие сознательные рабочие массы, которые их поддерживали как духовно, так и материально, и что теперь от прежних изданий остались

¹ «Jaunais Vārds», 1916. g. 23. IX, Nr. 220.

² «Jaunais Vārds», 1916. g. 11. (24.) X, Nr. 235.

³ Подчеркнуто мною. О. Н.

лишь жалкие остатки». Дальше рассказывается о тех больших трудностях, с которыми приходилось сталкиваться и раньше при издании легальной рабочей прессы.

Автор дальше анализирует состояние русской рабочей прессы и указывает, что и русские рабочие могут издавать от случая к случаю лишь отдельные номера.

Очень остро осуждается передача средств меньшевистской фракции Государственной Думы и деятельность инициативной группы Петрограда, вскрывается ее истинно меньшевистский характер, а также ошибка московских товарищей, которые думают принимать серьезное участие в издании латышской демократической газеты. «Сознательные рабочие массы должны помнить, что участие может заключаться лишь в публикации статей по общим вопросам, без разбора вопросов внутренней жизни». Автор подчеркивает значение сплочения рабочих и призывает их объединяться в существующих объединениях рабочего класса. Такой призыв нужно рассматривать как указание спланировать вокруг партии рабочего класса, которая продолжала свою нелегальную работу и в это тяжелое время реакции. Автор предлагает передать собранные для издания газеты средства «соответствующим объединениям латышских рабочих». В заключении статьи подчеркнута: «...настоящая обстановка слишком мрачна, чтобы светом вышесказанной газеты что-либо осветить».

Оценивая значение дискуссии надо сказать, что в обстановке, когда латышские рабочие массы были разбросаны по различным городам России, очень большое значение имел обмен мнениями и позиция большевиков в таком важном вопросе, как издание рабочей газеты на латышском языке. Нельзя было допустить усиления воздействия и влияния меньшевиков, которое несомненно возросло бы, если бы издание газеты осуществилось при поддержке меньшевистской фракции Государственной Думы.

Из других, помещенных в газете «Яунас Петерпилс Авизес» материалов за 1916 год следует отметить антивоенный набросок Т. Драудиня «Виды позиций». В помещенных последних номерах¹ продолжениях чувствуется большая тенденция к вскрытию ужасов войны, что имело известное значение в разоблачении официально-патриотического отражения хода войны.

---

¹ Jaunās Pēterpils Avīzes, 1916. g. 2. III, Nr. 18, 6. IV, Nr. 28, 8. IV, Nr. 29.

Летом и осенью 1916 года особенно остро возобновилась ранее начатая борьба с попытками националистов объединить широкие массы латышских беженцев вокруг защиты лозунгов «всенародной культуры».

Выступить против этого течения было нужно, однако выступить было не так-то просто, ибо не было единомыслия по этому вопросу среди самих латышских большевиков. Левые легальные общества, находящиеся под влиянием латышских социал-демократов Москвы, сами сотрудничали с главной опорой «всенародной культуры» — московским «Бюро Культуры»¹, посылая к ним своих представителей, в том числе и П. Дауге.

Более обширную статью «о деле фонда журналистов и художников» в виде открытого письма первым написал Я. Данишевский в мае 1916 г.² Автор протестовал против распределения комиссией Бюро Культуры разового пособия беженцам-журналистам, литераторам и художникам. Он указал, что особое возмущение заслуживает решение комиссии: «не предавать гласности имена привелигированных беженцев». Я. Данишевский в связи с этим резко осудил молчание марксистов — членов комиссии, особенно потому, что демократическая пресса заслуженно указывала на некоторые несправедливости в дележе пособия. Автор сообщает, что и ему выделено пособие в размере 100 рублей и по этому случаю он направил в Бюро Культуры письмо следующего содержания: «Управлению фонда писателей и журналистов Бюро Культуры ЦКОЛБ. Уважаемые господа. По Вашему поручению... меня известили, что мне присуждено пособие в размере ста рублей. Это меня очень поразило и это подтвердило то, что я думал об этом фонде: его средства не всегда попадают в руки беженцев. Управлению фонда не могло не быть известным, что я не беженец, а сосланный по политическим причинам в Сибирь. Это одно. И второе: не могу принять благодарственный подарок из-за принципиальных причин и в особенности из рук учреждения, которое действует в направлении, прямо противоположном моим убеждениям. От Вашего подарка отказываюсь...»

Дальше в статье автор указывает, что пособия часто присуждают незаслуженно. В заключении статьи автор высказывает определенную точку зрения, направленную против всего дела присуждения пособий: «Вообще не могу понять, почему одна группа беженцев поставлена в привелигирован-

---

¹ Полное наименование — «Бюро Культуры Центрального Комитета по обеспечению латышских беженцев.

² «Jaunais Vārds», 1916. g. 10. V, Nr. 131.

ное положение. Ко всем беженцам, потерявшим имущество и работу, надо бы относиться одинаково. «Привилегии» здесь неуместны. Если это не признается, то это признак, что даже в этом вопросе «общий труд» невозможен... Обществу, особенно рабочей демократии, нужно резко выступить за отмену этой странной привилегии, за огласку имен «привилегированных» беженцев. В денежных делах нужна полнейшая откровенность. Бюро **Культуры** надо это признать в особенности, а обязанность **марксистских** демократов по возможности скорее отбросить наваянные «общим трудом» бюрократические и биргельские привычки».

Против разработанного отделом просвещения Бюро Культуры проекта «Программы Латышской народной школы» с резкой критикой выступил В. Кнориньш в «Заметках к проекту программы Латышской народной школы»¹. Автор статьи затрагивает не только проект программы школы, но рассматривает и некоторые проблемы национального вопроса. В. Кнориньш указывает, что латышская буржуазия пытается воспользоваться военной обстановкой, чтобы «усесться в кресло немецких баронов». Он предлагает вопрос школы рассматривать как политический вопрос. Кнориньш резко протестует против выделения принципов национализма, которые красной нитью проходят через всю разработанную комиссией просвещения программу. В Латышской² народной школе, где на **латышском языке** учатся **латышские** дети и где учебный материал черпается из самой **жизни Латвии** или координируется с этой жизнью, особо выделять принципы национализма неуместно. Это надо было бы делать тогда, если бы хотели бы противостоять и притом «непременно враждебно противостоять окружающим нас народам»³. По мнению В. Кнориньша такое национальное уединение «было бы уединением от воздействия культуры других народов. Мне хотелось бы противопоставить этому национальному тезису другой: наше намерение — воспитать учащихся народных школ не только — латышами, но в первую очередь — культурными людьми, дать им возможность понять нынешнюю культурную жизнь». Наметив такой основной принцип латышской народной школы — более ясно и определенно в духе марксизма на страницах легальной прессы в данной обстановке выступить было нельзя — В. Кнориньш с острой критикой обрушивается на авторов проекта, разоблачая истинный характер их националистической фразеологии. «Что же такое отличительная

¹ «Jaunais Vārds», 1916. g. 27. IX, Nr. 223. un Nr. 225.

² Подчеркнуто В. Кнориньшем.

³ «Jaunais Vārds», 1916. g. 28. IX, Nr. 225.

латышская этика и эстетика, которую авторы так хотят привить. Может быть, Лайценс, Кениньш и Акуратёр понимают ту «особенность» латышской этики, которую видим в Апсиша «Богатой родне» или Порука «Чистосердечных людях», быть может в тех древних нормах быта и этики, что лежат теперь, покрытые пылью, в монументальных томах латышских дайн и которая теперь принадлежит историкам и этнологам. Или Лайценс этим хочет подчеркнуть милую латышскую лютеранскую веру, герихутизм и их умирающие прелести, которые он видит и ищет в старых могильных склепах, полуразвалинах древнего жилья или в том малиенском патриархальном устройстве быта, что отображает в сборнике своих рассказов «Малиена».

В. Кнориньш подчеркивает, что историю нельзя воскресить, что воспитание нельзя втиснуть в узкие националистические рамки. Дальше он дает конкретный анализ отдельных глав программы и указывает на ее недостатки.

Андрей Упитс в обширной статье «Герои духа»¹ в серии «На ярмарке литературного хлама» безжалостно характеризует деятельность Бюро Культуры: «Теперь голос организуемого класса на земле почти заглох. Внешние обстоятельства заглушили его самостоятельную деятельность, стремятся примешать и приклеить его к всенародному делу. Действия без твердой, острой критики, которая движет общественную мысль в определенном направлении и заставляет различные идейные течения высказаться с реальной рельефной определенностью, он теперь породил настоящую бабельскую неразбериху».

Вышеупомянутая статья показывает, что борьба против националистического «всенародного дела» в данной обстановке, когда не было полного единодушия в этом вопросе среди латышских марксистов, — дело очень трудное. В то же время видим, что узкие возможности легальной публикации все же были использованы для отображения истинной природы проповедников «всенародного дела» перед широкими рабочими массами, чтобы уберечь их от воздействия националистических лозунгов.

Все изложенное говорит о том, что для показа истинного объема и размаха работы социал-демократии, нужно очень тщательно рассмотреть прогрессивные мелкобуржуазные издания прессы, исследовать участие в них социал-демократов.

¹ Jaunais Vārds, 1916. g. 17. X, Nr. 229.

А. Я. ЗИЛЕ

кандидат исторических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО АРМИИ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ В 1919 г.

После аннулирования Советским правительством РСФСР грабительского Брестского мирного договора XVII конференция СДЛ нацелила партию и рабочий класс Латвии на подготовку и проведение вооруженного восстания. Во всей Латвии развернулось широкое массовое движение, направленное на изгнание немецких оккупантов и восстановление советской власти. В принятых на массовых митингах трудящихся Риги, Валки, Валмиеры и др. городов резолюциях рабочие и батраки выражали готовность с оружием в руках бороться за установление диктатуры пролетариата и приглашали себе на помощь латышские стрелковые полки, которые в это время сражались на Восточном фронте. Например в резолюции митинга рабочих гор. Риги 24 ноября 1918 г. сказано следующее: «Мы приветствуем революционных латышских стрелков, как борцов международной пролетарской революции, и желаем иметь их своей вооруженной стражей, которая вернет нас к свободной Советской России»¹.

Идя навстречу пожеланиям трудящихся Латвии и выполняя свой интернациональный долг, Правительство Советской России дало указание главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики освободить с Восточного фронта и перебросить на Западный полки латышских стрелков с тем, чтобы они могли участвовать в освобождении своей измученной Родины. До их прибытия помощь восставшему пролетариату Латвии была оказана силами Псковской и 2-й Новгородской дивизий, в состав последней входили 4-й и 1-й латышские полки, которые первыми прибыли на латвийский участок фронта.

30 ноября, когда части Красной Армии вступили в Латвию, все действующие на ее территории войска были объеди-

---

¹ «Сарканыс Карогс», 1918 г., 1 дек., № 3.

нены в одну Армейскую группу Латвии, ставшую основой для создания Армии Советской Латвии. Она с самого начала формировалась как интернациональное соединение, включившее в свой состав не только латышей и русских, но и бывших военнопленных: венгров, австрийцев, немцев и др., которые плечом к плечу с латышскими стрелками и восставшими рабочими сражались за изгнание немецких оккупантов и свержение ига национальной буржуазии.

Созданное в ходе революционной борьбы Временное Советское правительство Латвии, манифестом от 17 декабря 1918 г. провозгласило установление Советской власти на всей территории Латвии и выразило уверенность, что пролетариат Латвии в своей справедливой, тяжелой борьбе будет не одинок, что он получит поддержку от РСФСР и мирового пролетарского движения. В манифесте было сказано: «За нами стоит Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, с которой и впредь мы останемся тесно связанными не только внешними узами. И за нами стоит Коммунистическая революция, которая не только в Германии, но и в остальной Европе в самом скором времени приведет к всеобщему Союзу Социалистических Советских Республик, составной частью которого будем и мы»¹.

22 декабря 1918 г. декретом СНК РСФСР за подписью В. И. Ленина и 23 дек. того же года решением ВЦИК за подписью Я. М. Свердлова ЛССР была признана независимой советской социалистической республикой, а командованию Красной Армии и соприкасающимися с ЛССР учреждениям были даны указания, всемерно содействовать пролетариату Латвии в борьбе с иностранными империалистами и в строительстве новой, основанной на социалистических началах жизни.

Существование Советской России и ее искренняя братская помощь дали возможность пролетариату Латвии изгнать немецких оккупантов, разгромить национальную буржуазию, установить Советскую власть и создать свою рабоче-батрацкую Советскую Армию.

Армия Советской Латвии создавалась в ходе гражданской войны в Латвии. По мере продвижения Армейской группы, в нее вливались дружины повстанцев и добровольцы из трудящихся масс. Пополнение ее коренным населением дало возможность командованию освободить из нее и перебросить на другие участки Западного фронта части 2-й Новгородской и Псковской дивизий. После освобождения гор. Риги, когда в Армейскую группу Латвии влились многочислен-

¹ Манифест Соц. сов. правит-ва Латвии, 17 дек., 1918 г.

ные рижские рабочие дружины и ее костяк сформировался, Временное Советское правительство Латвии постановлением от 5-го января 1919 г. реорганизовало ее в Армию Советской Латвии. Был создан РВС Армии Советской Латвии в составе тт. К. Х. Данишевского (пред.), К. А. Петерсона (зам.) и А. Э. Даумана РВС РСФСР присвоил реввоенсовету Армии Советской Латвии все права и полномочия реввоенсовета армии. Состав РВС Армлата был изменен 15 марта 1919 г. В него были назначены Данишевский (пред.), Петерсон (зам.), членами: командармлат П. А. Славен, зав. политотдела армллат Р. Баузе, комиссар штаба армллат А. Э. Дауман. 12 апреля 1919 г. состав РВС Армии Советской Латвии был пополнен. В него были введены тт. Я. Д. Ленцман и Ю. Ю. Межинь.

Армия Советской Латвии в момент ее создания была численно невелика. Она состояла из следующих частей, объединенных в группы:

1. Правая группа — 1 и 4-й лат. полки, 2-й кавалерийский дивизион, 1 и 2-я батареи 2-го легкого арт. дивизиона, 1-я гаубичная батарея, тяжелая батарея литер «Г», 1-й авиоотряд. Штаб группы находился в Риге.

2. Средняя группа имела в своем составе: 2 и 3-й латышские стрелковые полки. Особый полк, 1 и 2-ю батареи легкого артиллерийского дивизиона, инженерную роту 1-й бригады и 2-й авиоотряд. Штаб группы находился в Елгаве.

3. Валкская группа. Она временно была передана в подчинение командарму VII армии Васильеву. В ее состав входили: 6, 7, 8-й лат. стрелковые полки, запасной батальон 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии и 3-й лат. кавалерийский дивизион. Командовал группой комбриг Штейн. Штаб группы находился в Валке.

4. Левая группа: Интернациональная дивизия под командованием Окулова в составе 39, 42, 47 и особого интернационального полков, 20-й гаубичной и 48 линейной батареи.

5. В резерве в Даугавпилсе находились: 9-й лат. стрелковый полк, 1-я рота 60 Интернационального полка, батальон связи 1-й стрелковой дивизии, батальон связи Интернациональной дивизии, 3-й легкий артиллерийский дивизион, инженерный батальон Интернациональной дивизии¹.

Не все соединения вышеназванных частей, которые были включены в состав Армии Советской Латвии в это время находились на месте назначения. Некоторые соединения были высвобождены с Восточного фронта с большим опозданием.

¹ ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, ех. 530, л. 1.

Напр. командующий Восточным фронтом С. С. Каменев освободил Либавский (13-й) полк из 3-й армии и 6-ю латышскую батарею из 5-й армии лишь в конце февраля, после неоднократных напоминаний главкома. Из 5-го лат. полка в Латвию был направлен лишь один батальон, остальные два батальона и др. мелкие соединения этого полка были оставлены в Серпухове. Действующий в Латвии 5-й полк фактически был сформирован заново за счет мобилизованных и добровольцев. Прибытие других полков также задерживалось. Напр. 2-й лат. полк, 1 и 8-я батареи, гаубичная батарея Латышской дивизии, так же штабы 1 и 3 бригад, прибыли в Даугавпилс 13 января. Второй эшелон 9-го лат. полка в составе 359 человек и 66 пулеметов был отправлен в Латвию лишь 19 января, а прибыл к месту назначения лишь в конце января. 1-й кавалерийский лат. полк под командованием Кришяна оставался в составе 5-й армии до 27 января, а конная батарея латышской дивизии прибыла из Астрахани в Латвию лишь 26 января 1919 г. Весь январь отдельные соединения даже тех полков, штабы которых уже были в Латвии, находились в пути следования. К началу февраля переброска полков в Латвию в целом была закончена.

Советская Латвия, как и другие советские республики, с первых дней ее существования стала объектом агрессии со стороны империалистических держав и ареной ожесточенной гражданской войны.

Одержавшие победу над странами Согласия империалисты Антанты во главе с США все силы бросили против Советской России — первой страны диктатуры пролетариата, которая подрывала мировую систему капитализма уже тем, что своим существованием революционизировала угнетенные массы всего мира. Прибалтика с ее густой сетью железных дорог, крупными городами и незамерзающими портами представляла удобный плацдарм для военных действий против жизненно важных центров Советской России. Кроме того, империалисты Антанты ненавидели героический пролетариат Латвии и его сынов — латышских стрелков, за их верность делу революции, преданность большевистской партии и советской власти. Они поэтому вели переговоры с германскими империалистами и правительством Ульманиса о совместных действиях по удушению Советской Латвии и о вторжении в РСФСР.

Советское правительство Латвии еще в декабре 1918 г. было уверено, что рано или поздно, до или после изгнания войск империалистической Германии с своей территории, ей предстоит вести ожесточенную борьбу с могущественным и

беспощадным врагом, а именно объединенными силами империалистов Антанты и озверелой внутренней контрреволюцией. Манифест Советского правительства Латвии от 17 дек. 1918 г. следующим образом определял международную обстановку Латвии: «По всей Европе разливается волна опьяненного победой англо-французско-американского империализма, который стремится потопить в крови пролетариата всемирную революцию и, поэтому считает одним из своих злейших врагов латышский трудовой народ, который уже 13 лет борется в авангарде Европейской революции. И поэтому так твердо уповает на помощь этого империализма изменническая и смешно трусливая латышская буржуазия и ее еще более трусливые друзья — социал-дурачки»¹.

Реально представляя угрозу, которая оставалась в силе, несмотря на блестящие победы Красной Армии и восставших рабочих, Советское правительство Латвии еще 17 декабря 1918 г. в инструкции эмиссарам о задачах укрепления советской власти на местах предлагало создавать Красную милицию и проводить набор добровольцев в Красную Армию. Уже в первые дни своего существования Советское правительство Латвии выдвинуло как первостепенную задачу — создание боеспособной Советской Армии и всеобщее вооружение и обучение военному делу пролетариата. Комиссар военно-морских дел Латвии тов. Петерсон, выступая на митинге трудящихся Валки 24 декабря 1918 г., и излагая точку зрения советского правительства, обратился со следующим призывом к пролетариату Латвии: «Каждый рабочий должен приучиться к военной дисциплине, он должен понять, что военное положение требует нашей готовности на все. Он должен воспитать в себе сознание и дисциплину, присущие нашим стрелкам. Необходимо вооружить весь пролетариат, чтобы в случае необходимости он мог оставить свою производственную работу и взяться за оружие, чтобы общими силами отразить нападение врага. Если рабочий класс будет иметь это сознание и будет завершено дело его вооружения, то нас не смогут напугать никакие ужасы заморских англичан и французов»².

Сразу же после установления советской власти ревкомы, в руках которых до избрания Советов сосредотачивалась революционная власть, создавали военные отделы, которые тут же брали на учет брошенное немцами оружие и создавали Красную милицию. Отряды Красной милиции весьма успешно справлялись с задачами подавления внутренней контррево-

¹ «Манифест Советского правительства Латвии», 17 дек., 1918 г.

² «Сарканайс Карогс», 24 дек., 1918 г., № 12.

люции и поддержанием революционного порядка. Но эти силы были явно недостаточны для борьбы с таким могущественным противником, каковым была Антанта, которая в самый разгар боев Армии Советской Латвии на Курземском фронте организовала нападение на Советскую Латвию с севера. Интервенция началась 30 декабря 1918 г., когда вооруженные и снабженные империалистами Антанты белоэстонские войска совместно с русскими белогвардейцами вторглись в северную Латвию и открыли Видземский фронт. Латышские стрелковые полки и пришедшие им на помощь вооруженные рабочие и милиционеры в тесном взаимодействии с частями VII армии, неся значительные потери, задерживали противника. Но силы были неравные, и противник мог прорваться к Риге. Советское правительство приступило к пополнению действующих полков добровольцами. На митингах и через печать коммунистические организации обратились с призывом к трудящимся Латвии вступить в ряды Красной Армии. Напр. орган партийной организации и Совета рабочих депутатов Валмиерского уезда газета «Валмиерас билетенс» писала: «Мы как один человек должны встать на защиту за воеваний Октябрьской революции, ибо власть на земле должна принадлежать только нам рабочим, но не угнетателям и эксплуататорам. Товарищи! Все к оружию, все вступайте в организованные отряды вооруженных рабочих — в Красную Армию. Лучше умрем свободными в открытой борьбе, чем отдадим себя и своих детей в вечное рабство тем, которых мы презираем и от которых мы недавно освободились в славные дни Октября. Мы закалены в боях и не боимся борьбы. Вступайте все в латышские полки Красной Армии! Долой предателей рабочего класса! Да здравствует Красная Армия! Да здравствует всемирная социалистическая революция! Пусть живет и крепнет диктатура пролетариата!»¹.

Армия Советской Латвии создавалась и пополнялась в условиях непрерывных военных действий, притом тогда, когда на местах только что было начато создание аппарата государственной власти, а в Курземе еще господствовали немецкие оккупанты. К тому же Латвия была разграблена. Не было ни оружия, ни обмундирования, ни запасов продовольствия. Латышские стрелковые полки и другие соединения Красной Армии прибывали в Латвию вооруженными и одежками. Для вновь формируемых соединений необходимо было получить наряды из центра и укомплектовать военные отделы на местах инструкторами, которые бы могли обучить новобранцев военному делу. На все это нужно было время.

¹ «Валмиерас билетенс», 1918 г., № 4.

Поэтому Советское правительство Латвии решило на первых порах вести набор добровольцев непосредственно в действующие полки. Полки пополняли свои ряды добровольцами из тех трудящихся, которые уже овладели военным делом, т. е., либо были солдатами старой армии, либо участвовали в вооруженном восстании. О мобилизации определенных возрастов, т. е. о введении всеобщей воинской повинности, в начальный период строительства Армии Советской Латвии не могло быть и речи, поскольку сам аппарат военного управления, снабжения и мобилизации находился лишь в стадии становления. Его основы были заложены постановлением Советского правительства Латвии от 23 декабря 1919 г., согласно которому комиссаром по военным и морским делам был назначен К. Петерсон, а заместителем И. Томашевич.

Одновременно с созданием Советов на освобожденной территории интенсивно шло создание военного управления в центре и на местах. На I съезде Советов объединенной Латвии 13 января 1919 г. было оформлено создание Комиссариата по военным и морским делам Латвии. Ему принадлежала военно-административная власть в центре и на местах. В его ведении находились все тыловые вооруженные силы, военные учреждения, склады военного имущества, госпитали, мастерские по ремонту оружия и др. Под его руководством работали военные отделы уездных исполкомов. Он ведал военным обучением и призывом на действительную военную службу населения. В «Положении об организации Армии Советской Латвии» следующим образом были определены права и обязанности Комиссариата военных и морских дел: «Задача военного Комиссариата — заботиться об организации запасных полков, о пополнении действующей армии, о мобилизации, о военных школах, организовать заготовку средств и прочего для действующей армии и руководить тыловыми военными учреждениями»¹. Военный комиссар и его заместитель назначались ЦИК-ом и были ответственны перед ЦИК-ом и Советским правительством Латвии. Заместитель военного Комиссара одновременно выполнял обязанности военного коменданта гор. Риги и ее окрестностей. Военный Комиссариат и лично тов. Петерсон проделали большую работу по формированию Армии Советской Латвии и пополнению ее добровольцами и мобилизованными, а также по ее снабжению продовольствием и обмундированием.

Военной подготовкой населения, учетом военнообязанных и мобилизацией людей и лошадей на местах ведали военные отделы уездных исполкомов. Заведующие военным от-

---

¹ «ЛКП VI конгресс», изд-во «Спартак», 1920 г., стр. 97.

делом избирались местными Советами, а утверждались в занимаемой должности военным Комиссаром Латвии. Военный отдел как часть исполкома подчинялся Совету рабочих депутатов и его исполкому, но в выполнении специальных военных заданий руководствовался распоряжениями военного Комиссариата и был перед ним ответственен. Функции военных отделов уездных исполкомов были аналогичны функциям уездных военных комиссариатов в РСФСР, но в отличие от РСФСР в ЛССР в волостных исполкомах военные отделы не были созданы, т. к. благодаря близости волостей к уездному центру и хорошо поставленной работе, уездные исполкомы успешно справлялись с возложенной на них работой в пределах всего уезда, вследствие чего отпадала необходимость в создании военных отделов в волостях.

Первоначально уездные военные отделы занимались главным образом, учетом и сбором брошенного немецкой армией и спрятанного у населения оружия. Одновременно они приступили к учету всего годного к военной службе мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет. 12-го января командарм Армии Советской Латвии предложил военным отделам приступить к набору добровольцев для формирования караульных рот. В распоряжении командарма сказано: «Занятие целого ряда городов Латвии настоятельно требует прочного закрепления их за нами и оставления в них гарнизонов. Оставление в каждом из этих городов, хотя бы небольших гарнизонов из действующих полков, может значительно ослабить те полки, которые предназначены для ведения дальнейших боевых действий в Курляндии и в конечном результате может свести эти части как боевые единицы на нет. Считаю своевременным возбудить перед правительством вопрос о сформировании в занятых и занимаемых городах особых гарнизонных рот для несения караульной службы»¹.

На основании указания правительства 18 января Комиссар военных дел К. Петерсон издал приказ, в котором предлагал сформировать следующие караульные роты: в Риге — 4, в Елгаве, Усть-Двинске и Даугавпилсе — по 2 в каждой, в Валке, Цесисе, Валмиере, Фридрихштате, Поневеже по одной в каждом городе. Военные отделы очень быстро справились с возложенными на них обязанностями и в несколько дней сформировали предусмотренные приказом караульные роты. Значительные трудности возникли в снабжении сформированных рот оружием и обмундированием, которое у военных отделов имелось в очень незначительном количестве. Подавляющее большинство бойцов караульных рот ходило

---

¹ ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, ех. 223, л. 20.

в принесенной из дому гражданской одежде, несмотря на это бойцы караульных рот очень добросовестно выполняли свои обязанности и даже участвовали в боевых действиях на фронте. Напр. начальник военного отдела уездного исполкома о Вольмарской караульной роте сообщал следующее: «Резервная рота военного отдела помимо караульной службы в городе несет и оперативную работу. По приказанию начальника 1, послал 76 человек на фронт при том в своей одежде¹.

Чтобы снабдить тыловые части оружием, военные отделы исполкомов при содействии промышленных отделов в ряде городов, напр. в Тукуме, Валмиере, Цесисе, Даугавпилс, Елгаве, Добеле и др. открыли оружейные мастерские, в которых ремонтировали поврежденное на фронте и трофейное оружие.

Караульные роты являлись тыловыми соединениями, которые, главным образом, несли гарнизонную службу: охраняли тюрьмы, военные учреждения и стратегические пункты: станции, мосты, оборонительные сооружения и др. Участки железных дорог, деревянные мосты и телеграфные линии охранялись населением волостей и местечек. Бойцы караульных рот ежедневно проходили военное обучение. Обученные бойцы затем направлялись на фронт и вливались в действующие части.

По мере расширения военных действий встал вопрос о более широком привлечении в армию добровольцев и укреплении армии коммунистами. Этому вопросу отводили в своей работе первостепенное место не только центральные, но и местные партийные организации. В принятых на уездных конференциях ЛКП решениях подчеркивалась необходимость создания многочисленной боеспособной армии. Напр. в резолюции Мадленас-Гайсмас парторганизации сказано следующее: «Революционная борьба пролетариата Латвии должна быть тесно связана с мировой и особенно с социалистической революцией в России... Наша главная задача сегодняшнего дня, приложить все усилия для организации Красной Армии, пополняя ее новыми, неисчерпаемыми силами коммунистов².

Руководствуясь решениями КПЛ партийные организации созвали совещания представителей военных отделов уездов и массовые митинги, посвященные международному положению и текущим задачам пролетариата. На совещаниях и митингах выступили видные военные и партийные работники, которые призывали массы встать с оружием в руках на за-

¹ ЦГАСА, ф. 200, оп. 8, ех. 15, л. 3.

² «Циня», 1919 г., № 20.

щиту советской власти. Напр. инспектор пехоты Армии Советской Латвии тов. Р. Берзин, выступая на собрании представителей военных отделов в Резекне 24 января 1919 г. говорил следующее: «Теперь, когда в Советской Латвии идет бой с бандами мировой контрреволюции, желающими вырвать из рук пролетариата власть и снова заковать нас в цепи рабства, нам дорог каждый воин. Все, кто могут владеть винтовкой должны обучаться военному делу, научиться защищать свою власть, встать в ряды армии советской Латвии, чем скорее, тем быстрее мы достигнем победы и воскреснет мирная жизнь пролетариата... Пролетариат ждет от вас многого... вербуйте добровольцев и присылайте в уездные центры для формирования и обучения, тогда успех мы обеспечим»¹.

Трудящиеся Латвии с энтузиазмом откликнулись на призыв Коммунистической Партии и РВС Армии Советской Латвии. Тут же на собраниях рабочие и батраки записывались в добровольцы. Кроме того, запись продолжалась и после собраний. Военный Комиссариат Латвии ввел следующий порядок записи в добровольцы. Те, которые уже прошли военную службу и умели обращаться с оружием, как и прежде, записывались непосредственно в действующие части и после небольшого инструктажа направлялись на фронт. Молодежь, которая не умела обращаться с оружием, должна была записываться в военные отделы исполкомов. Адреса военных отделов были опубликованы в газетах. При военных отделах были созданы специальные вербовочные столы, которые вели агитацию среди населения и производили запись добровольцев.

Военные отделы строго соблюдали классовый принцип при приеме в армию. От всех поступающих они требовали удостоверение личности, справку от волостного Совета о политической благонадежности, семейном положении и о том, что поступающий не имеет судимости. Кроме того, от поступающего требовалась рекомендация или учреждения в котором он до этого работал, или рекомендация пользующейся доверием советской власти общественной организации. Некоторые Советы, перед тем как выдать справку о политической благонадежности, требовали два поручительства следующего содержания: «Настоящим удостоверяю, что гр-н... верен рабочему классу и могу за него поручиться, что он будет преданным бойцом Красной Армии»².

---

¹ ЦГАСА, ф. 200, оп. 8, ех. 83, л. 22.

² ЦГА ЛССР, ф. Смиленского уезда, дело № 3, л. 6.

Благодаря такому тщательному классовому отбору, армия пополнялась лишь проверенными сторонниками советской власти, на что имеются указания во всех отчетах военных отделов. Напр. начальник военного отдела Даугавпилсского уездного исполкома пишет: «В добровольцы принимаются граждане не моложе 18 лет и исключительно из трудового населения. Поступающие добровольцы настроены исключительно симпатизирующие принципам советской власти»¹.

Поступление добровольцев проходило весьма успешно во всех уездах Латвии. Напр. из Тукумского военного отдела сообщали: «В Тукум постоянно прибывают добровольцы, желающие поступить в Красную Армию. Добровольцы принимаются в Тукумскую Советскую роту, где их обучают военному делу. По мере накопления добровольцев они отправляются командами по указанию военкомата в Ригу. До сих пор мобилизационный отдел отправил: 28 I 1919 г., — 36 человек и 1 II 1919 г. — 91 человек². Не менее успешно проходила вербовка добровольцев в другом конце Латвии — в Видземе, где в это время шли ожесточенные бои, очевидцами которых были поступающие в армию добровольцы. Они вполне отдавали себе отчет, что после прохождения военного обучения они сразу же будут отправлены на фронт, но тем не менее рвались в армию, т. к. ясно осознали, что без вооруженной защиты Советская Латвия погибнет. В сообщении начальника отдела Вольмарского уезда от 11 февраля сказано следующее: «принял 404 добровольца. Из них отправлены в другие части как необученные и недостаточно одетые и обутые — 201 чел., а остальные 203 человека оставлены в местной резервной роте. Местная резервная рота несла караульную службу в гарнизоне, принимала участие при охране важных пунктов в уезде: мостов, станций и т. д., а также действовала против белогвардейцев на ближайшем фронте в Руенском районе»³.

Армия помимо бойцов и командиров нуждалась и в медицинском персонале, но, т. к. среди врачей лишь единицы изъявили желание добровольно поступить в Красную Армию, то Советское правительство Латвии декретом от 31 января 1919 г., призвало на действительную военную службу врачей и лекарьских помощников.

Хотя Армия Советской Латвии в первое время создавалась на основе добровольности, тем не менее она была регулярной, строго централизованной армией. Ее ядро состояло

---

¹ ЦГАСА, ф. 200, оп. 8, эк. 7, л. 16.

² ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, эк. 21, л. 8.

³ Там же, оп. 8, эк. 15, л. 4.

из старых латышских стрелковых полков, прибывших в Латвию из Советской России и известных там своею дисциплинированностью, организованностью и преданностью Советской власти. Пополнения, принимаемые в армию, благодаря своему пролетарскому происхождению и энергичной деятельности полковых коммунистических организаций, быстро превращалась в политически сознательные, дисциплинированные воинские соединения. Благодаря опыту годичного строительства РККА и тому, что Армия Советской Латвии формировалась как составная часть РККА, она, даже в начальный период своего существования избежала децентрализации и партизанщины. С первых дней существования Армии Советской Латвии в ней господствовала железная революционная дисциплина и безоговорочное подчинение нижестоящих вышестоящим.

Советское правительство Латвии в первое время отказалось от мобилизации вследствие того, что наплыв добровольцев был столь значительный, что и многих из них нельзя было принять на действительную военную службу из-за нехватки вооружения и обмундирования. Поскольку в Латвии промышленность была разрушена, военных заводов совершенно не имелось, а создавать их в прифронтовой полосе, каковой в то время являлась Латвия, было бессмысленно, постольку снабжение армии оружием целиком зависело от центра. Но транспорт из-за отсутствия топлива и подвижного состава с трудом справлялся с переброской латышских полков с восточного фронта и перевозкой вооружения и боеприпасов для фронта, поэтому к переброске вооружения и обмундирования для вновь формирующихся соединений приступил лишь в конце января, поэтому, несмотря на решение командования о формировании 2-й дивизии Армии Советской Латвии, Советское правительство Латвии смогло приступить к ее созданию лишь в конце января.

Решение о формировании второй дивизии Армии Советской Латвии было принято РВС РСФСР в начале января. По этому вопросу в приказе главкома было сказано следующее: «РВС Республики постановил сформировать Армию Советской Латвии из одной уже существующей и другой вновь формируемой латышских стрелковых дивизий. Ввиду этого приказываю . . . немедленно приступить к формированию 2-й стрелковой дивизии Советской Латвии, причем районом формирования для этой дивизии назначаю: Крейцбург, Мариенбург, Дриссу, Даугавпилс, Якобштадт. Штаб дивизии — Даугавпилс. Все работы по формированию 2-й дивизии должны вестись с полной энергией и с таким расчетом, чтобы части приво-

дились в боевую готовность постепенно в каждой бригаде, начиная с головного полка, головных батарей, конных и технических частей. О ходе формирования доносить мне ежедневно по Субботам»¹.

Формирование 2-й дивизии Советской Латвии проходило в трудных условиях. В это время начались бои с белоэстонцами, которые с каждым днем разгорались все шире. Полки, прибывающие из Советской России были некомплектными, и их перед тем как отправлять на фронт приходилось доформировать. В связи с этим вновь формируемые соединения шли, главным образом, на пополнение действующих на фронте полков 1-й лат. дивизии.

Несмотря на трудности, создание 2-й дивизии протекало успешно. Новые полки формировались вокруг прибывших из Советской России соединений по принципу пополнения уже имеющихся батальонов или более мелких соединений и доведения их до штатного состава полков. Напр. 16-й лат. полк формировался следующим образом: из 5-го лат. полка, который находился в Серпухове в Латвию были направлены: командир полка, командир батальона, несколько ротных командиров и служащих полкового штаба. Они становились во главе подразделений вновь сформированного из добровольцев 16-го полка и полк превращался в боевую единицу, которая боевой опыт и дальнейшую военную выучку получала уже на фронте. Ядром вновь формирующегося 10-го полка стал Особый латышский Саратовский полк, который, находясь в непрерывных боях как в России так и после прибытия в Латвию, понес большие потери и насчитывал всего 185 штыков. В него были влиты несколько сот добровольцев и полк снова стал сильной боевой единицей, теперь уже под названием 10-го лат. полка. Благодаря наличию ядра из старых стрелков и командиров, полк хранил и приумножал боевые традиции Особого латышского Саратовского полка. В основу 13-го лат. полка был положен Либавский латышский стрелковый полк, также в значительной части пополненный добровольцами.

К 31 января 1919 г. вполне была сформирована 1-я бригада 2-й дивизии в составе 10 лат. полка, 11-го полка (бывший 37-й полк Интернациональной дивизии, 12-го полка (39 полк Интернац. дивизии). К этому же времени частично была укомплектована 2-я бригада в составе 13 лат. полка, 14 полка (41 полк Интернациональной дивизии) и 15-го латгальского полка, формирование которого еще не было закончено. Штабом 2-й лат. дивизии, с небольшими изменениями в личном

¹ ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, эк. 1012, л. 3.

составе, стал штаб бывшей Интернациональной дивизии. Ко 2-й лат. дивизии перешли также еще полностью неуккомплектованные: отдел снабжения, батальон связи и инженерный батальон бывшей Интернациональной дивизии. Гораздо хуже обстояло дело с формированием артиллерийских частей. К этому времени 2-я дивизия имела лишь 1 гаубичную батарею, которая стала основой для формирующихся артиллерийских частей 2-й лат. дивизии. К формированию 3-й бригады этой дивизии Комиссариат по военно-морским делам ЛССР приступил лишь в начале февраля. В состав 3-й бригады вошли: 16 лат. полк, 17-й лат. полк, основу которого составил немногочисленный 6-й полк погран. охраны, и 18-й полк, который формировался совершенно заново. 17-й лат. полк просуществовал очень недолго; в начале февраля он был отправлен на фронт, не выдержал натиска белых и разбежался, поэтому его пришлось формировать заново. В это время в Риге был сформирован полк Рижского военного отдела, о котором начальник военного отдела доносил следующее: «Ввиду того, что полк военного отдела уже сформирован (как строевые единицы, так и хозяйственная часть, а равно имеется налицо командный состав и то же самое сформировано и имеется налицо в 16-м лат. полку), полагал бы более целесообразным переименовать почти уже готовый полк Рижского военного отдела в какой-либо номерной полк, включив его в состав одной из бригад 2-й лат. дивизии, а в Риге приступить к интенсивному формированию, вернее к пополнению добровольцами, 16-го лат. полка»¹. 13 февраля приказом командармлат полку Рижского военного отдела был присвоен номер 17 полка. Кроме того, Рижский военный отдел значительно пополнил добровольцами немногочисленный 8-й лат. полк, понесший на фронте большие потери и 15 февраля отведенный в резерв, после чего он снова был отправлен на фронт.

Формирование 18-го лат. полка затянулось. Полк формировался из добровольцев Вентспилсского, Тукумского и Елгавского уездов. Вначале формирование полка проходило успешно, но в конце февраля приостановилось в связи с началом широких военных действий на Курземском фронте. Сформированные военным отделом соединения, в том числе такие крупные как Курземский полк революционной охраны, вливались в действующие части Красной Армии и 18-й полк окончательно удалось сформировать лишь в конце марта, главным образом, за счет запасного стрелкового полка 2-й лат. дивизии.

¹ ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, ех. 1012, л. 40.

На территории Советской Латвии в составе 1-й лат. дивизии действовали 3-й отдельный кавалерийский дивизион и 1-й кав. полк под командованием Кришьяна. Главком дал указание формировать 2-й кав. полк для 2-й лат. дивизии. Он исходил из того, что в условиях Латвии, где неприятель имел значительный численный и технический перевес, кавалерия может сыграть решающую роль в отдельных сражениях. Своей маневренностью, заходом в далекий тыл противника, она должна была дезорганизовать его части и сорвать осуществление его тактических планов. В начале февраля, в разгаре боев на Видземском фронте главком писал командармлат следующее: «Чтобы уравновесить шансы победы, необходимы значительные подкрепления для Валкского участка фронта. . . Я распорядился вызвать из всех отрядов ВЧК латышей на конях и в полном вооружении, для того чтобы самым срочным порядком в районе Пскова сформировать один полк латышской конницы для придачи полкам 2-й лат. дивизии»¹.

Успешное формирование 2-й лат. дивизии в значительной мере зависело от наличия вооружения и обмундирования. 15 февраля 1919 г. Армия Советской Латвии получила наряд на первые 15 тысяч японских винтовок и 15 тысяч комплектов одежды. Оружие и обмундирование в конце февраля и начале марта в значительном количестве стало прибывать в Латвию и это дало возможность Комиссариату по военным и морским делам Латвии приступить к проведению всеобщей мобилизации.

Партийные организации высказались за всеобщую мобилизацию еще в январе 1919 г., что видно из резолюций партийных конференций. Напр., в постановлении партийной конференции Вентспилса 30-го января 1919 г. сказано: «Наша первейшая, святая задача — укреплять Красную Армию, провести мобилизацию рабочих и крестьян. Буржуазию надо рассматривать противной стороной в войне и ее мобилизовать лишь для тяжелых тыловых работ»². Но это стало возможным лишь в конце февраля м.ца. К этому времени сформировался и окреп аппарат военного Комиссариата в центре и на местах, который взял на учет все мужское население призывного возраста. Одновременно уездные исполкомы провели реквизицию белья у буржуазии, в мастерских военных отделов было отремонтировано трофейное оружие, кроме того, были получены первые партии оружия из центра. Все это дало возможность Советскому правительству Латвии

¹ ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, эк. 93, л. 85.

² «Циня», 1919 г., № 19.

перейти от добровольческого принципа комплектования армии к всеобщей мобилизации.

Набор добровольцев дал Армии Советской Латвии многочисленные, беспредельно преданные советской власти кадры бойцов и командиров из рабочих и батраков. Но он не мог обеспечить участие всего трудового населения в обороне республики, т. к. основная масса трудящихся: крестьяне, арендаторы, ремесленники и другие мелкобуржуазные слои населения, хотя и симпатизировали Советской власти, но не были настолько сознательными, чтобы без всякого принуждения, по первому зову партии, встать в ряды защитников социалистического отечества. Их можно было привлечь в армию лишь путем мобилизации, для того, чтобы там на фронте в боевой обстановке их перевоспитать, сделать закаленными сознательными солдатами революции и усилить над ними руководство пролетариата.

Сам принцип добровольности нарушал плановость и вносил элементы стихийности в комплектовании армии, ставил пополнение армии и создание новых соединений в зависимость от наплыва или отсутствия добровольцев, мешал привлечению к военной службе кадровых военных специалистов. КПЛ считала, что принудительная мобилизация, назначение командного состава и принудительная военная дисциплина — необходимые условия для создания классовой регулярной армии.

Установки Коммунистической партии Латвии о введении всеобщей воинской повинности и проведении мобилизации нашли самую широкую поддержку среди трудящихся масс, особенно прифронтовых районов, которые находились под угрозой белогвардейского вторжения. Напр. в сообщении председателя Валмиерского уездного исполкома от 9 февраля 1919 г. сказано: «Настроение масс революционное, всюду требуют мобилизации»¹. Об этом же говорят и резолюции собраний и митингов трудящихся, посвященные международному положению. Напр. в резолюции общего собрания волости Лиэпу сказано следующее: «Для того чтобы всеми силами защищать рабочую советскую власть, необходимо провести принудительную мобилизацию на всей территории Латвии, исходя из необходимости»². Резолюции всех собраний и митингов свидетельствуют о том, что массы были настроены в пользу мобилизации.

Декретом от 24 февраля 1919 г. Советское правительство объявило на всей территории Латвии всеобщую мобилизацию

¹ ЦГА ЛССР, ф. Валмиерского уезда, дело № 4, лист 18.

² Там же, ф. Цесисского уезда, дело в л. Лиэпу, л. 23.

всего годного для военной службы мужского населения. Приказом военного Комиссариата Латвии от 24 февраля были мобилизованы все мужчины 1896, 1895, 1894 и 1893 гг. рождения, врачи до 55-летнего, лекарские помощники до 45-летнего возраста. Из офицерского состава были мобилизованы: генералы до 60-летнего, штаб-офицеры до 55-летнего и обер-офицеры — до 50-летнего возраста. Ввиду нехватки обмундирования мобилизованным предлагалось приносить свою одежду. По этому поводу в инструкции было сказано: «За принесенные с собою вещи, как-то: сапоги, шинели, фуражки и т. д., будет уплочено при зачислении в Красную Армию после осмотра комиссией и признания годности к дальнейшей носке. Лица, имеющие означенные вещи, обязаны взять их с собой»¹.

За первой мобилизацией последовали другие. 10 марта согласно приказу Военного Комиссариата Латвии для пополнения некомплектности армии были призваны все кавалеристы в возрасте от 18 до 40 лет. 12 марта 1919 г. в прифронтовых уездах: Валмиерском, Валкском, Тукумском, Талсенском, Маленском и Голдингенском на действительную военную службу были призваны все, начиная от 1898 до 1884 г. рождения. При последующих мобилизациях во всех уездах были призваны все годные к военной службе мужчины в возрасте от 18 до 40 лет. Приказом Военного комиссариата от 17 апреля за № 72 на военную службу были призваны все студенты 3-го и 4-го курсов ветеринарных факультетов. К концу апреля все способные носить оружие мужчины были мобилизованы и пополнение армии велось главным образом за счет вылечившихся раненных красноармейцев и высвобождения боеспособных краснораемейцев из тыловых частей с последующей заменой их переосвидетельствованными инвалидами. Напр. в сообщении Валмиерского военного отдела от 12 мая сказано следующее: «Проводилось переосвидетельствование красноармейцев и признанных негодными при прочих мобилизациях... Явилось всего 136 человек. Признаны годными к военной службе на нестроевых должностях — 98, совершенно негодными — 33, в отсрочке — 5»².

Так как все советские республики имели общие цели борьбы и единую Красную Армию, то призыву на военную службу подлежали не только граждане ЛССР, но и других советских республик, проживающие в Латвии. В постановлении Советского правительства Латвии от 26-го февраля было сказано: «Граждане ЛССР, живущие в других Советских

¹ ЦГА ЛССР, ф. Смильтенской вол., дело № 5, лист 9.

² Там же, ф. Р-47, оп. 1, ех. 13, л. 40.

Республиках, исполняют военную службу и призываются наравне с гражданами этих республик. Точно также призываются на одинаковых основаниях с гражданами Латвии граждане других Советских Республик»¹.

Призыв на военную службу протекал весьма успешно, несмотря на то, что более сознательная часть населения, еще в январе в порядке добровольности ушло на фронт. В тыловых уездах на призывные пункты являлось поголовно все мужское население. В прифронтовых уездах некоторые кулаки скрывались от мобилизации, надеясь на приход белых, но таковых было немного. Одновременно с мобилизацией продолжался наплыв добровольцев. О ходе мобилизации дают представление отчеты заведующих военными отделами. Напр. в отчете зав. военным отделом Валмиерского уезда за февраль м-ц сказано следующее: «Процент неявившихся очень незначительный. Настроение призывников хорошее, даже приподнятое у граждан прифронтовых волостей. Явились на мобилизацию даже несколько человек из местности занятой неприятелем. . . . Принято добровольцев — 150 человек»².

При проведении мобилизаций строго соблюдался классовый принцип. В армию мобилизовывалось все способное носить оружие мужское население, в том числе и кулацкое. Но лица, не пользующиеся избирательными правами, в действующую армию не направлялись. Из них формировались особые роты тылового ополчения, которые использовались на трудовом фронте и на военных строительствах как рабочая сила. От призываемого требовалось удостоверение личности и справка о прохождении военной службы. Офицеры получали звание командиров в зависимости от занимаемой прежде должности. В армии бывшие офицеры были подчинены бдительному надзору и контролю со стороны комиссаров и партийных комитетов. Картина изменилась после сильных мартовских боев. В апреле м-це людские резервы были исчерпаны и на фронт приходилось отправлять и многих из тех, кто не получил избирательных прав, если они не проявляли враждебного к советской власти отношения. В связи с этим социальный состав Армии Советской Латвии значительно ухудшился. Некоторые из этих ненадежных элементов пытались вести контрреволюционную агитацию, но своевременно были разоблачены бойцами и получили от них должный отпор. Фронтовик, корреспондент газеты «Циня», о них писал следующее: «Среди мобилизованных имеются действительно редкие экземпляры. Некоторые из них ведут настоящую чер-

¹ ЦГА ЛССР, ф. 1515, оп. 1, эк. 709, л. 90.

² Там же, ф. Р-47, оп. 1, эк. 13, л. 14.

носотенную агитацию против коммунизма. Они говорят, что им неизвестно, за что они должны воевать. Но в стрелках еще не погас революционный дух и агитация мракобесов не имеет успеха»¹.

За мобилизованными и направленными в действующую армию зажиточными крестьянами и деклассированными элементами, среди которых попадались и кулацкие сынки, был установлен строгий надзор комиссаров и партийных организаций, благодаря чему их враждебная деятельность своевременно пресекалась. Лица, замеченные в контрреволюционной агитации или другой враждебной деятельности, немедленно из части изымались. Наиболее злостные передавались революционному трибуналу, а другие направлялись в тыл в трудовые или исправительные роты. Так как подавляющее большинство стрелков были рабочими или безземельными крестьянами, то вкрапленные в их среду нетрудовые элементы попадали под их контроль и волей неволей вынуждены были подчиняться строгой революционной дисциплине и сражаться против белых. Даже после падения Риги эти элементы не решились на контрреволюционный мятеж, но пользуясь быстрым отступлением Армии Советской Латвии они разбежались. Впоследствии из этих дезертиров образовались банды зеленых, грабившие население и нападавшие на отступающие советские учреждения и отставших от своих частей красноармейцев. За их счет белолатыши значительно пополнили свои немногочисленные войска.

Формирование Армии Советской Латвии происходило в обстановке непрерывных военных действий. К этому времени на Видземском фронте развернулись ожесточенные бои против белоэстонцев, которые получали пополнения из завербованных белофинов и датчан, вследствие чего могли бросить против Советской Латвии все новые и новые силы. Начиная с марта месяца, когда началось наступление армии фон дер Гольца и Армии Советской Латвии приходилось отбивать жестокие атаки как на Видземском, так и на Курземском фронтах, о формировании новых соединений не могло быть и речи. Все мобилизованные направлялись на пополнение уже действующих частей, так как убыль в соединениях действующей армии была столь велика, что некоторые полки приходилось формировать почти что заново. Например в 9-м лат. полку к этому времени осталось всего 200 бойцов, так что пополнения должны были составлять $\frac{4}{5}$ всего личного состава полка. Приблизительно на столько же был пополнен 8-й лат. полк и другие полки 1-й лат. дивизии. В ходе боев

¹ «Циня», 1919 г., № 90.

целые соединения выбывали из строя и их приходилось сливать или формировать заново. Напр., в марте были слиты остатки 47 и 45-го полков и вновь созданному полку был присвоен № 11. Но остатки этих полков были настолько утомлены и издерганы непрерывными боями, что полк пришлось расформировать. В апреле м-це Рижскому рабочему полку был присвоен № 11 полка. Уже в первые дни боев на Курземском фронте значительные потери понесли 17-й и немногочисленный Витебский полки. Витебский полк был пополнен мобилизованными, притом наихудшего набора (из деклассированных элементов Риги) и поэтому потерял свою прежнюю боеспособность. В связи с этим в середине апреля главнокомандующий удовлетворил просьбу командармлат, в которой было сказано следующее: «Ходатайствую о слиянии малоустойчивого Витебского полка (первый батальон из Рижских рабочих) с 17 лат. полком, с сохранением наименования 17 лат. полка, который малочисленен, нуждается в большом пополнении, но устойчив»¹.

В апреле месяце людские ресурсы Латвии были исчерпаны полностью, и дальнейшее пополнение армии производилось за счет коммунистов, высвобожденных из гражданских учреждений и тыловых войск: караульных рот, отрядов милиции, отрядов военных отделов. Тыловые части теперь стали полностью комплектоваться из инвалидов белобилетников, признанных негодными при прежних мобилизациях.

Но и нестроевым из караульных рот прифронтовых районов, постоянно приходилось принимать участие в боевых действиях, о чем свидетельствуют отчеты заведующих военными отделами. Напр. зав. Валмиерского военного отдела пишет следующее: «Кроме текущей работы отделу приходилось принимать участие в оперативных действиях на фронте — пополняя состав действующего на фронте отряда военного отдела красноармейцами караульной роты, милиционерами и коммунистами, снабжая отряд всем необходимым. В настоящее время отряд состоит из 110 человек при 2-х пулеметах»².

В критические моменты к армии Советской Латвии придавались русские части, которые действовали главным образом на крайних флангах Армии Советской Латвии (Мариенбургская и Понежевская группы войск). Значительная помощь людскими резервами Советской Латвии в этот период не могла быть оказана, так как в связи с походом Колчака судьбы революции решались не на Западном, а на

¹ ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, ех. 278, л. 74.

² «Циня», 1919 г., № 19.

Восточном фронте. На Восточный фронт были направлены лучшие части Красной Армии и основную тяжесть борьбы против иностранных интервентов и банд внутренней контрреволюции в Латвии должны были на своих плечах вынести латышские стрелковые полки. Но если учесть, что в этот период даже такой ответственный фронт как Северный, не только не получал пополнений из центра, но, наоборот, мобилизованные в Петрограде рабочие направлялись на Восточный фронт, то Советская Латвия в смысле пополнений находилась в лучшем положении, чем другие участки северо-западного фронта. К Армии Советской Латвии на постоянно были приданы русские артиллерийские части, которые принимали участие во всех крупных боевых действиях соединений Армии Советской Латвии, и своей стойкостью, мужеством и сознательностью завоевали горячую любовь и признательность трудящихся Латвии.

Чем больший размах приобретали военные действия, тем более остро вставал вопрос о резервах армии. В первое время никаких резервов у Армии Советской Латвии не было. Все добровольцы или мобилизованные, ранее служившие в армии, без всякого обучения направлялись в действующие части. Необученные призывники направлялись в запасные полки, 1-й и 2-й дивизии для обучения. Фактически это были не запасные полки, а батальоны ввиду немногочисленности их состава. Первое время, когда противник наступал лишь на Видземском фронте, а на Курземском оборонялся, вопрос о резервах не стоял особенно остро. Иначе встал вопрос после падения Елгавы 18 марта 1919 г., которое в значительной мере было связано с отсутствием у командования резервов. Фон дер Гольц сосредоточил на этом решающем участке значительные силы, прорвал фронт и занял город. Елгава являлась важным стратегическим центром и ближайшим подступом к столице Советской Латвии г. Риге, поэтому потеря Елгавы вызвала законную тревогу РВС РСФСР. Главнокомандующий боялся, что корпус фон дер Гольца, поддержанный немецкими частями, дислоцированными в северо-западной Литве, может зайти глубоко в тыл Армии Советской Латвии, отрезать Ригу, соединиться с белоэстонцами и ринуться дальше на восток на соединение с Колчаком. В связи с этим главком 22 III 1919 г. отдал приказ следующего содержания: «Данные разведки, а также события на фронтах различных групп Армии Латвии и западнее Вильно указывают на необходимость обратить особое внимание на район действия Армии Латвии и Литовской дивизии, почему и является необходимым в указанном районе военных действий

иметь наготове фронтовой и армейский резервы. В частности в районе Армии Латвии, после ее реконструкций на указанных в телеграмме № 1340/оп основаниях, полагаю необходимым постепенно из Лифляндского фронта Армии Латвии выделить не менее двух бригад из состава 1-й лат. дивизи, с тем чтобы расположить их в районе Крейцбург—Двинск, образовать надежный, сильный и хорошо технически оснащенный резерв, который был бы способен дать отпор противнику в направлении Двинск—Понежеж—Муравьев, Двинск—Вильно—Крейцбург—Митава, Крейцбург—Рига, Крейцбург—Мариенбург и Рига—Валка. Необходимость такого надежного и боеспособного резерва диктуется условиями возможного появления в Рижском заливе неприятельского флота с целью производства десантных операций в районе устья Западной Двины»¹.

Директива главкома была своевременной, так как над советской страной в это время нависла смертельная угроза, поскольку начался 1-й поход Антанты, который предусматривал одновременное наступление на Советскую Россию с востока и запада, на что указывал В. И. Ленин в своем выступлении на чрезвычайном заседании пленума Московского Совета. В. И. Ленин говорил: «Словом, все усилия страны Согласия направляют на то, чтобы выручить Краснова и чтобы как раз нынешней весной нанести нам сильный удар. Они действуют, несомненно, по соглашению с Гинденбургом... Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки. Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану, пользуясь тем, что в Германии они кровавыми подавлениями ослабили движение спартаковцев и революционеров. И хотя они чувствуют, что дышат на ладан, они все же сочли момент достаточно удобным для использования, для того, чтобы предоставить Гинденбургу часть войск и усилить натиск с запада на истерзанную, измученную Латвию и угрожать нам. С другой стороны, Колчак одержал ряд побед на востоке и, таким образом, подготавливает условия для последнего и самого решительного натиска стран Согласия»².

Командование должно было предпринять необходимые меры, чтобы своевременно отразить врага и предотвратить окружение Армии Советской Латвии, если неприятелю удаст-

¹ ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, ех. 82, л. 26.

² В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 29, стр. 231—232.

ся прорвать фронт или высадить резервы в Рижском заливе. Создание мощных резервов на линии Двинск—Даугавпилс—Валка диктовалось также необходимостью создания заюлона против вторжения врага в пределы России с целью занять Москву с запада. Командование оказало большое доверие латышским стрелковым полкам, дав указание именно их включить в состав боевого резерва, который должен был нанести контрудар и отстоять границы России в случае прорыва фронта.

Несмотря на жизненную необходимость надежного резерва на стыках VII, латармии и VI армии, командармлат вынужден был отказаться от отвода латышских полков в резерв, так как у него на Видземском фронте были всего 4 бригады, причем более чем наполовину некомплектные. Отвод 2-х бригад с фронта, когда, вследствие малочисленности и плохой оснащенности, частям этого фронта и так с трудом удавалось удерживать занимаемые позиции, привел бы к прорыву фронта белоэстонцами и их соединению с наступающими частями фон дер Гольца и тем самым не улучшил, а ухудшил бы положение Армии Советской Латвии. VII армия, части которой должны были занять позиции, отводимых в резерв латышских полков, сама не имела резервов и с трудом отбивалась от наседающего противника. Поэтому командармлат Славен на директиву главкома дал следующий ответ: «Ввиду тяжелой обстановки на Курляндском фронте и крайней загруженности железных дорог, ввиду происходящей эвакуации Риги и прифронтовой полосы, указанную в директиве комзаса и главкома переброску частей 1-й лат. дивизии в район Крейцбург—Двинск для образования армейского резерва с соответствующей их заменой русскими частями, в данное время произвести невозможно. Кроме того, прибывающие подкрепления в сложившейся обстановке необходимо использовать для восстановления положения на Курляндском фронте, что потребует от армии полного напряжения сил. Кроме того, и на северном фронте Латармии, на ее правом фланге, также создается для нас неблагоприятная обстановка в связи с вынужденным отходом VII армии и отступлением наших частей. Последнее обстоятельство не позволяет нам произвести предполагавшуюся перегруппировку с целью выделить 6-й лат. полк для отправки на запад, что же касается до выделения двух бригад 1-й лат. дивизии, то таковое является в данное время совершенно невозможным»¹. Армия Советской Латвии как и прежде продолжала воевать без резервов. Отсутствие резервов было существенным отрица-

¹ ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, ех. 82, л. 27.

тельным фактором в значительной мере предопределившим падение Риги 22 мая и отступление Красной Армии в Латгалию.

Значительную помощь действующей армии оказали коммунистические отряды, которые состояли из овладевших военными знаниями коммунистов, комсомольцев и безпартийных рабочих и батраков. Такие отряды к середине февраля были созданы во всех прифронтовых районах. Воины этих отрядов в свободное от работы время выполняли различные боевые задания: совместно с караульными ротами несли охрану мостов, железных дорог, истребляли прорвавшиеся в тыл белогвардейские банды. Во время наступления белых они представляли внушительную силу и удерживали значительные участки фронта, оставленные отступающими частями. Но все же это были иррегулярные части, действующие по своей инициативе. В интересах усиления централизации армии командарм 16 февраля 1919 г. издал приказ следующего содержания: «На основании распоряжения главнокомандующего ком. севера приказал все повстанческие части подчинить тем дивизиям или армиям, в районе которых они действуют»². На основании этого приказа 21 II 1919 г. Вентспилсский, Тукумский и Талсенский отряды были влиты в 16-й полк, а другие отряды в другие соединения Красной Армии. Каждый из коммунистических отрядов передал армии свыше 100 боеспособных бойцов и командиров, например: Вецгулбенский — 150, Валмиерский — 320 и т. д. Но коммунистические отряды в значительной части состояли из инвалидов, стариков и юношей, которые были непригодны к военной службе и поэтому были отправлены по домам, но как только боевые действия возобновились они снова появились. Несмотря на новый приказ командармлат от 28 III 1919 г. о присоединении добровольческих отрядов к армии или их ликвидации, они продолжали существовать. Их содержание целиком ложилось на местные исполкомы. Регулярная армия в них нуждалась. Они засылались в тыл противника, вели там партизанскую борьбу, производили разведку и выполняли другие поручения. Будучи не в меру инициативными, они иногда мешали действиям регулярной армии, преждевременно ввязываясь в бой с неприятелем.

Советскому правительству Латвии удалось создать хоть и немногочисленную (вследствие малочисленности населения), но боеспособную армию благодаря тому, что коммунистические организации и Советы рабочих депутатов своевременно обратили внимание на всеобщее военное обучение населения

² ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, ех. 93, л. 97.

в первую очередь коммунистов. Еще в январе месяце партийные организации приняли решения, обязывающие всех членов партии изучать военное дело. Напр. на конференции партийной организации Малиэне было принято решение о том, что все, кто в силах носить оружие, должны уметь с ним обращаться, «... как в России, где каждый коммунист овладевает военным делом»¹. В протоколе партийного собрания Крустпилсской организации 26 I 1919 г. было сказано следующее: «Решили вооружить каждого члена партии оружием (винтовкой) и 15-ю патронами. В чрезвычайных случаях патроны будут выдаваться в необходимом количестве. Обучение военному делу и обращению с оружием решили проводить 3 раза в неделю по Вторникам, Четвергам, и Субботам с 7 часов вечера»².

В начале февраля, когда стало ясно, что ЛССР не избежит длительной гражданской войны, Советы, руководствуясь декретом РСФСР от 22 апреля 1918 г., по своей инициативе стали вводить обязательное военное обучение для всего населения. Напр. пленум Совета рабочих депутатов объединенного уезда Елгава—Добеле принял следующее решение: «Необходимо ввести всеобщее военное обучение в часы после работы. Всеми силами способствовать широкому вступлению в Красную Армию трудящихся. В первую очередь вооружить стойких борцов за рабочее дело — коммунистов и членов исполкома»³.

Трудящееся население, сознавая серьезность момента и необходимость защиты социалистического отечества, охотно изучало военное дело. Так как до апреля месяца военные отделы не располагали инструкторами всеобща, то овладевшие военным делом коммунисты и уволенные из армии стрелки-инвалиды взяли на себя обязанность общественных военных инструкторов и регулярно 2—3 раза в неделю проводили военные занятия. Напр. в совхозе «Кайя» Скуенской волости: «Настроение среди рабочих бодрое, коммунистическое. Они понимают решающее значение борьбы в данное время и многие изъявляют желание по первому зову партии брать оружие в руки и стать в ряды Красной Армии. По желанию рабочих 2 раза в неделю проводится военное обучение с боевым оружием. Обучением руководит член исполкома — коммунист, который как представитель Совета входит в правление имения, и заведующий хозяйством тоже коммунист и настоящий труженик»⁴.

¹ «Циня», 1919 г., № 24.

² ЦГА ЛССР, ф. Р-23, оп. I, ех. 1, л. 48.

³ «Елгавас Комунистс», 1919 г., № 9.

⁴ ЦГА ЛССР, ф. Цесисского уезда, дело № 50, л. 26.

По инициативе и под руководством Комсомола военным обучением была охвачена и значительная часть молодежи до 18 лет. 9 IV для подготовки опытных санитаров из учащихся не моложе 16 лет в Риге на добровольных началах были организованы курсы по уходу за больными и ранеными.

Законодательным путем обязательное военное обучение было введено лишь 24 апреля 1919 г. Приказом военного Комиссара за № 74, согласно которому все трудовое население в возрасте от 18 до 40 лет, не мобилизованное в армию, должно было обучаться военному делу во внерабочие часы. Приказ проводился в жизнь неукоснительно.

Вопросы строительства Красной Армии и пополнения ее кадрами коммунистов всегда стояли в центре внимания КПЛ. Глава Советского правительства Латвии П. Стучка, выступая на партийной конференции уезда Стукмани 30 марта 1919 г. говорил: «Надо приложить все силы для организации сильной Красной Армии. Не хозяйственная жизнь, а пополнение армии свежими, сознательными бойцами — это наше дело... С наступлением весны надо готовиться к партизанской борьбе «лесных братьев», которая будет требовать личной отваги от каждого отдельного борца»¹.

С тем, чтобы создать сильный и влиятельный партийный костяк в армии, коммунистические организации систематически проводили мобилизацию коммунистов на фронт. Напр. в резолюции, принятой на конференции Тукумской парторганизации 23 II 1919 г. сказано следующее: «Фронт надо укреплять членами партии. Этим мы не только увеличим армию численно, но и повысим ее боеспособность. Конференция решила мобилизовать 25% своих членов. Проведение мобилизации поручается местным партийным группам до 1 марта. Всех мобилизованных направлять в Тукум в распоряжение Тукумского военного отдела»². Было проведено несколько мобилизаций коммунистов и к началу мая месяца в тылу годных к военной службе коммунистов не осталось. Даже коммунисты-инвалиды, старики и женщины считались мобилизованными по месту работы. Напр., в Риге все они числились в городском гарнизоне и во внерабочее время несли караульную службу или выполняли другие поручения коменданта города.

Партийные мобилизации дали армии несколько сот проверенных коммунистов, которые цементировали армию и повышали ее боеспособность. Во всех полках были созданы довольно многочисленные для того времени партийные кол-

¹ «Цесу Зиньотайс», 1919 г., № 17.

² «Тукума Циня», 1919 г., № 5.

лективы, на которые опирались эмиссары (комиссары) в своей работе по созданию железной революционной дисциплины. В армии партийные организации вели большую массовую и индивидуальную политико-воспитательную работу с бойцами, а члены партии являли собою образец мужества, дисциплинированности и стойкости.

Значительное внимание КПЛ уделяла борьбе с отсталыми взглядами в вопросе о построении армии, отстаивая ленинские принципы военной политики. Армия Советской Латвии строилась накануне VIII съезда РКП(б), когда вопрос о строительстве вооруженных сил был новым, мало разработанным. Накануне VIII съезда РКП(б) он явился предметом широкого и острого обсуждения партийных конференций и армейских партийных организаций РСФСР. Естественно и в Латвии, где армия только что создавалась, в головах отдельных коммунистов имелась значительная путаница, от которой они окончательно освободились лишь после VIII съезда РКП(б).

Латышская стрелковая дивизия в Советской России сохранила свою особую организацию. В отличие от других соединений Красной Армии она управлялась выборным Советом и его исполкомом («Исколастрелом»), а полки — полковыми комитетами. Поскольку латышские полки состояли из проверенных, преданных советской власти бойцов и командиров, которые с полным сознанием своего долга и обязанностей добровольно вступили в Красную Армию и прославились своей стойкостью и мужеством на многочисленных фронтах гражданской войны, постольку Советское правительство РСФСР не стало требовать ликвидации выбранных ими учреждений. Подобная организация латышских стрелковых полков была допустима до тех пор, пока полки комплектовались только из проверенных добровольцев — выходцев из рабочих и батраков, но и то она себя полностью не оправдывала.

После сосредоточения дивизии в Латвии коллективы требовали сохранения комитетов и даже расширения их прав. Вопрос особенно обострился накануне 3-й конференции коммунистических организаций (фракций) латышских стрелковых полков. Сторонники сохранения комитетов и выборного командного состава выступали против распространения на Армию Советской Латвии общих организационных принципов Красной Армии, мотивируя это тем, что в России обстановка совершенно иная, чем в Латвии. По их мнению вследствие резкой классовой дифференциации населения, Армия Советской Латвии является не крестьянской, а пролетарской по

своему составу и что вследствие этого те методы руководства, которые неприемлемы в РСФСР, являются целесообразными в конкретных условиях Латвии.

Сторонники комитетов получили поддержку и среди некоторой части выдержанных, преданных Советской власти армейских коммунистов, которые были недовольны политикой Троцкого и некоторыми командирами, которые были назначены Полевым штабом РККА, в частности зам. командира Армии Латвии Апином, командиром Валкской группы войск Лиэлбиксом и др. Последний находился вне дивизии, когда та сражалась на фронтах гражданской войны в Советской России, и вступил в нее лишь тогда, когда ее стали перебрасывать на Западный фронт. Стрелки были недовольны и многими другими командирами, которые по протекции сторонников Троцкого получили высокие назначения, но не соответствовали им ни по деловым, ни политическим качествам, напр., Майгуром, Карлсоном и другими, которых они с иронией величали «их высочествами». Опасения стрелков оказались обоснованными и позднее многие нелюбимые стрелками командиры изменили Советской власти и перешли на сторону белых. В. И. Ленин не раз указывал на то, что старые офицеры неоднократно изменяли Советской власти и что случаи измены будут иметь место и впредь, но что вместе с тем нельзя построить боеспособную армию без военных специалистов и поэтому надо их привлечь в армию, но подчинить строгому контролю комиссаров и перевоспитывать их. Значительная часть красноармейцев этого не понимала и требовала выборности командного состава. Они требовали, чтобы контроль над военными специалистами был передан партийным ячейкам и выборным комитетам стрелков. Они не понимали того, что контроль со стороны партийных ячеек и особенно выборных комитетов и их вмешательство в оперативную работу штабов, внесли бы анархию в управление и руководство армией, ослабили бы железную военную дисциплину, сковали бы инициативу и самостоятельность действий командира во время боя. Среди стрелков, в том числе и коммунистов, были и такие, которые о войсковых учреждениях судили исходя не из их сущности, а из того, как они до этого работали и каковы были личные качества тех, кто их возглавлял. Например, недовольство комиссаром 2-го лат. полка, который не справлялся со своими обязанностями и был заносчив с бойцами, было причиной того, почему делегаты этого полка резко выступили против института комиссаров.

20 февраля 1919 г. открылась III конференция коммуни-

стических организаций латышских стрелковых полков. Уже во время сообщений с мест начались острые дискуссии по вопросу о построении армии и наметились резкие расхождения во мнениях. Делегаты 6 и 9 латполков резко выступали против комитетов, считая что система комитетов себя не оправдывает. Они предлагали руководство всей политической работой и контроль за командными кадрами сосредоточить в руках комиссаров. Рьяно за систему комитетов выступали делегаты 2-го полка, мнение которых поддержали делегаты кавалерийского дивизиона, горячие поборники системы комитетов и часть делегатов 1-го полка. Все остальные особенно на системе комитетов не настаивали, хотя первоначально и высказались за нее.

Таким образом, уже в первый день конференции наметились 3 основные течения по вопросу о построении армии. Присутствующий на конференции инспектор армии Советской Латвии тов. Берзин, поддержанный делегатами 9 и 6 латполков, отстаивал ленинские принципы построения армии. Он требовал уничтожения комитетов, усиления единоначалия, т. е. создания боеспособной, централизованной, регулярной армии с железной революционной дисциплиной. В своем выступлении тов. Берзин заявил: «Товарищи, далее недопустимо такое положение, в каком теперь находится армия. Сейчас в армии господствует многоначалие в полном смысле этого слова. Мы не можем считаться с тем, что требуют отдельные лица или комитеты. Мы хорошо понимаем, что армии не нужны митинги. Передача власти полковым комитетам означает передачу нашей цели неизвестным лицам. Это мы не можем допустить. «Исколастрел» отжил свое время. Он не способен руководить армией. Раньше в полковых комитетах были коммунисты, которые разрушили старую армию. Теперь армию надо не разрушать, а строить. Революционный военный Совет должен быть высшим органом в армии. Система и власть в армии должна быть едина»¹.

Сторонники децентрализации армии и системы комитетов группировались вокруг Рихтера Б., который выдвинул крайне ошибочные тезисы, означающие возврат к системе комитетов и выборности командного состава сверху донизу. По его мнению, выбранный стрелками «Совет Красной Армии Латвии» является высшим учреждением в армии и органической составной частью ЛССР. Он осуществляет решения центрального органа власти ЛССР — Вселатвийского съезда рабочих депутатов в Армии Советской Латвии и в соответствии с

¹ «Саржанайс стрелниекс», 1919 г., № 9.

² Там же.

этими решениями определяет границы деятельности исполкома Красной Армии Латвии»². По его мнению, «Исполком контролирует и руководит оперативной, административной, юридической и хозяйственной жизнью, а также назначает весь командный состав, начиная с командира батальона и кончая командиром армии»¹. Большинство делегатов конференции поняло, что проект построения Армии Советской Латвии, выдвинутый В. Рихтером, означает возврат к партизанщине и давно пройденному этапу в строительстве Красной Армии и он был отвергнут большинством голосов.

Горячую поддержку, несмотря на полную ошибочность, нашел другой проект, внесенный членом «Исколастрела» Зекке. Он в целом стоял за единоначалие в руководстве армией, но вместе с тем отдавал известную дань партизанщине, противопоставляя коммунистические организации комиссарам. Согласно этому проекту Армия Советской Латвии должна была создаваться на основе всеобщей воинской повинности. Руководство армией должно было находиться в руках Реввоенсовета, который должен был работать под руководством и контролем военного Комиссариата. Оперативное руководство должно было осуществляться соответствующими командирами. В тезисах по этому вопросу было сказано следующее: «Оперативные вопросы решаются командирами самостоятельно в согласии с соответствующими эмиссарами полков и военными Советами. За свою оперативную работу они ответственные перед вышестоящими командирами, соответствующими военными Советами и Правительством»². Что касается назначения командиров, то по мнению Зекке, кандидатов на посты командира дивизий и бригад назначает командир армии с согласия эмиссара и утверждает РВС армии. Командиров полков, батальонов и рот назначает с согласия эмиссаров вышестоящий командир. Контроль за хозяйственной и административной жизнью полка должен находиться в руках выбранного стрелками полкового комитета, состоящего из 3 членов. Комиссары в Армии Советской Латвии должны называться эмиссарами. В каждом полку должны быть 2 эмиссара: один, назначенный военсоветом бригады из членов полкового комитета, в его обязанности входит контроль за деятельностью штаба полка; другой выбранный «Исколастрелом», он должен контролировать хозяйственную и административную часть полка. Командира армии и его заместителя по данному проекту назначает и освобождает от занимаемой должности Советское правительство Латвии. Членов военных

¹ «Сарканайс стрелникс», 1919 г., № 9.

² Там же, 1919 г., № 10.

Советов дивизий и бригад с согласия ЦК должны были выстав-лять коммунистические организации латышских стрелко-вых полков. Члены Реввоенсовета армии Советской Латвии назначаются Советским правительством Латвии, а дивизий и бригад Реввоенсоветом армии Советской Латвии. Несмотря на то, что проект был ошибочным, он был принят большинст-вом голосов (32 из 69). Наиболее слабым местом этого про-екта была та часть, где шла речь о политработе в армии. На военных комиссаров возлагались лишь контрольные функции за деятельностью военных специалистов и штабов. Вся поли-тическая и культурно-просветительная работа передавалась целиком в руки коммунистических организаций полков.

Многие делегаты были против принятой резолюции. От их имени тт. Дауман, Берзин и Блумфельд в тот же день инфор-мировали об этом военного Комиссара тов. К. Петерсона и подробно осветили ему ход конференции и возникшие раз-ногласия. По словам Берзина Р.: «В правительстве этот воп-рос не поднимался и конструкция Армии Советской Латвии не была разработана. Заседание конференции было отложено на следующий день. Состоялось заседание правительства. На второй день с сообщением на конференции выступили тт. Пе-терсон и Данишевский. Последний от имени ЦИК предложил компромиссную резолюцию, которая была взята за основу впоследствии утвержденного «Положения об организации Армии Советской Латвии»¹. Позиция КПЛ в строительстве армии была изложена в выступлении военного Комиссара тов. Петерсона, но предложенная резолюция не нашла под-держки у большинства делегатов конференции и 28-ю голо-сами за, 37-ю против была отвергнута, в связи с чем Дани-шевский вынужден был наскоро составить компромиссную резолюцию, которая большинством голосов была принята.

Вопрос о принципах построения Армии Советской Латвии должен был быть окончательно решен на VI съезде КПЛ, поэтому после конференции коммунистических организаций латышских стрелковых полков споры о структуре армии и ее руководстве разгорались с новой силой. Неправильные пози-ции в вопросе о построении армии занял и один из членов Советского правительства Латвии Розин-Азис, сугубо граж-данский человек, совершенно незнакомый с военными вопро-сами. Он считал, что от Красной Армии нельзя требовать, чтобы она действовала по команде «смирно», т. е. по его мнению революционная дисциплина в армии должна созда-ваться одним лишь убеждением без принуждения.

Наиболее видные командиры Армии Советской Латвии тт.

---

¹ «Латвю революционарайс стрелниекс», т. 1, стр. 134.

Данишевский, Берзин, Петерсон, Янелис и другие выступили за организацию армии на принципах централизма, единоначалия и железной революционной дисциплины, за ликвидацию в армии выборных учреждений, за усиление и поднятие авторитета командного состава, за сосредоточение руководства всей партийной работы в руках политотделов и комиссаров. Наиболее полно ленинские принципы построения Армии Советской Латвии были высказаны в статье Р. Берзина, напечатанной в газете «Известия ВЦИК». Тов. Берзин писал следующее: «Пройденный тернистый путь по созданию русской Красной Армии нам очень ясно показывает, каким способом надо проводить в армии волю пролетариата. Находить для армии Латвии другие пути, напр., при помощи комитетов, керенщины — значит повернуть колесо назад»¹. Берзин считал, что армия не является самостоятельным организмом в системе диктатуры пролетариата, которая сама определяет свои задачи и издает для себя законы. По его мнению армия является орудием диктатуры пролетариата, его вооруженной силой, поэтому в армии недопустимы выборные органы — комитеты. Армия не имеет права сама издавать себе законы и решать, что ей делать, а должна выполнять волю пролетариата и его органов власти. Исходя из этого, армия не имеет права сама себе назначать командиров и политработников, а должна подчиняться тем лицам, которым Советское правительство и ЦИК доверили руководство армией. Тов. Берзин писал: «Я вновь уверен, что VI партийный съезд Латвии скажет свое веское слово и заставит «коммунистов по паспорту» быть действительными защитниками диктатуры коммунизма, вразумив их в недопустимости ребячества и кустарничества в строительстве Армии Латвии. Съезд должен сказать, что пролетариат борется не за старую традицию, а за уничтожение всех традиций, ненужных и вредных для его успешной борьбы. Армия Латвии будет сильна, боеспособна, если ее построить по требованиям военной науки и воспитать в духе революционного коммунизма. В это я верю и верит каждый сознательный солдат Армии Латвии»².

Решениями 3-й конференции коммунистических организаций латышских стрелковых полков был недоволен командующий. Он требовал от РВС армлат, чтобы тот не допускал дискуссий по вопросу о построении армии и назначении комсостава, а более энергично руководил бы боевыми действиями и укреплением дисциплины в армии. По инициативе главкома, 25 февраля 1919 г. в Даугавпилсе было соз-

¹ «Известия ВЦИК», 1919 г., № 72.

² Там же.

вано особое совещание РВС армлат. На совещании присутствовали: главком Вацис, член РВС РСФСР — Аралов, и члены Реввоенсовета Армии Советской Латвии. Совещание вскрыло ряд недочетов, как в комплектовании Армии Советской Латвии, так и в ее руководстве, построении и снабжении. Совещание нашло, что комплектование армии одними только добровольцами, себя не оправдало и не дало возможности довести полки до штатного состава и что не все зачисленные в армию добровольцы по состоянию здоровья и другим качествам пригодны для службы в армии. Совещание решило: «...комплектование Армии Латвии добровольцами в будущем необходимо приостановить и перейти к укомплектованию ее на основе всеобщей воинской повинности, призывая в первую очередь года обученные и служившие в старой армии»¹. Военной инспекции было поручено срочно проверить на месте все войсковые части армии Латвии, определить количество нестроевых в каждом соединении. Командирам и комиссарам вменялось в обязанность при формировании новых соединений в первую очередь укомплектовать до полного состава строевые части, развивая параллельно по мере фактической необходимости нестроевые элементы.

В интересах централизации руководства и усиления единоначалия в армии совещание рекомендовало «Советскому правительству Латвии всеми возможными средствами поднять авторитет Реввоенсовета Армии Латвии, на который возлагается вся ответственность как за успешность операции, так равно и за благоустройство Армии Латвии»². Особое внимание совещание уделило политической работе в армии, нашла ее недостаточной, руководство распыленным между комиссарами и партийными ячейками частей. Совещание решило, с целью усиления политработы и централизации руководства ею, перевести Организационный комитет Латышских стрелковых полков в Даугавпилс и слить его с политотделом РВС. Совещание указало, что необходимо издать положение о комиссарах в Армии Советской Латвии, определить круг их деятельности, ответственность и взаимоотношения с командным составом и предложило назначение комиссаров в дальнейшем производить только Реввоенсовету Армии Советской Латвии, а не партийным организациям полков.

Вопрос о построении Армии Советской Латвии и компетенциях ее руководящих органов (РВС) и выборных армейских учреждений окончательно был решен на VI съезде ЛКП и изложен в принятом на съезде «Положении об орга-

¹ ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, ех. 1053, л. 1.

² Там же, л. 2.

низации Армии Социалистической Советской Республики Латвии». Решения съезда были той принципиальной основой, благодаря которой была создана боеспособная, централизованная, регулярная Армия Советской Латвии. Согласно «Положения» Армия Советской Латвии должна была комплектоваться на основе всеобщей воинской повинности. Армия создавалась по классовому принципу, т. к. в ее ряды принимались лишь трудящиеся. Структура армлат была идентична структуре других армий РСФСР; она имела те же формы руководства, обучения, формирования, такие же подразделения, штаты, учреждения. Во главе Армии Советской Латвии стоял Реввоенсовет — коллективный орган, который осуществлял оперативное руководство и управление и в руках которого находилась вся полнота власти в действующей армии. РВС был ответственен перед Советским правительством и ЦИК ЛССР. РВС армлат состоял из 4—6 членов, назначаемых Советским правительством Латвии из кандидатов, выставленных партийной конференцией или Оргкомом латышских стрелковых полков. То что кандидатов на пост членов РВС выставлял Оргком коммунистических организаций стрелков, не шло в разрез с решениями VIII съезда РКП(б).

Командир Армии Советской Латвии и его заместитель назначались правительством Советской Латвии, они входили в состав РВС армлат. Командарм действовал в пределах директив ЦК КПЛ и Советского правительства Латвии, но в вопросах оперативно-стратегического характера был самостоятельным, но в своих действиях отвечал перед РВС армлат, главнокомом и Реввоенсоветом РСФСР. Приказы командарма имели силу, если они были подписаны членом РВС. В дивизиях и бригадах вся полнота власти принадлежала Реввоенсоветам бригад и дивизий. Кандидатов в члены РВС дивизий и бригад выставляли комитеты коммунистических организаций стрелков с согласия ЦК КПЛ, назначал Реввоенсовет армлат.

Командиры всех частей назначались, причем командиры дивизий, бригад, полков — соответствующими Реввоенсоветами, командиры батальонов и ниже вышестоящими командирами. Оргкомитет коммунистических организаций имел право выставлять кандидатов на командные, хозяйственные и административные должности. Таким образом, и в вопросе назначения командного состава в Армии Советской Латвии строго соблюдался принцип централизации и ни о каких пережитках партизанщины не могло быть и речи. В таком же централизованном порядке назначались и комиссары, члены Революционных военных трибуналов и другие должностные лица.

Значительное место в «Положении» об организации Армии Советской Латвии отводилось Совету Армии его исполкому и полковым и ротным комитетам. «Положение» допускало в Армии Советской Латвии выборные органы стрелков, как-то Совет и комитеты в полках. Совет Армии выбирался всеми стрелками и собирался 1 раз в каждые 4 месяца с тем, чтобы выбрать исполнительный комитет («Исколастрел») в составе 9 человек и заслушать отчет прежнего «Исколастрела». Согласно положению «Исколастрел»: «...осуществляет в Армии Латвии постановления съездов, ЦИК, правительства и Совета Армии. Он заботится об укреплении революционной дисциплины в армии и ее боеспособности. В своей деятельности исполком ответственен перед Реввоенсоветом, которому он обязан представлять ежемесячный отчет»¹. После VIII съезда РКП(б) полномочия «Исколастрела» и полковых комитетов были ограничены контролем за деятельностью хозяйственных учреждений, т. е. «Исколастрел» и комитеты выполняли те функции, которые в других армиях выполняли избираемые бойцами Контрольные комиссии. Кроме того «Исколастрел» распоряжался средствами культурно-просветительных организаций армии и под его руководством работали товарищеские суды. В оперативную деятельность штабов и командиров они не имели права вмешиваться и этого не делали. Наличие выборных комитетов не нарушала регулярный характер армии и не шло в разрез с решениями VIII съезда РКП(б), в которых было сказано: «Возможная комбинация выборности и назначения диктуется революционной и классовой армии, исключительно практическими соображениями и зависит от достигнутого уровня формирований, степени сплоченности армии, наличия командных кадров»².

Наиболее слабой частью положения была та, в которой шла речь о политработе в армии. Фактически о ней говорилось лишь мимоходом. Вся ответственность за политработу в частях возлагалась на коммунистические организации частей, которые уже в силу фронтовой обстановки с этой задачей были не в состоянии справиться. Притом товарищеские суды, согласно этому положению, должны были находиться не под контролем и руководством политотделов и партийных ячеек, а под руководством «Исколастрела» и полковых комитетов. То же относится и к культурно-просветительным учреждениям.

Армия Советской Латвии являлась составной частью Красной Армии. Оперативное и административное руковод-

¹ «VI съезд ЛКП». Изд-во «Спартак», 1920 г., стр. 100.

² КПСС в резолюциях, т. 1, стр. 436.

ство Армией Советской Латвии осуществлял РВС РСФСР. Армия Латвии с момента создания была подчинена командующему Западным фронтом. В связи с усилением боевых действий против белоэстонцев 6 II 1919 г. Армия Советской Латвии была подчинена командующему Северным фронтом. 12 II 1919 г. в связи с сложившейся обстановкой и необходимостью объединения руководства действиями армий на западе и на северо-западе в одних руках, был образован Западный фронт в составе VII армии, Армии Советской Латвии и западной армии и одновременно с этим Северный фронт был упразднен. С этого времени Армия Советской Латвии все время находилась в составе Западного фронта.

Структура Армии Советской Латвии была такой же как структура других армий РСФСР. Все приказы и распоряжения командующего Западным фронтом и его штаба Армия Советской Латвии исполняла беспрекословно. Видный военный деятель эпохи гражданской войны Р. Берзин в своих воспоминаниях пишет: «Как представитель Красной Армии я должен категорически заявить, что за время моей пятимесячной деятельности в Латвии мне не пришлось встретиться ни с одним подобным фактом (т. е. с фактом сепаратизма). Каждое распоряжение Западного фронта было выполнено, если оно только было посильным для армии. Советское правительство Латвии не делало ни малейшего нажима на РВС, чтобы он вел какую-то специфическую военную политику латвийского правительства»¹.

В Армию Советской Латвии, так же как и в другие советские армии, иностранные разведки засылали своих шпионов, которые должны были собрать сведения о численном и техническом составе советских войск, о боевых качествах армии, подготовляемых ею операциях, с тем чтобы все это учесть при составлении своих тактических и стратегических планов. Кроме того, в нее засылались агенты, которые должны были вести подрывную работу внутри армии. Они распространяли всевозможные слухи, вели контрреволюционную агитацию, настраивали бойцов против командиров и комиссаров. Такую же работу вели в армии проникшие при последних мобилизациях кулаки и другие контрреволюционные элементы. Комиссары и коммунисты бдительно следили за поведением политически ненадежных личностей, своевременно пресекали их контрреволюционную деятельность. Они мобилизовывали на борьбу с происками врагов бойцов. Напр., на заседании Совета 2-го кавалерийского эскадрона 5 V 1919 г. коммунист Осис заявил: «О первом эскадроне могу

¹ Латвияс революционарайс стрелникс», т. 1, стр. 138.

еще следующее сообщить, что командир 2-го взвода Баркевиц, много преступлений сделал и вел ярую агитацию против Советской Латвии, поэтому предлагаю товарищам держать ухо наостро, и поставить его под строгий контроль, и если что заметят, немедленно сообщить комиссару или комитету дивизиона . . .»¹. Подобные случаи были не единичны. Несмотря на бдительность партийных организаций и бойцов они одни были не в силах разоблачить пробравшихся в армию иностранных агентов, для этого были необходимы специальные органы.

В первые же дни создания Армии Советской Латвии при РВС был создан отдел Военного контроля, который имел отделения и своих тайных наблюдателей во всех частях и прифронтовых районах. Военный контроль был контрразведкой и в его обязанности входила борьба с военным шпионажем.

Военный контроль в своей работе руководствовался утвержденным РВС РСФСР 3 октября 1918 г. «Положением». В отдел поступали сообщения наблюдателей, он регистрировал весь агентурный материал, информировал и давал задания отделениям, руководил наблюдателями и распределял их в зависимости от текущей работы по отделениям. Он не только обнаруживал и арестовывал шпионов, но и производил расследования. В случае недостаточности улик или необоснованности обвинения он дела прекращал. Дела виновных после предварительного расследования передавались в Революционный военный трибунал для окончательного расследования и вынесения соответствующего приговора.

В первое время Военный контроль не был перегружен работой, т. к. армия пополнялась батраками и рабочими, в частях было много старых стрелков, которые хорошо друг друга знали, и пробравшихся в армию иностранных агентов удавалось быстро разоблачить. Картина изменилась после перехода в наступление армии фон дер Гольца и ухудшения военного и экономического положения Республики. Контрреволюционеры осмелели и решились на активные действия: саботаж, и контрреволюционную агитацию. Диверсии были исключительно редкими в Советской Латвии, благодаря бдительности рабочих и безземельных. Контрреволюционная деятельность выливалась главным образом в агитации среди наиболее отсталой массы стрелков. Излюбленным методом контрреволюционной агитации было противопоставление коммунистов беспартийным, с тем чтобы подорвать доверие бойцов к коммунистам и тем самым расколоть армию. Благодаря оперативности Военного контроля и бдительности

¹ ЦГА ЛССР, ф. Р-25, оп. 1, ех. 137, д. 71.

комиссаров и бойцов, агитация пресекалась, контрреволюционеры своевременно выявлялись и предавались Революционным военным трибуналам. Врагам не удалось подорвать высокие боевые качества Армии Советской Латвии даже в критические минуты ее существования. Об оперативности Военного контроля свидетельствуют хотя бы следующие отрывочные факты: Напр. в апреле месяце 1919 г. в 4-м лат. полку была обнаружена белогвардейская ячейка, в Вольмарском добровольческом батальоне был разоблачен шпион, в прифронтовом Цесисском уезде в волости Яун-Пиебалгас была раскрыта белогвардейская организация, в Смилтене среди мобилизованных были выявлены 6 белогвардейцев. Благодаря помощи трудящихся прифронтовых районов и бдительности и преданности советской власти стрелков пробравшихся в тыл и в армию контрреволюционеров удалось без большого труда разоблачить. Значительно труднее было выявить крупных шпионов и диверсантов, пробравшихся в штабы дивизий и бригад. Там они находились в своей среде. Многие честные военные специалисты пропускали мимо ушей их контрреволюционные высказывания, считая их пережитками буржуазной психологии. Здесь комиссару часто в одиночку приходилось бороться и выявлять замаскировавшихся контрреволюционеров, а наблюдателям Военного контроля трудно было проникнуть в среду реакционного офицерства, которое знало друг друга еще по первой мировой войне, поэтому время от времени имели место перебежки отдельных штабных работников на сторону противника. Напр., во время отступления из Елгавы, на сторону белых перешла целая группа штабных специалистов, а в апреле месяце из штаба недавно сформированного Рижского полка к белым перебежали 10 сотрудников.

В служебном отношении все военнослужащие, как за служебные так и за уголовные преступления, подлежали суду Революционного военного трибунала. Военный трибунал главным образом был загружен делами о проникших в армию белогвардейцах и шпионах. Одновременно ему приходилось рассматривать и ряд дел об уголовных преступлениях призванных в армию малосознательных или деклассированных элементов. По делам о шпионаже, контрреволюционной деятельности и тяжелых уголовных преступлениях трибунал выносил самые суровые приговоры вплоть до расстрела. К ответственности также привлекались бойцы, самовольно отлучившиеся из армии, чтобы повидаться с родственниками, военнослужащие, совершившие мелкие уголовные преступления и дисциплинарные проступки. К ним применялись более

мягкие меры наказания. Нарушителей дисциплины, несознательных дезертиров и т. п. либо приговаривали к нескольким месяцам тюремного заключения, либо зачисляли в рабочие роты, которые использовались на рытье окопов и других тяжелых земляных работах.

Подход Революционного военного трибунала к различным преступлениям и проступкам был дифференцированным. Напр. 2 апреля 1919 г. «Ревтрибунал Армии Советской Латвии в составе Крумина (пред.), Ярцева и Лиелпина (члены) приговорил красноармейца политотдела Двинского исполкома Михеева к условному тюремному заключению сроком на 1 год за похищение во время обыска 2-х глиняных кружек, 4-х кусков мыла, 1 чайной ложки, 1-й колоды карт и 1-й бритвы»¹. Боец совершил преступление в силу своей темноты и несознательности и сам в нем чистосердечно сознался. Для него даже такой мягкий приговор был тяжелым наказанием.

Совершенно иной подход у членов ревтрибуналов был к тем, которые сознательно совершали проступки или преступления или в корыстных целях использовали свое служебное положение. Напр. «Реввоен трибунал Армии Советской Латвии на заседании 6 марта 1919 г. под председательством Крумина, членов Банковича и Лютера, за то что М. Масловский, будучи назначен начальником Двинского гарнизона, позволил себя во время дежурства пить спиртные напитки и в пьяном виде ходил проверять караулы, приговорил его к тюремному заключению сроком на 10 лет»².

Наиболее тяжелым преступлением в условиях смертельной схватки двух миров были перебежки на сторону неприятеля и дезертирство во время боя. Реввоен трибунал беспощадно карали изменников и дезертиров. Напр., 8 апреля Реввоен трибунал Реввоенсовета Курляндско-Лифляндской группы войск приговорил 4-х красноармейцев за умышленное саморанение с целью уйти с фронта и избежать сражений с неприятелем к расстрелу, который в тот же день был приведен в исполнение. В приговоре было сказано: «Шкурникам нет места в рядах доблестной армии, чтобы пятнать красноармейцев, честно выполняющих свой долг»³.

Несмотря на условия военного времени, постоянные продвижения и передвижения войск, когда трудно было выявить преступников, ни один случай уголовного или политического преступления не оставался без расследования. Революционные военные трибуналы и коменданты зорко стояли на стра-

¹ ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, ех. 795, л. 52.

² Там же, л. 12.

³ ЦГА ЛССР, ф. Р-25, оп. 1, ех. 131, л. 21.

же революционной законности и сурово карали преступников, совершивших преступления не в силу темноты и неосознанности, а в силу корыстных побуждений и преступных склонностей. Напр., в приказе коменданта гор. Риги от 14 марта 1919 г. сказано: «В ночь с 13 на 14 марта, возвращаясь из гор. Митавы в гор. Ригу, вместе с военным Комиссаром Латвии и сотрудниками был остановлен проезжавшими по Рижскому шоссе беженцами, возвращающимися к себе на Родину, которые обратились к нам с просьбой о защите их от напавших грабителей. Грабители, по словам беженцев, отобрали у них деньги и мелкие ценные вещи. После поисков нами были задержаны два красноармейца при оружии, третий из них бежал. Задержанные оказались солдатами 2-го кав. дивизиона: К. З. Контревицем, гражданином Добленского уезда, А. А. Виглиным, гр-м Рижского уезда. Гражданин Контревиц и Виглин были опознаны и сознались. На основании этого я приказал Контревица и Виглица расстрелять, что и было приведено в исполнение»¹.

Революционные военные трибуналы были не только боевыми карающими органами Советской власти, но и воспитательными учреждениями. К ответственности привлекались не только лица, совершившие преступления, но и небрежно относящиеся к своим служебным обязанностям, социалистической собственности, правилам социалистического общежития. Напр., комендантом были переданы Реввоен трибуналу красноармейцы, несмотря на неоднократные предупреждения, глушившие рыбу и попортившие кабель на реке Лиелупе. К административной ответственности комендантом Риги были привлечены шофера, на большой скорости ездившие через деревянный мост.

Сам судебный процесс, на котором председатель или члены трибунала апелировали к сознанию и человеческим достоинствам виновного, указывая на тяжелые последствия для советской власти подобных проступков, на позор, который ложился не только на совершившего проступок, но и на всю Красную Армию, оказывал большое воспитательное влияние на большинство виновных, совершивших проступок, а иногда и преступление в силу темноты и укоренившейся морали старой армии.

Боеспособность Армии Советской Латвии в значительной степени зависела от наличия в ней теоретически подготовленных, опытных, знающих свое дело командиров. В 1-й Латдивизии такие командиры были, но вследствие непрерывных боев их убыль была значительна. Красных офицеров в пер-

¹ ЦГА ЛССР, ф. Р-25, оп. 1, эк. 131, л. 12.

вые годы существования Советской власти было мало, поэтому приходилось использовать бывших офицеров царской армии. Их состав был политически неоднородный. Большинство из них служило в Красной Армии, покоряясь необходимости. Но были среди них и такие, которые пройдя через ужасы мировой войны и будучи современниками великой социалистической революции, стали убежденными сторонниками Советской власти. Напр., пом. командира 10 лат. полка Сименов писал о том, что привело его в ряды Армии Советской Латвии следующее: «Я как бывший капитан, трижды раненный, с сентября месяца 1915 г. командовал батальоном, вынес на своих плечах всю прошлую войну, но сохранил свою честь гражданина... Я лично стогаю желанием находиться, хотя бы вечно на фронте. Я отлично сознаю серьезность и справедливость этой тяжелой борьбы и давно бы вступил в ряды красных борцов, но осужденный с полной несправедливостью немецким «коронным» судом в Риге к 3 годам каторжного заключения, отсидел лишь всего 7 м-цев, благодаря освобождению Риги от немецких угнетателей... Если меня освободил восставший латышский рабочий, то святая моя и прямая обязанность или умереть или освободить его. Для меня теперь это смысл моей жизни и с таким только желанием, несмотря на ранения, я добровольно поступил в ряды красных советских войск»¹.

Для проверки лояльности мобилизуемых или добровольно вступивших в Армию Советской Латвии офицеров и других военных специалистов, для отсева политически неблагонадежных и контрреволюционно настроенных из них 2 марта 1919 г. решением Реввоенсовета Армии Советской Латвии была создана аттестационная комиссия (инспекция). Председателем комиссии был назначен член Реввоенсовета Дауман А. Аттестационная комиссия составляла списки военных специалистов, изъявивших желание добровольно служить или по мобилизации привлеченных в Красную Армию, затем публиковало их в печати. Партийные и общественные организации, рабочие, батраки, Советские учреждения внимательно просматривали эти списки и, если им попадались имена контрреволюционно настроенных офицеров, они об этом сообщали в аттестационную комиссию. Напр. Валмиерский уездный комитет партии в сообщении писал: «В № 42 газеты «Циня» в кандидаты на должность командира роты минометчиков упоминается И. Л. Сообщаем, что упомянутый И. Л. активный организатор белой армии Ульманиса, принимал участие в собрании, на котором обсуждался

¹ ЦГАСА, ф. 200, оп. 2, ех. 380, л. 51.

вопрос об убийстве Валмиерских товарищей. Его дела нами сданы Трибуналу 1-й дивизии для расследования и мы не понимаем, почему данный тип еще не арестован, а его кандидатура выдвигается на ответственный пост»¹.

Комиссия наводила справки на всех лиц командного состава, знакомилась с характеристиками общественных и партийных организаций или воинских частей, в которых ранее служил военный специалист, а затем решала вопрос о целесообразности его использования на той или иной должности.

С целью укрепления железной военной дисциплины в армии, для ознакомления бойцов с обязанностями службы, повышения ответственности за выполняемые ими поручения, Реввоенсовет Армии Советской Латвии разработал и 16 марта опубликовал «Положение о революционной дисциплине и порядке и боеспособности в Красной Армии Советской Латвии», которое являлось военным уставом Армлат. В нем были изложены основные обязанности бойцов. В введении к уставу ставилась общая цель для войск Армии Советской Латвии, которая была сформулирована следующим образом: «Долг каждого рабочего и крестьянина — победить или умереть за святое дело революции»². В разделе 1-м определялся порядок отдачи приказов, приказаний и распоряжений, в разделе 2-м порядок контроля над командным составом и другими должностными лицами, в разделе 3-м рассматривалась ответственность командиров и должностных лиц перед Реввоенсоветом. Этот раздел предусматривал бдительный надзор комиссаров за командирами с целью пресечения попыток измены и перехода на сторону противника. Напр. § 9 гласил: «В случае явно преступных со стороны командиров и должностных лиц деяний, с несомненной целью предательства или измены, а также уклонения от своих обязанностей в бою, комиссар совместно с командиром части обязаны применить к виновным самые решительные меры вплоть до расстрела»³.

В 4-м разделе шла речь об исполнении приказов, приказаний и распоряжений. Согласно параграфам этого раздела боец должен был с доверием относиться к приказам, неукоснительно соблюдать военную дисциплину и беспрекословно выполнять приказы вышестоящих лиц. Об этом в § 10 сказано следующее: «Все приказы, приказания и распоряжения контролируются и скрепляются передовым борцом револю-

¹ ЦГА ЛССР, ф. Валмиерского уезда, дело № 2, л. 34.

² Там же, ф. 1515, оп. 1, ех. 709, л. 137.

³ Там же, л. 138.

ции — партией коммунистов в лице своих комиссаров, вполне надежных и испытанных членов партии. Поэтому все приказы и распоряжения, отданные в установленном порядке за подписью соответствующих комиссаров или членов Военных Советов должны быть исполнены беспрекословно, точно, своевременно и добросовестно»¹.

Устав апеллировал к сознательности бойцов и указывал, что мотивом неисполнения того или иного приказа не могут служить различные недостатки и лишения «...ибо все поставленные под оружие рабочие и крестьяне должны знать, что наша страна переживает крайнюю экономическую разруху, и что все возможное делается для снабжения армии, и, наконец, что завоевания революции и общие интересы всех трудящихся масс, за которые мы воюем, выше всех мелочных интересов, нужд и даже жизни»².

В V разделе определялась ответственность за неисполнение приказов, приказаний и распоряжений.

В VI разделе указывалось, что поведение воина Красной Армии, который борется за высокие цели социалистической революции, должно принципиально отличаться от поведения солдат буржуазной армии. Согласно § 19 Устава: «Каждый воин социалистической Красной Армии, борющийся за уничтожение насилия, несправедливости, угнетения, рабства, эксплуатации и обмана, за всемирный пролетарский коммунизм, свободу и братство всех трудящихся, перед лицом всего мира сам должен служить примером честности, справедливости и добросовестности революционного гражданина, помня, что по нем судят не только о Красной Армии, но также о всем социалистическом строе»³.

В VII разделе шла речь о воинском долге красноармейцев Советской Латвии, который определялся как беззаветное служение революции и готовность без колебаний отдать за нее свою жизнь, т. к. для «революционера потерпеть поражение и остаться живым, значит все равно смерть или в лучшем случае — рабство и угнетение»⁴. Устав гласил, что трусам и предателям, предающим своими поступками дело революции и своих товарищей не должно быть пощады и они должны нести такую же кару, как насильники, грабители и воры.

Устав заканчивался словами: «Условие победы — железная революционная дисциплина, сознание своего долга и цели, сплоченность, храбрость, стойкость и вера в победу»⁵.

¹ ЦГА ЛССР, ф. 1315, оп. 1, ех. 709, л. 138.

² Там же.

³ ЦГА ЛССР, ф. 1515, оп. 1, ех. 709, л. 138.

⁴ Там же, л. 139.

⁵ Там же.

Судя по содержанию, в основу «Положения о революционной дисциплине, порядке и боеспособности Красной Армии Советской Латвии» легли те же принципы советской военной науки, которые были высказаны в уставах Внутренней службы и Гарнизонной службы РККА. Оно принципиально отличалось от уставов буржуазных армий тем, что оно требовало от бойцов и командиров сознательного выполнения своих обязанностей и беззаветного служения делу социалистической революции и Советскому строю.

РКП(б) и В. И. Ленин придавали большое значение вопросу создания новых командных кадров из рабочих и крестьян. В. И. Ленин писал, что только тогда «социалистическая армия будет действительно социалистической, где будет офицерский состав, обновленный участием красных офицеров»¹.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина особое совещание Реввоенсовета Армии Латвии 25 февраля 1919 г. приняло решение о том, чтобы немедленно приступить к подготовке командного состава через инструкторские курсы и военные школы. Вскоре после принятия этого решения в Даугавпилсе были открыты военно-инструкторские курсы Латвии. 11 марта 1919 г. военный Комиссар Латвии К. Петерсон подписал приказ № 43 о создании Военной школы Армии Советской Латвии в гор. Риге. Школа была открыта в здании бывшей Николаевской гимназии и Петровского реального училища. Она должна была готовить красных офицеров для всех родов войск. Школа имела 5 отделений: пехотно-пулеметное, кавалерийское, артиллерийское, электро-техническое, инженерно-саперное.

Поступающие в школу курсанты по своему социальному происхождению должны были удовлетворять тем требованиям, которые предъявлялись к добровольцам, поступающим в Красную Армию. При поступлении требовалась рекомендация командира, комиссара или парторганизации. Поступающие в пехотно-пулеметное или кавалерийское отделение должны были иметь знания в объеме бывшего начального училища. Для артиллеристов и курсантов инженерного и электротехнического отделения требовались знания в объеме 5-классного среднего учебного заведения. Если поступающий был в состоянии сдать приемные экзамены в объеме требований вышеназванных учебных заведений по русскому языку, математике, географии и истории, то отсутствие образовательного ценза не служило препятствием к поступлению в школу. Непременным условием приема в школу были вы-

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 342.

сокие политические и нравственные качества поступающего: преданность советской власти, честность, смелость и правдивость. В приказе было сказано: «Командируемые по своим нравственным качествам должны вполне удовлетворять своему будущему званию красного офицера РККА»¹.

По первому набору в школу были приняты 170 чебоков. Из них: на пехотно-пулеметное отделение — 100 чел.; кавалерийское — 20, артиллерийское — 20, инженерное — 15, техническое — 15. В мае в школе обучалось — 400 курсантов. Начальником школы был назначен генштабист Косматов, начальником строевого обучения — Сталгевич.

Теоретическое обучение в военной школе сочеталось с практическими занятиями. Все курсанты школы были бойцами и командирами действующей армии, поэтому курс практических занятий был сокращен до минимума, но чтобы преподавание не носило слишком абстрактного характера, систематически устраивались тактические занятия. О характере тактических занятий можно судить хотя бы по следующей выдержке из приказа по школе: «В субботу 10 мая произвести выход в поле для занятий рассыпным строем и для упражнений по чтению карт и планов на местности... при участии всего командного и учебного персонала. Во время следования производить строевые и тактические учения, перестроение колонн и охранение походного движения»².

Школа прекратила свое существование после занятия Риги белыми. Курсанты приняли активное участие в жесточких сражениях, развернувшихся за Ригу.

Советская Латвия в строительстве армии шла тем же путем и повторила те же этапы, что и РСФСР. В отличие от РСФСР, которая по словам В. И. Ленина должна была «сплошь и рядом идти ощупью», поскольку «вопрос о строении Красной Армии был совершенно новым, он совершенно не ставился даже теоретически»³, ЛССР смогла руководствоваться теоретическими положениями, высказанными В. И. Лениным, и богатым практическим опытом строительства РККА в РСФСР.

СНК РСФСР и командование РККА оказали большую организационную и материальную помощь в строительстве Армии Советской Латвии. Несмотря на многочисленность фронтов и ожесточенные бои на Восточном фронте, Армия Советской Латвии непрерывно снабжалась новейшим оружием, боеприпасами военной техникой. Она целиком содер-

¹ ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, эк. 795, л. 24.

² ЦГА ЛССР, ф. Р-25, оп. 1, эк. 130, л. 13.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 132.

жалась на денежные средства, ассигнованные правительством РСФСР. Армия Советской Латвии в большем количестве, чем другие армии РСФСР, снабжалась из центра обмундированием и продовольствием. В условиях хозяйственной разрухи, голода и тяжелого состояния транспорта, запасы одежды, обуви и продовольствия в центре были невелики, к тому же их трудно было доставить в Латвию, поэтому они в значительной мере должны были пополняться из местных ресурсов. Так как Латвия больше чем другие губернии России пострадала от империалистической войны и была разграблена немецкими оккупантами, то на месте трудно было изыскать что-либо для снабжения армии. В связи с вышеизложенным Армия Советской Латвии хоть и получала из центра больше, чем другие армии, в смысле снабжения находилась в несколько худшем положении, чем другие армии РККА.

Командование РККА оказало большую помощь в строительстве Армии Советской Латвии, как указаниями и советами, так и кадрами опытных командиров-латышей и русских, которые были высвобождены из штабов других армий и направлены в Латвию.

Полевой штаб и командующий Западным фронтом осуществляли верховное руководство боевыми операциями Армии и координировали ее действия с действиями других армий фронта.

Проведение мобилизаций и пополнений Армии Советской Латвии людьми и лошадьми было возложено на Комиссариат по военным и морским делам ЛССР, во главе с Петерсоном, который проявил себя и на этой работе, как талантливый организатор и военначальник.

Советская Латвия родилась и существовала в самый разгар гражданской войны, когда Колчак, а позднее Деникин рвались к Москве, а Юденич и белофины к Петрограду. Судьба революции решалась на Восточном, а затем Южном фронте и под Петроградом. Советская Россия не могла выделить сколько-нибудь значительные, боеспособные части для Западного фронта, в том числе и для Армии Советской Латвии. Коммунистическая партия и Советское правительство Латвии сумели найти в обезлюдевшей и истощенной после немецкой оккупации республике силы для создания Армии Советской Латвии и пополнения ее рядов. На фронт было мобилизовано все мужское население, а в прифронтовых уездах, каковых было подавляющее большинство, даже старики и подростки в качестве добровольцев были привлечены в действующую армию.

Благодаря соблюдению ленинских принципов в вопросах строительства армии, благодаря стойкости, мужеству и безграничной преданности советской власти подавляющего большинства ее населения: рабочих и батраков, небольшая Советская Латвия в течение года стойко отбивала наступление объединенных сил иностранных интервентов и внутренней контрреволюции: полчища немецких империалистов, белополяков, белофинов, белолитовцев, датчан, белоэстонцев и белолатышей, с трех сторон нападающих на измученную, истерзанную Советскую Латвию.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. <i>А. Д. Ролова</i> , канд. ист. наук. — Структура промышленности Флоренции второй половины XVI — начала XVII в.	5
2. <i>М. К. Степерманис</i> , доктор ист. наук. — Т.—Л. ЛАУ и его сочинение «Философские размышления о боге, мире и человеке» (1717).	55
Приложение: ТЕОДОР—ЛЮДВИГ ЛАУ «Философские размышления о боге, мире и человеке» («Meditationes philosophicae de deo, mundo et homine») (1717). (Перевод с латинского Т. К. Фоминой, канд. филолог. наук).	69
3. <i>И. Р. Грейтъянис</i> , канд. ист. наук. — Сарканмужские волнения крестьян в 1883 г.	97
4. <i>О. М. Ниедре</i> . — Борьба против империалистической войны в работе Я. Данишевского «Прусские юнкера в Латвии в 1812—1914 гг.»	111
5. <i>О. М. Ниедре</i> . — Деятельность социалдемократии Латышского Края в изданиях демократической мелкобуржуазной прессы в годы первой мировой войны (1914—1916).	121
6. <i>А. Я. Зиле</i> , канд. ист. наук. — Организация и строительство армии Советской Латвии в 1919 г.	143

Сдано в набор 2 января 1965 г. Подписано к печати 13 апреля 1965 г. Формат бумаги 60×90 ¹/₁₆, 12 физ. л.; 12 уч. л., 11,04 изд. л. Тираж 700 экз. ЯТ 20117. Цена 94 коп.

Издательство «Звайгзне», г. Рига, ул. Пилс, 23. Отпечатано в типографии № 1 «Циня» Управления полиграфической промышленности Государственного комитета Совета Министров Латвийской ССР по печати, г. Рига, ул. Блаумана, 38/40. Заказ № 120.

Mācību T.
in 2 sp.

94 коп.

10

44/5825

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509052732